

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022 Том 9 № 1

Биография автора: перед какой из двух икон Божией Матери «Знамение» молился Достоевский? Из каких жилых строений состояла усадьба Достоевских? С кем Достоевский выходил на сцену в постановке комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? Воспользовался ли Д. С. Мережковский советом Достоевского: чтобы писать, нужно страдать? **Уроки текстологии:** чему может научить Е. Н. Коншина современных текстологов? Азарт коллекционера: как в коллекции А. Г. Достоевской оказались итальянские автографы? **Новые книги:** что открывают юбилейные труды о Достоевском?

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2022

Vol. 9 No. 1

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Хорст-Юрген Геригк (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Н. Тихомиров

- «Темный лик Богородицы у Знаменья»
(Икона, перед которой молился Достоевский) 5

А. С. Бессонова, В. А. Викторович

- Как найти дом Достоевских?
(Заметки по поводу несостоявшейся сенсации) 20

О. А. Богданова

- «И в гроб сходя...»:
о встрече Достоевского с Мережковским в 1880 г. 38

Б. Н. Тихомиров

- Актеры-любители — партнеры Достоевского в постановке
комедии Гоголя «Ревизор» (Из дополнений к словарю
«Ф. М. Достоевский и его окружение») 61

Р. Б. Ахметшин

- Е. Н. Коншина в работе над изданием
записных тетрадей Достоевского 80

И. С. Андрианова, С. Алоэ

- Коллекция А. Г. Достоевской:
автографы на итальянском языке..... 99

О. Ю. Юрьева

- Когда неизвестное становится известным:
текстология, биография, критика (Обзор книг, изданных
по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия
Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре») 124

- Памяти Луи Аллена**..... 156

CONTENTS

B. N. Tikhomirov

- “The Dark Face of the Virgin at the Znamenskaya Church”
(The Icon Before Which Dostoevsky Prayed) 5

A. S. Bessonova, V. A. Viktorovich

- Searching for the Dostoevsky House
(Notes on the Failed Sensation) 20

O. A. Bogdanova

- “And Going Down to the Coffin...”:
On Dostoevsky’s Meeting with Merezhkovsky in 1880..... 38

B. N. Tikhomirov

- Amateur Actors Who — Partnered with Dostoevsk
in the Production of Gogol’s Comedy “The Inspector”
(From the Additions to the Dictionary
“F. M. Dostoevsky and His Entourage”) 61

R. B. Akhmetshin

- E. N. Konshina and Her Work on the Publication
of Dostoevsky’s Notebooks 80

I. S. Andrianova

- Autographs in Italian:
Anna Dostoevskaya’s Collection 99

O. Yu. Yurieva

- When the Unknown Becomes Known: Textology, Biography, Criticism
(Review of Books Published by the RFBR Competition
“Sources and Methods in the Study of the Legacy
of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture”)..... 124

- In memory of Louis Allain* 156

**«Темный лик Богородицы у Знаменья»
(Икона, перед которой молился Достоевский)**

Б. Н. Тихомиров

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе перекрестного анализа мемуарного свидетельства В. В. Тимофеевой (О. Починковской) и материалов творческой лаборатории Достоевского устанавливается факт молитвенного почитания писателем чудотворной иконы Божией Матери «Знамение», находившейся в петербургской Знаменской (Входоиерусалимской) церкви на Невском проспекте, а также намерение Достоевского (не реализованное в окончательном тексте) в одном из эпизодов романа «Подросток» изобразить героя, Аркадия Долгорукого, на молитве перед этим чудотворным образом. При комментировании черновой записи «Темный лик Богородицы у Знаменья» было установлено, что в храме на Невском в 70-х гг. XIX в. находилось не одна, а две чтимых иконы Знамения Божией Матери, которые, обе, являлись списками с новгородской чудотворной иконы Знамения XII в. Один список в церковно-исторической литературе датируется 1175-м, второй — 1744 г. В статье на основе аналитического рассмотрения сведений о двух этих иконах обосновывается предположение, какая же из двух икон упоминается в черновиках «Подростка», а также перед которой из них истово молился сам Достоевский. Указывается, где одна из двух этих икон находится сегодня.

Ключевые слова: Достоевский, Знаменская церковь, икона Божией Матери «Знамение», чудотворный список, иконописец Христофор Семенов, подготовительные материалы к «Подростку», Историко-статистические сведения Свято-Петербургской епархии

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. «Темный лик Богородицы у Знаменья» (Икона, перед которой молился Достоевский) // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 1. С. 5–19. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5941

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5941

**“The Dark Face of the Virgin at the Znamenskaya Church”
(The Icon Before Which Dostoevsky Prayed)**

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Abstract. Based on a cross-analysis of the memoir testimony of V. V. Timofeeva (O. Pochinkovskaya) and the materials of Dostoevsky’s creative laboratory, the article establishes the fact of the writer’s prayerful veneration of The Sign, the miraculous icon of the Mother of God, located at the St. Petersburg Znamenskaya (Entrance to Jerusalem) Church on Nevsky Prospect, as well as Dostoevsky’s intention (not realized in one of the episodes of the novel “A Raw Youth”) to portray the main character, Arkady Dolgoruky, at prayer before this miraculous image. When commenting

on the draft entry of “The Dark Face of the Virgin at the Znamenskaya Church,” it was discovered there were not one, but two venerated icons of the Sign of the Mother of God in the temple on Nevsky Prospect in the 1870s. Both were replicas of the 12th-century miraculous Novgorod icon of the Sign. One of the replicas dates back to 1175 in the church historical literature, the second — to 1744. Based on an analytical review of the information about these two icons, the article substantiates the assumption regarding which of the two icons is mentioned in the drafts of “A Raw Youth,” as well as which one of them was the object of Dostoevsky’s fervent prayer. The current location of one of these icons is indicated.

Keywords: Dostoevsky, Znamenskaya Church, The Sign icon of the Mother of God, miraculous replica, icon painter Christopher Semyonov, preparatory materials for “A Raw Youth”, Historical and statistical information of the St. Petersburg diocese

For citation: Tikhomirov B. N. “The Dark Face of the Virgin at the Znamenskaya Church” (The Icon Before Which Dostoevsky Prayed). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5941 (In Russ.)

В петербургском Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского, в кабинете писателя, экспонируется мемориальная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость», перед которой в домашней обстановке молился создатель романа «Братья Карамазовы». Икона эта после кончины Достоевского бережно сохранялась его вдовой, Анной Григорьевной. Когда в конце 1880-х гг. она основала в одной из восьмигранных башен Императорского Российского Исторического музея в Москве отдел Ф. М. Достоевского, икона вместе с рядом других мемориальных предметов вошла в состав музейной коллекции. В мае 1906 г. А. Г. Достоевская передала Историческому музею сосредоточенное в его стенах собрание на вечное хранение. Первоначальный отдел на данном этапе получил название Музей памяти Ф. М. Достоевского¹. К этому времени вдова писателя приурочила издание обширного каталога собрания, хранившегося в Императорском Российском Историческом музее им. Императора Александра III². В Отделе XV этого каталога, озаглавленном «Вещи, принадлежавшія Ф. М. Достоевскому и его матери», под № 3743 зарегистрирована «Икона Пресвятая Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости». К регистрационной записи в скобках сделано примечание: «Икона эта всегда находилась въ кабинетѣ Ф. М. Достоевскаго»³. Когда в 1928 г. в Москве, на Божedomке, в левом флигеле бывшей Мариинской больницы для бедных, была образована Музей-квартира Ф. М. Достоевского, мемориальная икона писателя была передана

¹ Подробнее см.: [Андрианова].

² Так Исторический музей стал именоваться в 1894 г., после смерти императора Александра III.

³ Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом Музее имени Александра III. 1846–1903 / сост. А. Достоевская. СПб, 1906. С. 291.

из Государственного исторического музея в ее фонды. С открытием в 1971 г. в Ленинграде Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского ряд мемориальных предметов, связанных с последними годами жизни писателя, был передан из Москвы в музейную коллекцию Северной столицы. 13 ноября 1971 г. первые посетители открывшегося в этот день музея Достоевского в Кузнечном переулке могли видеть в мемориальном кабинете принадлежавшую писателю его молельную икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Вот уже более пятидесяти лет она висит в правом, дальнем от дверей углу, напротив рабочего стола великого христианского художника и мыслителя⁴.

Известны ли другие иконы, перед которыми молился Достоевский? И какова их судьба? Один интересный «сюжет» станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

В 1873–1878 гг., когда Достоевский жил в доме титулярного советника Ф. П. Сливчанского на набережной Лиговского канала (на углу Гусева переулка; соврем. адрес: Лиговский проспект, № 25, угол переулка Ульяны Громовой, № 8) и затем в доме отставного поручика А. П. Струбинского на Греческом проспекте (соврем. адрес: Греческий проспект, № 6, угол 5-й Советской, № 6) (см.: [Тихомиров: 108–113, 120–125]), писатель был прихожанином Знаменской церкви, находившейся на углу Невского проспекта и Знаменской (ныне Восстания) улицы, наискосок, через площадь, от Николаевского (ныне Московского) вокзала. В мемуарной литературе сохранилась редкая, может быть, единственная зарисовка, изображающая писателя *на молитве*. Со слов «почтенной старушки, вдовы священника, часто встречавшей Ф. М. Достоевского в Знаменской церкви», это свидетельство воспроизводит в своих воспоминаниях Варвара Васильевна Тимофеева-Починковская:

«Он [Достоевский] всегда к заутрене или к ранней обедне в эту церковь ходил. Раньше всех, бывало, придет и всех позже уйдет. И станет всегда в уголок, у самых дверей, за правой колонкой, чтобы не на виду. И всегда на коленках и со слезами молился. Всю службу, бывало, на коленках простоит; ни разу не встанет. Мы все так и знали, что это – Федор Михайлович Достоевский, только делали вид, что не знаем и не замечаем его. Не любил, когда его замечали. Сейчас отворотится и уйдет»⁵.

Церковь, в которой так истово молился Достоевский, сегодня не существует. В 1938 г. городскими властями она была закрыта и через два года взорвана, «чтобы освободить место для станции метро, которая появилась

⁴ Подробнее см.: [Ковина: 143–151].

⁵ Тимофеева В. В. (Починковская О.) Год работы со знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 195–196.

только в 1957 г.⁶, грубо копируя стиль уничтоженного памятника» [Антонов, Кобак: 174]. С целью получить представление об этом варварски уничтоженном петербургском храме, обратимся к исторической литературе.

Илл. 1. Знаменская церковь. Фотография А. Лоренса. 1865–1870

Fig. 1. Znamenskaya Church. Photo by A. Lawrence. 1865–1870

Первая, деревянная, церковь была воздвигнута «на Невском проспекте у Лигова канала»⁷ еще в 1765 г. Новая, каменная, церковь в стиле классицизма, спроектированная архитектором Ф. Демерцовым, была заложена в 1794 г. позади деревянной, позже разобранной, а ее освящение состоялось 6 ноября 1804 г. По главному приделу она официально именовалась церковью во имя Входа Господня в Иерусалим, но более была известна как Знаменская⁸. С середины XIX в., когда было открыто железнодорожное сообщение между Москвой и Петербургом, эта церковь являлась первой величественной городской постройкой, которая встречала приезжавших по «чугунке» из Первопрестольной. «Когда прибывший в столицу выходил из Николаевского вокзала на Знаменскую площадь, — пишут исследователи, занимающиеся историей петербургских христианских храмов, — перед ним вырастала белая церковь на высоком гранитном цоколе, купол которой как бы парил над Невским <...>. Войдя внутрь, приехавший видел белые коринфские колонны с золочеными капителями, множество лепки и рельефов. Трехъярусный иконостас в стиле ампира высился полукругом и блистал позолотой.

⁶ Это фактическая ошибка: станция метро «Площадь восстания» была открыта 15 ноября 1955 г. в составе ветки «Автово» — «Площадь Восстания».

⁷ Лиговский канал был засыпан в 1891–1892 гг. Сейчас на его месте Лиговский проспект.

⁸ Этот вопрос будет подробно освещен далее.

В старинном серебряном окладе, на возвышении, стояла икона Знамение — самая чтимая святыня храма, исполненная в 1175 году в Новгороде греком Христофором Семеновым» [Антонов, Кобак: 172].

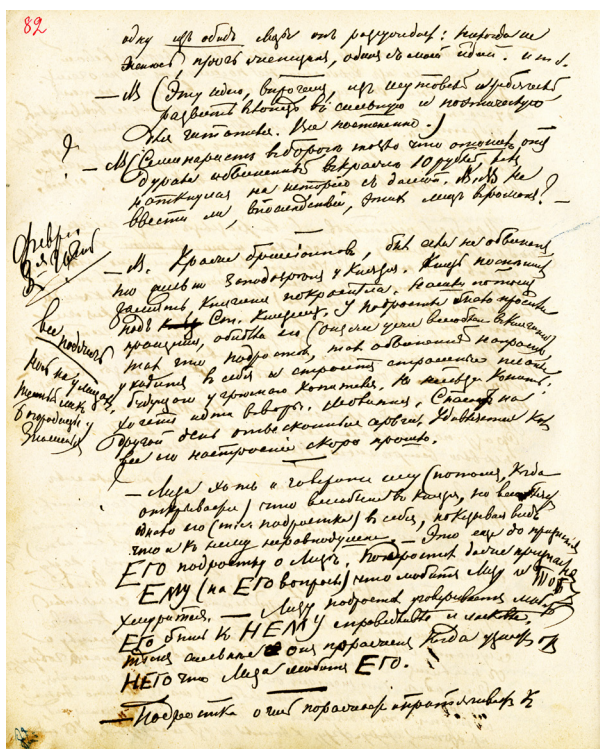
Естественно возникает предположение, что и Достоевский простаивал службы именно перед этим образом Божией Матери «Знамение» — главной святыней храма. Предположение это, и без того имеющее право на существование, получает дополнительное подтверждение при обращении к материалам творческой лаборатории писателя.

В рабочей тетради Достоевского 1874–1875 гг., хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 212.1.12), в ранних подготовительных материалах к роману «Подросток», на полях 82-й страницы, содержится запись: «Ночь на улицах, **темный лик Богородицы у Знаменья**»⁹. Нет сомнения, что здесь имеется в виду та самая Знаменская (Входа Господня в Иерусалим) церковь, прихожанином которой с 1873 г. был сам Достоевский и о горячей молитве в которой писателя выше было приведено мемуарное свидетельство.

Судя по контексту творческих записей, можно с уверенностью предположить, что на этом этапе разработки замысла романа планировался эпизод, в котором, заподозренный в краже бриллиантов в доме старого князя Сокольского, страшно униженный таким подозрением, Аркадий Долгорукий мечется по ночным улицам, и в нем от отчаяния рождается разрушительное желание «всё поджечь» (ДЗ0; т. 16: 62). В окончательном тексте «Подростка» в аналогичном состоянии герой будет пребывать после изгнания из тайного игорного дома, где его также несправедливо обвинили в воровстве. Там он действительно пытается поджечь дровяной склад близ Конногвардейского бульвара, но срывается с забора, теряет сознание и, замерзая, видит сон о московском детстве (см.: ДЗ0; т. 13: 269–274). Первоначально, очевидно, планировалось иное художественное решение: герой заходит в храм (судя по записи на полях, это должна была быть как раз Знаменская церковь¹⁰), «молится» (ДЗ0; т. 16: 61), и молитва перед иконой Божией Матери спасает его от хаоса в душе и готовности совершить преступление. Надо полагать, задумывая этот эпизод, Достоевский вспоминал, как сам, на коленях и со слезами, молился в этом же храме перед образом Богородицы.

⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 62. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹⁰ Других церквей во имя Знамения Пресвятой Богородицы в Северной столице не существовало.

Илл. 2. Страница рабочей тетради Достоевского 1874–1875 гг. с набросками к роману «Подросток»

Fig. 2. The page of Dostoevsky's notebook of 1874–1875 with sketches for the novel «A Raw Youth»

Кажется, после сказанного остается лишь привести более подробное описание иконы, упомянутой в черновой рукописи романа «Подросток», столь важной, как оказывается, и для биографии самого автора романа. Однако при ближайшем рассмотрении вопроса возникает серьезная проблема. Вопреки приведенному выше указанию современных авторов историко-церковной энциклопедии «Святыни Санкт-Петербурга», при обращении к источникам XIX в. обнаруживается, что в Знаменской церкви на Невском проспекте находилась не одна чтимая икона Божией Матери «Знамение», а две.

Так, в авторитетном издании «Историко-статистические сведения С.-Петербургской епархии», вышедшем в свет в том самом году, когда Достоевский писал роман «Подросток» (1875), в главе «Церковь во имя Входа Господня во Иерусалим, более известная под именем церкви Знамения Божией Матери», сообщается, что к достопримечательностям храма относятся, в ряду некоторых других священных предметов (первым назван на престольный

серебряный крест): «2) икона Знаменской Божией Матери с изображениями великомучеников Георгия и Иакова, преподобного Онуфрия Великого и Петра Афонского <...>. Внизу на металлической дощечке надпись: “истинное изображение и мера (мѣра) чудотворнаго образа Знаменія Пресвятыя Богородицы, яже в<ъ> великомъ Новѣ-градѣ на Иліины улицы. Писанъ 1744 года месеца [так!] августа”. 3) Икона Знаменія Божией Матери, писанная в 1175 году с ликами великомученика Георгия, Иакова Персянина, преподобных Петра и Онуфрия. <...> На окраине старого серебряного оклада находится 6 серебряных дощечек, на которых чернью сделана древним церковно-славянским шрифтом следующая надпись: “сей святой Пренепорочныя и Приснодѣвы Маріи Владычицы наша Богородицы образъ писанъ истово и праведно, точка въ точку съ тово самова чудотворнаго образа Знаменія Защитницы и Помощницы Ноугородцамъ во Дни святительства Григорія Архіепископа Новограда, по благословенію его и приказанію великаго князя Всеволода Ярославца Владимірскаго и Новгородскаго: а писалъ грекъ въ Новѣгородѣ, священноинокъ Христофоръ Семеновъ въ лѣто 6683 мѣсяца февраля, марта и апрѣля въ святое четьырѣдесятіе”. <...> Сей образ с старинными окладами и венцом пожертвован в Знаменскую церковь дочерью статского советника девицею Мариєю Мосальскою в 1855 году»¹¹. Эти сведения с необходимостью требуют дальнейшего аналитического рассмотрения.

Сразу же отметим, что приведенные в описаниях двух этих икон памятные записи — в первом случае «внизу на металлической дощечке», во втором на шести серебряных дощечках «на окраине оклада» — свидетельствуют, что оба образа представляют собою списки с одной и той же чудотворной иконы второй четверти XII в., которая ныне находится в Софийском соборе Великого Новгорода¹². Новгородская икона Знаменія Божией Матери — одна из самых прославленных в отечественной истории. Предание сообщает, что, когда 25 февраля 1170 г. войска Суздальского князя Андрея Боголюбского осадили Великий Новгород, архиепископ Илия¹³ услышал глас, повелевавший ему вынести икону Пресвятой Богородицы из церкви Спаса Преображения на Ильиной улице и установить ее на крепостной

¹¹ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии / изд. С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1875. Вып. 4. С. 17–18 (2-я паг.).

¹² Передана в Софийский собор из Новгородского государственного объединенного музея-заповедника 15 августа 1991 г. Описывая эту чтимую чудотворную икону, поясняя ее наименование «Знамение», означающее знак, «так как знаком спасения, знаком начала новой жизни было воплощение сына от Девы», современный искусствовед Н. А. Барская замечает: «...древняя живопись сохранилась на ней лишь фрагментарно, ее дописали, дополнили в XVI веке. Но и в таком виде предстающий на ней образ Богородицы наделен величавой таинственностью, неотделимой от совершающегося в ней чуда воплощения» [Барская: 17–18].

¹³ С 1185 г. в схиме Иоанн.

стене. Осаждавшие выпустили по крепости множество стрел, и одна из них попала в лик Божией Матери, из глаз Которой полились слезы. Войска Андрея Боголюбского были объаты ужасом, побросали оружие и стали поспешно отходить от крепости. Новгородцы преследовали противника и одержали полную победу.

Илл. 3. Чудотворная икона Божией Матери «Знамение». Первая половина XII в.

Fig. 3. The miraculous icon of the Mother of God “The Sign”.

The first half of the XII century

В свидетельствах с памятных дощечек, приведенных в «Историко-статистических сведениях...», согласно которым оба списка из петербургского храма восходят именно к этой прославленной иконе, акцентированы разные данные, обосновывающие такую идентификацию. В первом случае указано местонахождение чудотворной иконы: с 80-х гг. XVII в. она действительно находилась в специально построенном для нее в Новгороде на *Ильиной улице* Знаменском соборе. Во втором прямо говорится, что список сделан с той самой иконы «Знамение», которая явилась защитницей и помощницей новгородцам (подразумевается — в битве с суздальцами в 1170 г.). Причем в описании отмечено его древнее происхождение: он писан в 1175 г. (в 6683 г. от сотворения мира), а также — что пожертвован этот образ в храм в 1855 г.

Первый же петербургский список исполнен в 1744 г.; с какого времени он находится в храме на Невском проспекте, здесь не говорится.

Авторитетное церковное издание XIX в. позволяет исправить ошибку современных авторов, которые, как уже говорилось, отметив нахождение в храме во имя Входа Господня в Иерусалим только одной иконы Знамения Божией Матери, писанной в 1175 г. греком Христофором Семеновым, утверждают, что «от нее церковь получила свое название в народе» [Антонов, Кобак: 172]. Это утверждение не соответствует истине хотя бы уже потому, что данная икона, как следует из указания в «Историко-статистических сведениях...», была пожертвована церкви «девицею Мариею Мосальской» лишь в 1855 г., в то время как храм стал именоваться Знаменским гораздо ранее, едва ли не с самого своего основания. Так, например, бытописатель Северной столицы И. И. Пушкарев писал еще в конце 1830-х гг., что церковь «обыкновенно именуется Знаменской» от престола Знамения Божией Матери — одного из трех, наряду с престолом во имя Входа Господня во Иерусалим и престолом Николая Чудотворца¹⁴. Еще ранее под именем «Знамения Пресвятой Богородицы на Невском проспекте» фигурирует этот храм и в адресной книге С.-Петербурга 1809 г.¹⁵

К этому следует добавить указание из тех же «Историко-статистических сведений...», что еще при постройке первой, деревянной, церкви «в 1765 году 11 сентября освящена была придельная церковь **в честь Знамения Пресвятой Богородицы**, с чем вместе **и новоустроенный приход получил название Знаменского**». Главный же «придел в честь Входа Господня в Иерусалим» был освящен тремя годами позднее — 15 июня 1768 г.¹⁶

Пожалуй, еще важнее указание, что вскоре после освящения Знаменского придела в числе другой «священной утвари» в новоустроенную деревянную церковь из бывшего придворного храма временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны¹⁷ были перенесены иконостас, кафедра, а также одиннадцать икон, среди которых под № 7 значится «Знамения Божией Матери местный образ, писанный на деке, в серебряной вызолоченной ризе — старинного чекана, с таковым же венцом, на котором корона, украшенная гранеными камнями, в серебряной оправе»¹⁸. Более чем вероятно (хотя об этом не говорится прямо), что это и был список с новгородской чудотворной иконы, выполненный в 1744 г., который позднее перенесли из

¹⁴ См.: Пушкарев И. М. Описание Санктпетербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. СПб., 1839. С. 265.

¹⁵ См.: [Реймерс Г. фон]. Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809. [Отд. 1]. С. 36.

¹⁶ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. С. 5–6 (2-я паг.).

¹⁷ Временный Зимний дворец императрицы Елизаветы I существовал на Невском проспекте между Мойкой и Большой Морской улицей с 1755 по 1765 г. Он являлся временной царской резиденцией на время строительства Зимнего дворца на Дворцовой площади.

¹⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. С. 6–7 (2-я паг.).

старой, деревянной в новую каменную церковь, очевидно, также в Знаменский придел, освященный 6 ноября 1804 г. Надо полагать, что нахождение этого образа Божией Матери «Знамение» в новопостроенной церкви «на Невском проспекте у Лигова канала» также способствовало тому, что за храмом закрепилось название Знаменского. Ведь, судя по всему, до 1855 г. эта икона была *единственным* образом Божией Матери «Знамение» в храме.

О том, что эти соображения соответствуют действительности, между прочим, косвенно свидетельствует и странная, на первый взгляд, динамика описаний двух икон Знамения Божией Матери из петербургского храма в церковно-исторической литературе. Так, в капитальном издании «Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси: С.-Петербургская епархия», вышедшем в 1909 г., составители в главе «Входоиерусалимская Знаменская церковь», почти дословно скопировав из «Историко-статистических сведений...» данные об иконе Знамения Божией Матери 1744 г., в описании второй иконы из храма на Невском проспекте ограничились более чем кратким резюме: «...икона Знамения Божией Матери, писанная в 1175 г., вставлена в старинный серебряный оклад. Судя по имеющейся надписи, копия эта снята с оригинала не позже как через 5 лет после отражения суздальцев новгородцами, бывшего в 1170 г.; образ пожертвован в 1855 г.»¹⁹

Здесь удивляет, что древняя икона, восходящая к домонгольской Руси, в придачу, как и первообраз, с которого она списана, почитаемая чудотворной²⁰, охарактеризована предельно лаконично: опущены ее конкретное описание, данные с памятных «серебряных дощечек», включающие имя иконописца священноинока грека Христофора Семенова, а также имя донатора. А вот позднейший список 1744 г. не только описан в мельчайших подробностях, но на одной из соседних страниц даже напечатана иллюстрация с его воспроизведением²¹. Объяснить данный факт можно лишь тем, что именно эта икона, перенесенная из временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы I еще в деревянную церковь при ее основании, дала имя Знаменской церкви.

Может показаться, что эти наблюдения и соображения, интересные сами по себе, факультативны при рассмотрении вопроса о том, перед какой же иконой молился Достоевский и какую икону он упоминает в набросках к роману «Подросток». Однако это не так. Характер описания достопримечательностей Знаменского храма на Невском проспекте из историко-церковной энциклопедии В. В. Антонова и А. В. Кобака провоцировал нас на поспешное заключение, что Достоевский однозначно молился перед образом Богородицы, написанным Христофором Семеновым в 1175 г. (второй

¹⁹ Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси: С.-Петербургская епархия. СПб., 1909. С. 118 (3-я паг.).

²⁰ Об этом будет сказано далее.

²¹ См.: Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси: С.-Петербургская епархия. С. 115 (3-я паг.).

образ Богоматери «Знамение» в этом издании просто не упоминается). В капитальном труде «Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси», напротив, хотя и упоминаются обе чтимые Знаменские иконы, самой подачей материала (полнота описания, воспроизведение образа на иллюстрации) выдвигается на первый план список с новгородской иконы Божией Матери «Знамение», исполненный в 1744 г., тем самым также подталкивая исследователей к скоропалительному выводу. И только подробное, обстоятельное описание обеих чтимых икон в «Историко-статистических сведениях...», хотя и осложняет выбор, дает необходимый материал для взвешенного рассмотрения проблемы.

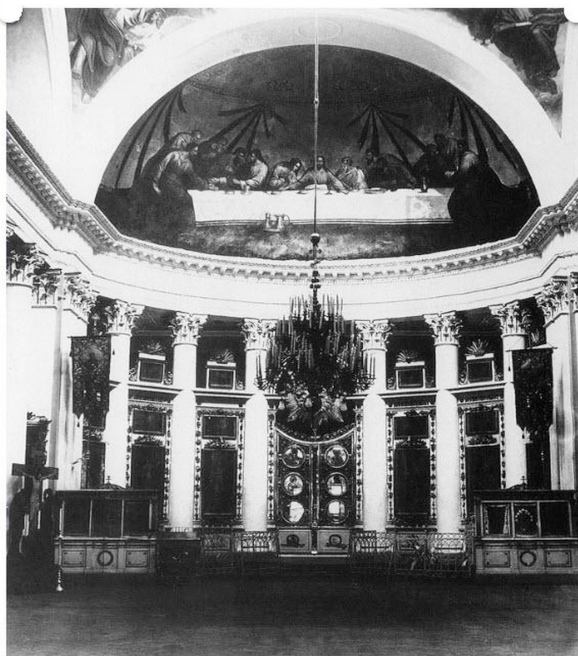
В поисках решения необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, свидетельство самого писателя: «темный лик». Пусть икона, приписываемая кисти грека Христофора Семенова, не может быть достоверно датирована временем домонгольской Руси²², но, тем не менее, ее древний характер, кажется, не вызывает сомнений. Поэтому «темный лик» скорее подходит ее описанию, нежели списку, сделанному в середине XVIII в.

Во-вторых, не менее важно, что именно список с новгородской чудотворной иконы, датируемый в церковной литературе последней четвертью XII в., сам почитался во времена Достоевского *чудотворным*. Так, церковный искусствовед С. Снегирева в обстоятельном исследовании «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон», вышедшем 1-м изданием в 1891-м и 2-м в 1898 гг., систематизировав известные списки с чудотворной новгородской иконы Знамения Божией Матери, из двух петербургских икон отметила только образ, приписываемый кисти священноинока Христофора Семенова, завершив свое описание словами: «С давних времен эта икона почитается чудотворной»²³.

²² Принятая датировка списка 1175 г. вызывает определенные сомнения. На памятных серебряных дощечках, помещенных на окладе, указано, что он писан в дни святительства архиепископа Новгородского Григория. Однако свт. Григорий был избран на архиерейскую кафедру лишь в 1186 г., а хиротонисан во епископа Новгородского и Псковского с возведением в сан архиепископа 29 марта 1187 г. (дата смерти 24 мая 1193 г.). Что же касается упоминания великого князя Всеволода Ярославца Новгородского и Владимирского, по приказанию которого якобы был сделан список с чудотворной иконы через пять лет после чуда, совершенного Царицей Небесной во время осады Новгорода, то история вообще не знает такого князя. Таким образом, данная памятная запись имеет явно легендарный характер. Сомнения, очевидно, возникли уже у составителей «Историко-статистических сведений...», которые сопроводили текст памятной записи примечанием: «...если верить этой надписи, эта копия снята с оригинала не позже, как чрез пять лет после отражения суздальцев новгородцами, бывшего в 1170 году» (Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. С. 18). Однако датировка иконы от сотворения мира (6683-й год) указывает на древний характер этой памятной записи.

²³ Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых Православною Церковью, на основании Священного Писания и церковных преданий, с изображениями в тексте праздников и Икон Божией Матери / сост. С. Снегирева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Терирем, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/zemnaja-zhizn-presvjatoj-bogoroditsy-i-opisanie-svjatyh-chudotvornyh-ee-ikon/30_12 (05.03.2022).

В силу сказанного представляется более предпочтительным заключить, что в подготовительных материалах к «Подростку» упоминается древний чудотворный список с новгородского образа Богоматери «Знамение», датируемый в церковной литературе 1175 г. Надо полагать, и Достоевский молился именно перед этой иконой. Список 1744 г., судя по всему, находился в Знаменском приделе храма. Древний чудотворный образ Знаменской Божией Матери кисти Христофора Семенова должен был находиться в главном церковном приделе во имя Входа Господня в Иерусалим (но точных указаний на это не обнаружено).

Илл. 4. Интерьер Знаменской церкви в Петербурге. Фотография А. Функа. 1918

Fig. 4. Interior of the Znamenskaya Church in St. Petersburg. Photo by A. Funk. 1918

Вот подробное описание образа Божией Матери «Знамение» из храма на Невском проспекте, являющегося древним, скорее всего домонгольским, списком с чудотворной новгородской иконы²⁴. Богородица изображена

²⁴ Поскольку, однако, нет стопроцентной уверенности в сделанном заключении, приводим параллельно описание и списка 1744 г.: «...икона Знаменской Божией Матери с изображениями великомучеников Георгия и Иакова, преподобного Онуфрия Великого и Петра Афонского, на деке, в серебряной (84-й пробы) вызолоченной ризе, с восьмью венцами; на иконе Божией Матери венеч с короною, украшенною бриллиантами и алмазами, убрус жемчужный, с разноцветными камнями; весу в ризе с короною и убрусом

с молитвенно поднятыми руками, обращенными ладонями к молящимся (иконографический тип «Оранта»), с Богомладенцем Спасом-Эммануилом на лоне, заключенным в круг. На полях иконы помещены ростовые фигуры²⁵ святых Георгия Победоносца, Иакова Персянина, Петра Афонского и Онуфрия Великого (или Макария Египетского). «Писана на деке. Длина ее — 14½ вершков, ширина 11½ вершков. Вставлена в старинный серебряный — вызолоченный оклад, покрытый новою серебряною — вызолоченною ризою с двумя венцами древней филогранной [так!] работы, украшенными 23 рубинами, 13 изумрудами, 2 гиацинтами, 2 перлами, 4 халцедонами и 4 гранатами»²⁶.

Илл. 5. Икона Божией Матери «Знамение» кисти Христофора Семенова. 1175 (?)

Fig. 5. The icon of the Mother of God “The Sign” by Christopher Semyonov. 1175 (?)

Какова же судьба этой чудотворной иконы, перед которой, как мы полагаем, молился Достоевский? В 1938 г., о чем уже говорилось, Знаменская церковь на Невском проспекте была закрыта и через два года взорвана. Но

7 фунтов 36 золотниковъ; длина иконы — 13½ вершков, ширина 12 вершков» (Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. С. 17 (2-я паг.)).

²⁵ В издании «Историко-статистические сведения...» почему-то говорится лишь о «**лика**х» великомученика Георгия, Иакова Персянина, преподобных Петра и Онуфрия».

²⁶ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. С. 17 (2-я паг.). Далее в описании идет уже приведенный текст памятной записи на «6 серебряных дощечках».

чудотворный образ Божией Матери «Знамение» не пропал. Святыня была передана в Никольский морской собор (Морской собор Святителя Николая Чудотворца и Богоявления)²⁷, который являлся действующим все годы Советской власти. На запрос автора настоящей статьи, адресованный причту собора, 19 августа 2018 г. был получен ответ: «Икона Знамения Пресвятой Богородицы <...> находится в верхнем храме <Никольского> собора на колонне рядом с Царскими местом». Та самая икона, перед которой молился Достоевский. Ответ был подписан штатным клириком Никольского собора отцом Виталием Дементьевым²⁸.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 192 с.
2. Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: историко-церковная энциклопедия: в 3 т. СПб., 1994. Т. 1. 288 с.
3. Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993. 223 с.; ил.
4. Ковина Е. В. Личная икона Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2001. № 16. С. 143–151.
5. Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шилия...» Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881: исследование. СПб.: Серебряный век, 2016. 152 с.

References

1. Andrianova I. S. «Muzey pamyati F. M. Dostoevskogo»: istoriya i perspektivy proekta [“The Museum of Memory of F. M. Dostoevsky”: History and the Prospects of the Project]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
2. Antonov V. V., Kobak A. V. Svyatyni Sankt-Peterburga: istoriko-tserkovnaya entsiklopediya: v 3 tomakh [Shrines of St. Petersburg: Historical and Church Encyclopedia: in 3 Vols]. St. Petersburg, 1994, vol. 1. 288 p. (In Russ.)
3. Barskaya N. A. Syuzhety i obrazy drevnerusskoy zhivopisi [Plots and Images of Ancient Russian Painting]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1993. 223 p. (In Russ.)
4. Kovina E. V. Personal Icon of F. M. Dostoevsky. In: Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2001, no. 16, pp. 143–151. (In Russ.)
5. Tikhomirov B. N. «A zhivu v dome Shilya...»: Adresa F. M. Dostoevskogo v Peterburge, izvestnye i neizvestnye. 1837–1881: issledovanie [“I Live in the House of Shil...”: Addresses of F. M. Dostoevsky in St. Petersburg, Known and Unknown. 1837–1881: Research]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2016. 152 p. (In Russ.)

²⁷ См.: Кобак А. В., Антонов В. В. Церковь Входа Господня в Иерусалим // Санкт-Петербург: Энциклопедия / Комитет по культуре Санкт-Петербурга; Институт Петра Великого [Электронный ресурс]. URL: <http://encspb.ru/object/2804678752> (06.03.2022).

²⁸ О. Виталием Дементьевым также предоставлена электронная копия образа Божией Матери «Знамение», находящегося ныне в Никольском Морском соборе в С.-Петербурге, за что автор статьи выражает ему сердечную благодарность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихомиров Борис Николаевич, доктор **Boris N. Tikhomirov**, PhD (Philology), the
филологических наук, президент Россий- President of the Russian Dostoevsky Society,
ского общества Достоевского, заместитель Deputy Director of Academic Affairs, The
директора по научной работе, Литературно- F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
мемориальный музей Ф. М. Достоевского in St. Petersburg (per. Kuznechnyy 5/2, Saint
в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, Petersburg, 191002, Russian Federation); ORCID:
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, [https://orcid.org/0000-0001-
191002](https://orcid.org/0000-0001-5278-313X)); ORCID: [https://orcid.org/0000-0001-
5278-313X](https://orcid.org/0000-0001-5278-313X); e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.02.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.03.2022

Принята к публикации / Accepted 15.03.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

Как найти дом Достоевских? (Заметки по поводу несостоявшейся сенсации)

А. С. Бессонова¹, В. А. Викторович²✉

¹ Музей-усадьба Ф. М. Достоевского «Даровое»
(г. Зарайск, Российская Федерация)

e-mail: abessonova13@mail.ru

² Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru ✉

Аннотация. В статье приводятся факты, противоречащие утверждению А. С. Сыроватко, что нынешняя территория Музея не имеет отношения к усадьбе Достоевских (Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 4). Обнаруженные в раскопах предметы при объективном рассмотрении не опровергают наличие «следов Достоевских». Так называемый мемориальный период владения усадьбой родителями писателя, длившийся всего семь лет, не в состоянии был сильно «наследить», да и найденные археологами вещи XVIII — начала XIX вв. могли оставаться в обиходе семьи Достоевских и в тридцатые годы XIX в. Для разрешения спора вводятся дополнительные аргументы: результат дендрологической экспертизы и письменные источники (известные ранее и недавно обнаруженные), а именно межевые планы, воспоминания и дневники А. М. Достоевского, семейная переписка. Предлагаемый комплексный подход, сопоставление всех имеющихся на сегодняшний день источников, позволяет отнести местонахождение усадебного дома Достоевских к сохранившемуся флигелю, где недавно был открыт музей. В связи с проблемой идентификации музейного дома рассматриваются гипотезы других авторов (Т. Н. Дементьевой и Л. А. Тарасовой, Л. А. Воронкиной) об имевших место в разное время кардинальных переменах в архитектуре усадьбы Даровое. Источники свидетельствуют, напротив, об определенной преемственности в развитии усадьбы при всех трех ее хозяевах: Хотяинцевых, Достоевских, Ивановых. Ключевым фактором является расположение двух «курганов» под липами как «зеленых столовых», привязанных к барскому дому, а с другой стороны, остававшаяся неизменной граница между помещичьей усадьбой и крестьянскими дворами (ее подтверждают архивные документы и сохранившиеся в натуре межевой вал и ров). Консерватизм локализации свойственен жизни дворянской усадьбы, однажды и навсегда вписанной в окружающий ландшафт. Достоевские и Ивановы, учитывая опыт своих предшественников, не вносили в обжитое до них пространство радикальных изменений, и дом их не менял своего местоположения.

Ключевые слова: Усадьба Достоевских Даровое, междисциплинарные исследования, археология, интерпретация, комплексный анализ источников

Для цитирования: Бессонова А. С., Викторович В. А. Как найти дом Достоевских? (Заметки по поводу несостоявшейся сенсации) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 1. С. 20–37. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5961

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5961

Searching for the Dostoevsky House (Notes on the Failed Sensation)

Albina S. Bessonova¹, Vladimir A. Viktorovich²✉

¹ *Museum-Estate of F. M. Dostoevsky "Darovoe"*
(Zaraysk, Russian Federation)

e-mail: abessonova13@mail.ru

² *State Social and Humanitarian University*
(Kolomna, Russian Federation)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru ✉

Abstract. The article presents the facts that contradict A. S. Syrovatko's statement, which claims that the current territory of the Museum is not related to the Dostoevsky estate (The Unknown Dostoevsky. 2021. Vol. 8. No. 4). When studied objectively, the objects found during the excavations do not contradict the presence of "traces of Dostoevsky." The so-called memorial period of estate ownership by the writer's parents, which lasted only seven years, was unable to leave too many traces, and the objects found by archaeologists in the 18th — early 19th centuries could have been used by the Dostoevsky family up to 1830s. Additional arguments are introduced to resolve the dispute: the result of the dendrological examination and written sources (previously known and recently discovered), namely, boundary plans, memoirs and diaries of A. M. Dostoevsky, family correspondence. The proposed comprehensive approach and a comparison of all the currently available sources, allows us to attribute the location of the Dostoevsky manor house to the preserved wing where the museum was recently opened. In connection with the problem of identification of the museum house, the hypotheses of other authors are considered (T. N. Dementieva and L. A. Tarasova, L. A. Voronkina) about the cardinal changes that took place in the architecture of the manor Darovoe at different times. Sources indicate, on the contrary, a certain continuity in the development of the estate under all three of its owners: the Khotyaintsev, Dostoevsky and Ivanov families. The key factor is the location of two "mounds" under the lime trees as "green canteens" tied to the manor house, and on the other side, the border between the landowner's estate and peasant homesteads remained unchanged (as confirmed by archival documents and the boundary wall and moat preserved). Conservative localization is characteristic of the life in a noble estate, once and forever inscribed in the surrounding landscape. Taking into account the experience of their predecessors, the Dostoevskys and Ivanovs did not make radical changes to the space inhabited before them, and their house did not change its location.

Keywords: Dostoevsky's Darovoe Manor, interdisciplinary research, archeology, interpretation, comprehensive analysis of sources

For citation: Bessonova A. S., Viktorovich V. A. Searching for the Dostoevsky House (Notes on the Failed Sensation). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 20–37. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5961 (In Russ.)

.....

В статье археолога А. С. Сыроватко «Где в сельце Даровом находилась усадьба Достоевских?», напечатанной в последнем номере «Неизвестного Достоевского», заявлено: «Следы Достоевских следует искать не только за пределами пятна застройки, но и за пределами современных границ музея» [Сыроватко, 2021: 171], то есть территория действующего Музея-усадьбы «Даровое» не имеет никакого отношения к Ф. М. Достоевскому. Вывод и самый заголовок статьи выдают претензию на сенсацию. Ради нее автор пошел на избыточные обобщения: если им верить, то пропала **«усадьба Достоевских»**. На самом деле в статье речь идет лишь о местонахождении усадебного господского дома с прилегающей территорией, по смыслу же громкого заявления получается, что и входящие в усадьбу заповедные рощи, сады и пруд тоже не имеют отношения к детству великого писателя.

Скромнее высказались авторы коллективной статьи, давшие заключение «об отсутствии археологических свидетельств функционирования исследованной части усадьбы (в границах современного музея) в период проживания в ней семьи Достоевских (1832–1839 гг.)» [Сыроватко и др., 2021: 240]. Судя по всему, коллективная статья «об отсутствии археологических свидетельств» написана была раньше, а затем один из авторов уже от своего имени радикально заострил вывод: дом Достоевских «следует искать» в другом месте.

Конфликт интерпретаций

Каковы аргументы для столь безапелляционного суждения? Они строятся на *интерпретации* проводившихся в Даровом с 2005 г. археологических исследований, результаты которых печатались достаточно регулярно (перечень публикаций см.: [Сыроватко, 2021: 173–174]). Сама интерпретация держится на следующих соображениях:

- в центральной части усадьбы вокруг существующего флигеля и внутри него обнаружены в раскопах предметы либо XVIII — начала XIX вв., либо после 1850-х гг.;
- таким образом, «мемориальный период», т. е. период пребывания здесь семьи Достоевских (1832–1839) находками на означенной территории не представлен;
- если мы не нашли никаких материальных следов, значит, Достоевские здесь не жили.

В ответ на эти соображения, звучавшие и ранее, мы высказывали контраргументы [Бессонова: 163–164] и продолжаем на них настаивать:

- так называемый «мемориальный период», длившийся всего семь лет, не мог оставить много «следов». После 1852 г., когда имение переходит во владение семьи Ивановых, начинается по-настоящему активное и долговременное освоение территории, заметно «наследившее»;

- но и «следы» мемориального периода нельзя отвергать столь категорически: найденные археологами вещи XVIII — начала XIX вв. могли быть в обиходе семьи Достоевских и в тридцатые годы XIX в.¹

Имея в виду первое возражение, А. С. Сыроватко рассуждает следующим образом: «...возможно ли существование на усадьбе дома, не оставившего археологических следов в виде остатков фундамента или подпольных частей? Теоретически да, но предполагать такое возможно при наличии других свидетельств обживания места и, в первую очередь, массового материала и датирующих артефактов» [Сыроватко, 2021: 157]. В ответ на это приходится повторить: семь лет слишком малый срок для формирования «массового материала». В археологии, занимающейся XIX столетием, более или менее уверенные атрибуции возможны при «шаге» примерно в четверть века, не меньше. В ином случае достоверность выводов весьма незначительна.

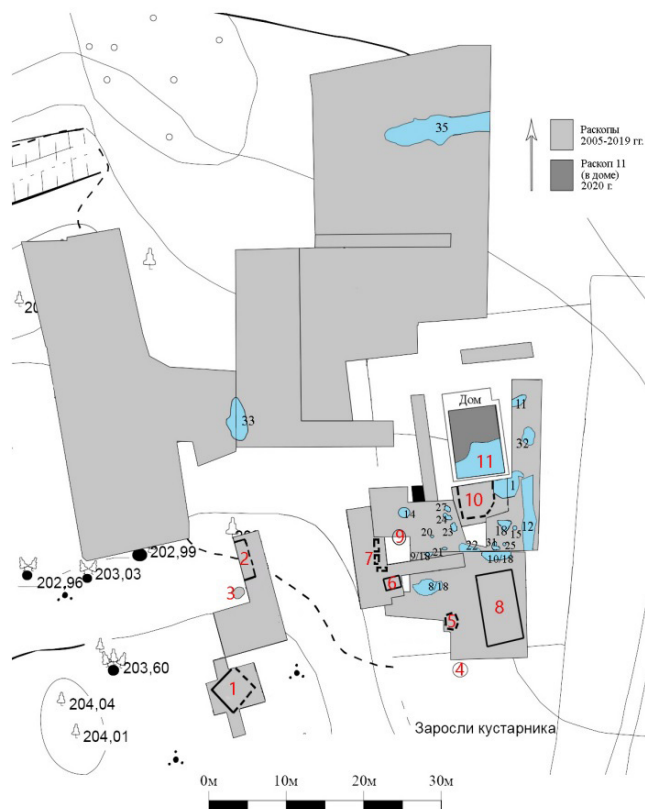
Тем не менее обратимся и мы вслед за оппонентом к «массовому материалу и датирующим артефактам», обнаруженным в раскопах на территории усадьбы.

Основным посылом для заключения послужила керамика. Датируя яму 35 (см. Илл. 1) временем до 1832 г. (о чем чуть ниже), археологи зафиксировали в ней образцы глиняной посуды «с двойным валиком на внешней стороне, неизвестные в остальной части усадьбы» [Сыроватко, 2021: 155]. На этом основании и был сделан вывод, что нынешняя центральная часть усадьбы, где, напротив, превалировали находки глиняной посуды с одинарным валиком, обживалась гораздо позднее. Основание несколько шаткое. Во-первых, одинарные валики на керамике были обнаружены в единичных случаях также и в яме 1, и в культурном слое центральной части усадьбы [Сыроватко и др., 2021: 246, 248, табл. 1 и 4]. Получается, что превосходство ямы 35 не абсолютное, и утверждать, что двойные валики «неизвестны в остальной части усадьбы», некорректно. С другой стороны, в яме 35 попадалась керамика и с одинарным валиком [Сыроватко и др., 2021: 248, табл. 3], так что чистота в доказательной базе по поводу двойных валиков, увы, отсутствует. И во-вторых, на каком основании посуда с одинарным валиком отнесена однозначно ко второй половине XIX в.? Доказательства или хотя бы отсылки к имеющимся научным разработкам и классификациям в обеих статьях отсутствуют.

Другой аргумент. Монетные находки в усадьбе обнаружили «хронологический разрыв»: нет ни одной монеты чеканки с 1801 по 1843 гг. По мнению

¹ Удивительный логический казус наблюдается в следующем утверждении нашего оппонента: «Можно ли утверждать, что “мемориальный период” скрыт среди артефактов длительного бытования? Насколько долго бытовали вещи XVIII в. и могли ли они использоваться во времена Достоевских? Это принципиальный вопрос, не имевший ответа до обнаружения т. н. ямы 35» [Сыроватко, 2021: 168–169]. Думается, что вне зависимости от наличия ямы 35 Достоевские не страдали манией новых вещей, свойственной веку потребления. Таков принципиальный ответ на «принципиальный вопрос».

А. С. Сыроватко, тем самым подтверждается вывод об отсутствии «следов» семьи Достоевских. Предполагается, что за семь лет (1832–1839) они просто обязаны были потерять хоть одну монету чеканки данного периода. А если не потеряли? Семь лет (за вычетом зимних месяцев) — не такой уж большой срок, да и аккуратность хозяев могла сыграть свою роль...

Илл. 1. Схема археологических раскопок на территории усадьбы Даровое в 2005–2020 гг. (опубликовано: [Сыроватко, 2021: 149])

Fig. 1. The scheme of archaeological excavations on the territory of the Darovoe manor in 2005–2020 (published in: [Syrovatko, 2021: 149])

Найденные два фрагмента «изразцов с белым фоном и синей поливной росписью, следует отнести ко второй пол. XVIII в.» [Сыроватко, 2021: 158]. Очень хорошо, но разве не могли они быть использованы и в начале тридцатых годов XIX в.? Мы знаем время чеканки монет и изготовления изразцов, но мы не знаем времени попадания их в культурный слой.

Еще интереснее история с фарфоровыми и фаянсовыми изделиями, обнаруженными в раскопах: «Только одно из них имеет клеймо, диапазон бытования которого перекрывает и “мемориальный период” (№ 241/19, 1832–1889 гг.). Еще одно клеймо 1830–1870-х гг. есть на обломке изделия фабрики Гарднера (1830–1870-е гг.). Все остальные относятся ко второй пол. XIX в.» [Сыроватко, 2021: 159]. Два артефакта времен Достоевских, следует признать, сильно повреждают стройность доказательной базы нашего оппонента. К тому же остались не датированными пять фрагментов, также не способствующих искомой стройности. Сомнения усиливает и «группа из трех экземпляров», на которых имеются «клейма последней четв. XVIII в.» [Сыроватко, 2021: 164]. Но что мешало этой «группе» присутствовать в доме Достоевских?

Среди множества других предметов из стекла и металла есть вещи, «датировка которых потенциально возможна, но в настоящее время не определена» [Сыроватко, 2021: 168]. В таком случае надо ли торопиться с выводами?

Актуальная история мусорных ям

Детальному анализу А. С. Сыроватко подверг содержимое трех открытых ям, которые около двух веков назад и позднее были заполнены мусором, — ямы 1, 22 и 35 (см. *Илл. 1*). Яма 22, судя по ее заполнению, синхронна яме 1, поэтому сосредоточимся вслед за автором на двух остальных.

Начнем с удаленной на сорок метров от существующего флигеля ямы 35. Учитывая ее состав («мусор вперемешку с большим количеством угля, оплавленного стекла и прокаленной глины» [Сыроватко, 2021: 169]), мы в данном случае не можем не согласиться с выводами археологов: «Состав находок и характер заполнения ямы 35 позволяет предположить, что формирование комплекса может быть связано с расчисткой прилегающей территории после пожара, уничтожившего усадьбу и сельцо Даровое на Пасху 1832 г. <...> Время формирования комплекса можно отнести приблизительно к 1810-м — началу 1830-х гг.» [Сыроватко, 2021: 170].

Что же касается ямы 1, бывшей когда-то погребом, она датирована следующим образом: сам погреб отнесен к утраченному зданию второй половины XVIII в. и сделан вывод, что он засыпался дважды: в начале XIX в. и затем после осадки грунта во второй половине XIX в., во времена хозяйствования Ивановых [Сыроватко, 2021: 154]. Идея о *двухслойной* засыпке старого погреба явилась исследователю только сейчас, в прежней публикации об этом речи не было [Сыроватко, Чувиляева: 150]. Однако заметим, что поздней догадке ученого противоречит как минимум один из артефактов: «бутылка с клеймом Николая Ланина <...> не ранее 1852 г.» в нижнем слое, — так что пришлось выкручиваться: мол, это следствие «локального перекопа», либо (чем не пожертвуешь во имя стройности теории!) — «от невнимательности раскопщиков» [Сыроватко, 2021: 154–155]. Двухслойность засыпки ямы 1 вызывает у нас большие сомнения. Готовы предложить другую версию истории замечательной ямы.

Погреб, скорее всего, действительно принадлежал прежнему жилому зданию усадьбы Хотяинцевых, которое сгорело в пожаре 1832 г. Достоевские, отстроившие новый дом, а затем Ивановы могли пользоваться оставшимся после пожара капитальным погребом вплоть до устройства кухни (красный номер 10 на *Илл. 1*) уже с собственным погребом. Этот новый, внутренний, погреб копали, перебрасывая землю в прежний, наружный; в дело мог пойти и разный хозяйственный мусор. Так сформировалась яма 1. На автономность старого погреба во времена Достоевских указывает его форма: «...пологий борт в верхней части, в срединной и придонной борт практически отвесный...» [Сыроватко, Чувиляева: 150]. После засыпки старого погреба фронтальную стену строящейся кухни² в целях устойчивости пришлось от него отодвинуть, чем и объясняется известный отступ кухонного пристроя от фронтальной линии основного дома.

Возвращаясь к яме 35, заметим, что уверенное отнесение ее к пожару 1832 г. и сподвигло А. С. Сыроватко на ключевую догадку: «...материалы ямы 35 и само ее расположение указывают на то, что застройка, пострадавшая от пожара, располагалась далее к северу или к востоку от нее...» [Сыроватко, 2021: 170]. «Указание» по меньшей мере спорное³. Яма расположена в 40 метрах от сохранившегося флигеля, и если все-таки согласиться с тем, что он был поставлен на месте сгоревшего дома или рядом (к чему было менять сложившуюся структуру усадьбы?), то вполне естественным будет предположение, что пожарный мусор отнесли подальше от дома к межевому рву (он располагался в десятке метров от выкопанной мусорной ямы), отделяющему барскую усадьбу от крестьянских домов. Межевой ров заметен и поныне.

Что же касается предполагаемого перемещения Достоевскими усадебного дома на север или восток, оно вряд ли было возможно: в тех направлениях располагались упомянутые выше крестьянские дома. А. С. Сыроватко не учел письменные источники, к настоящему времени опубликованные и раскрывающие планировку усадьбы в разное время.

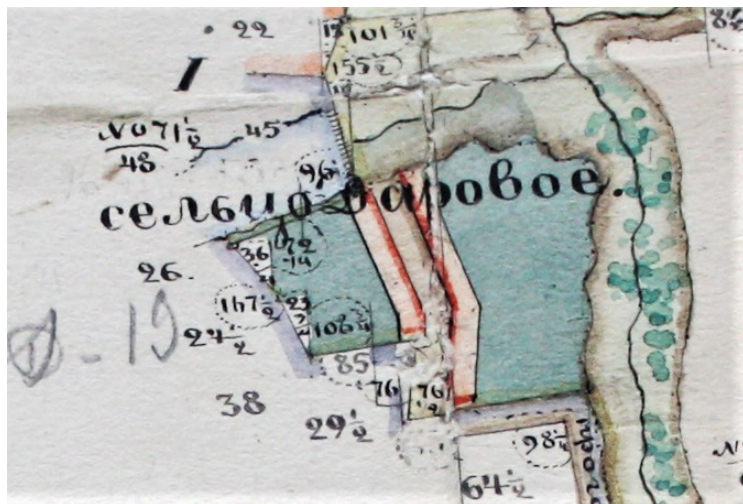
Межевые рвы и граничные валы в Даровом, достаточно хорошо сохранившиеся, позволяют «прочитать» планировочную логику усадьбы. Отчетливо выделены жилая часть, Липовая роща, сады. С севера от флигеля тянется межевой вал, за которым находилась, по всей видимости, хозяйственная часть усадьбы⁴ с домами дворни и крестьян. Об этом свидетельствует

² Что она пристраивалась к дому во времена Ивановых (перестройка 1885 г.), свидетельствует письмо Нины Александровны Профферансовой матери: «...как будет строиться кухня — будет ли она прямо примыкать к дому или же соединяться сенями?» [Дементьева, Тарасова: 381].

³ Имеется еще яма 33 (см. *Илл. 1*), не укладывающаяся в концепцию А. С. Сыроватко. Ее исследователь отнес к еще одному «единственному исключению» [Сыроватко, 2021: 171].

⁴ О чем говорит и характер находок, собранных местным жителем во время сельхозработ на собственном участке (втором от берега пруда) и образовавших в его дворе своеобразную экспозицию под открытым небом.

«Выкупное дело» В. М. Ивановой⁵, которая именно эту часть селъца Дарового передала крестьянам в постоянное пользование как участок их оседлости (см. Илл. 2). Произошло это задолго до перестройки в 1885 г. родительского дома (о чем ниже), который никак не мог находиться в этой части усадьбы.

Илл. 2. Фрагмент «Плана частей селъца Дарового с деревнею Черемошной, отведенных в постоянный надел временнообязанным крестьянам статской советницы В. М. Ивановой. 1865» (ГАТО. Ф. 291. Оп. 72. Д. 67; опубликовано: [Даровое Достоевского: цв. вкл.]

Fig. 2. A Fragment of the “Plan of the parts of the village of Darovoe with the village of Cheremoshnya, allocated to the permanent allotment of the temporarily obligated peasants of the state councilor V. M. Ivanova. 1865”
(The State Archive of the Tula region. Fund 291, inventory 72, case 67; published in: [Darovoe Dostoevskogo: color pasting])

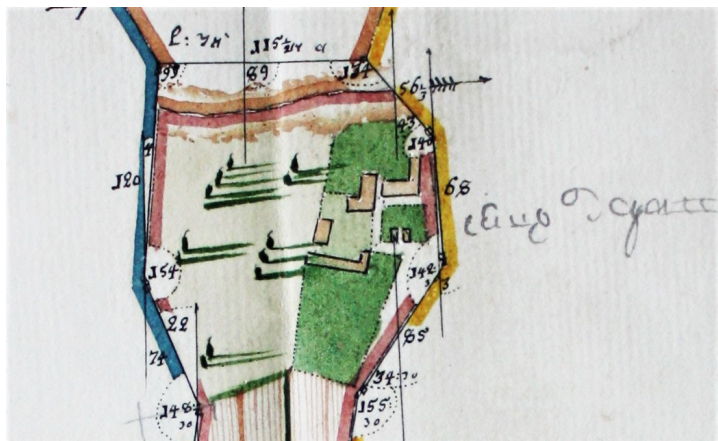
⁵ Дело Ивановой В. М. Тульской губернии Каширского уезда селъца Дарового. (РГИА. Ф. 577. Оп. 43. Ед. хр. 1706). Полностью опубликовано: URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2019/09/выкупное-дело-Дарового_1866.pdf. (01.12.2021). См. подробнее об этом: [Даровое Достоевского: 70–73]. Здесь же опубликован «План частей селъца Дарового с деревнею Черемошной, отведенных в постоянный надел временнообязанным крестьянам статской советницы В. М. Ивановой. 1865» (ГАТО. Ф. 291. Оп. 72. Д. 67). Условные обозначения на плане (см. Илл. 2) свидетельствуют о том, что в северной части усадьбы, примыкающей к пруду, находились крестьянские дворы (аналогичная сплошная светло-коричневая линия проведена на противоположной стороне деревенской улицы). В. М. Иванова не могла отдать часть усадьбы крестьянам, если там находились господские постройки, тем более жилые.

Еще один предполагаемый вариант местонахождения мемориальных построек — участок в границах музейной территории, на котором в настоящее время находится дом № 1 советского времени постройки и дача, появившаяся в нарушение постановления Министерства культуры Московской области об утверждении границ объекта культурного наследия относительно недавно, в 2012 г. Предполагать здесь жилой дом Достоевских — значит противоречить традиции усадебного строительства, когда комплекс жилых и хозяйственных построек располагался компактно, образуя в плане каре или замкнутый прямоугольник. Да и для любимых Достоевскими семейных чаепитий в зеленых столовых — на Липовых курганах — расстояние от ожидаемого дома весьма значительное⁶. Как видим, многое не принято во внимание в опубликованных выводах о местонахождении «усадьбы Достоевских».

Неучтенные сведения

И это не по недосмотру, а согласно принятому решению: «Датировка существующего дома по письменным и естественно-научным источникам выходит за рамки настоящей публикации» [Сыроватко, 2021: 148]. Решение ограничиться исключительно данными археологических раскопок для нас, прямо скажем, удивительно: столь ответственное научное заключение можно делать лишь после рассмотрения всех имеющихся в нашем распоряжении ключевых сведений. Сошлемся также на мнение авторитетных ученых, утверждающих, что археология, занимающаяся XVIII–XIX вв., не имеет права обходить письменные источники и упускать «благоприятную возможность для сопоставления письменных и вещественных материалов, для оценки их стыковки» [Макаров: 99]. Более того, «традиционные методы археологии, даже применяемые в широком масштабе, зачастую не позволяют понять, в какой точке усадьбы вы находитесь. Так что необходимы какие-то новые приемы, которые позволят адекватно изучать усадьбу эпохи XVII и XVIII вв., необходима такая степень специализации этих работ, которая позволит превратить их в подспорье к тем или иным комплексным исследованиям» [Чернов]. Именно: комплексным!

⁶ Даже если допустить, что на участке между нынешним зданием музея и северным межевым валом, отделяющим господскую часть усадьбы от крестьянской, стоял дом, то подтвердить этот факт с помощью раскопок уже невозможно: частное строительство уничтожило археологический слой, если таковой существовал, да и сам участок безвозвратно для музея утерян. И это на совести тех, кто подписал разрешение на строительство в границах объекта культурного наследия федерального значения.

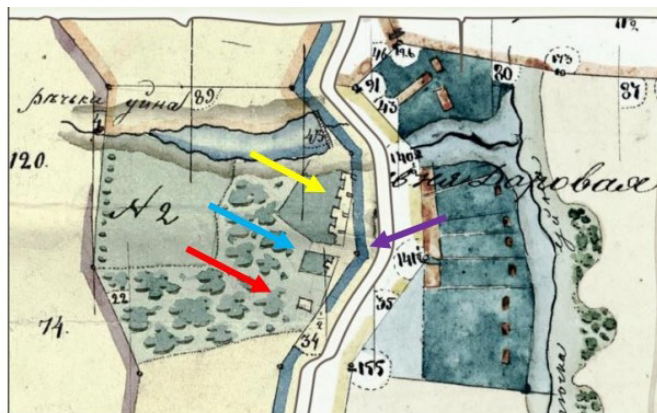
Илл. 3. Фрагмент «Геометрического специального плана <...> селъца Дарового». 1778
(ГАТО. Ф. 291. Оп. 7/38. Д. 556)

Fig. 3. A fragment of the “Geometric special plan <...> of the village of Darovoe”. 1778
(The State Archive of the Tula region. Fund 291, inventory 7/38, case 556)

К письменным источникам первостепенной важности мы относим межевые планы усадьбы, близкие ко времени проживания там семьи Достоевских. Это планы селъца Дарового 1778 и 1847 гг., деревни Даровой 1850 г., а также план Каширского уезда 1854 г. На первом из них (см. Илл. 3), самом раннем, отчетливо видны Г-образные и прямоугольные большие постройки явно хозяйственного назначения и в центре усадьбы — два небольших прямоугольника, очевидно, обозначающие жилые дома. Такой была усадьба Хотяинцевых до приобретения ее Достоевскими и до пожара 1832 г. Заметим, что оба барских дома находятся примерно напротив поворота на северо-запад пограничной линии (обозначенной коричневым цветом), проходящей по дороге, отделяющей селъцо (т. е. помещичью усадьбу) от деревни (т. е. крестьянских домов).

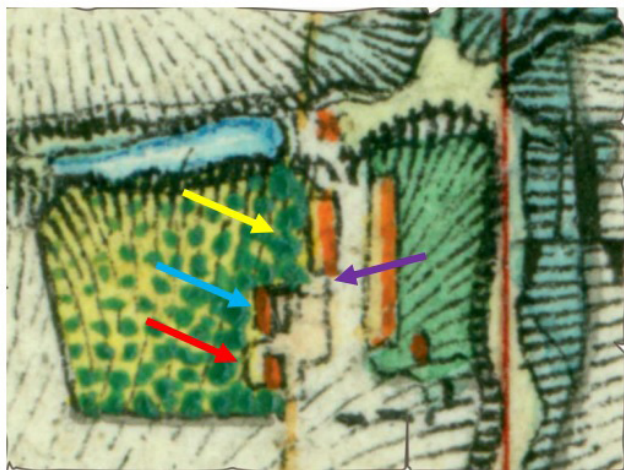
На планах 1847 и 1850 гг.⁷ (см. Илл. 4), мы видим два усадебных дома, обозначенных голубой и красной стрелками, то же самое и на плане 1854 г. (см. Илл. 5).

⁷ Опубликовано: [Дементьева, Воронкина: 115–116], см. также: [Баршт: 121].

Илл. 4. Фрагменты планов специального межевания селца и деревни Даровое. 1847, 1850 (опубликовано: [Воронкина: 39])

Fig. 4. Fragments of plans for special surveying of the village and the village of Darovoe. 1847, 1850 (published in: [Voronkina: 39])

Илл. 5. Фрагмент плана Каширского уезда Тульской губернии с селцом и деревней Даровое. 1854. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 5279. Ч. 1. Л. 13; опубликовано: [Воронкина: 39])

Fig. 5. A fragment of the plan of the Kashirsky district of the Tula province with the village of Darovoe. 1854. (The Russian State Military Historical Archive. Fund 386, inventory 5279, part 1, sheet 13; published in: [Voronina: 39])

На всех планах крестьянские дома находятся севернее барской усадьбы (скорее всего, это дома дворовых) и — через дорогу — восточнее, т. е. там, куда опрометчиво отправил дом Достоевских А. С. Сыроватко. Обратим также внимание на тот факт, что главный барский дом (отмеченный голубой

стрелкой) находится примерно на том же месте — напротив поворота дороги, что и жилище Хотяинцевых на плане 1778 г.

Возникает вопрос, что означает на планах 1847 и 1854 гг. прямоугольник южнее главного дома (обозначенный красной стрелкой). Этот вопрос сопряжен с еще одной гипотезой, мимо которой мы не можем пройти.

Еще одна гипотеза

Рассмотрим утверждение, что на планах перед нами «два жилых усадебных здания: дом, построенный матерью писателя, и дом отца» [Воронкина: 39]. Основанием для этого утверждения послужили строки из письма Михаила (и, возможно, Федора) Достоевских к отцу от 20 августа 1837 г.:

«Вы пишете о флигеле, который Вы начали строить, но какой же это флигель? тот ли, который Вы хотели строить по плану Дмитрия Александровича⁸, или какой-либо другой?»⁹.

До Л. А. Воронкиной данное письмо прокомментировали Т. Н. Дементьева и Л. А. Тарасова: «Можно предположить, что строительство этого дома было вызвано тем, что флигель, построенный Марией Федоровной, был предназначен лишь для летнего проживания, и Михаил Андреевич вынужден был выстроить более комфортабельный дом для постоянного проживания большой семьи» [Дементьева, Тарасова: 380]. Так в исследовательской литературе появились два разновременных родительских дома, отнесенные затем к прямоугольникам на планах 1847 и 1854 гг. (синей стрелкой поздний «дом отца», красной — ранний «дом матери» [Воронкина: 39]). Прежде чем последовать за этим сюжетом, зададимся вопросом: почему наши авторы так уверены, что «дом отца» был построен? Никаких других свидетельств, кроме вопрошания братьев Достоевских, у нас нет (кстати, там речь идет всего лишь о «флигеле», а не о «комфортабельном доме для постоянного проживания большой семьи»). Предполагаемое начало строительства могло не дойти до своего завершения: наступили очень тяжелые времена для Михаила Андреевича, о чем мы знаем из его писем. За оставшиеся менее чем два года до смерти он мог и не закончить строительство.

Два источника были введены в свое время нами, и они касались строительной деятельности уже сестры писателя В. М. Ивановой, хозяйки усадьбы с 1852 г.

- Письмо Веры Михайловны брату Андрею 12–15 мая 1886 г.:

«Я на полученные деньги от Шер¹⁰ перестроила или почти вновь выстроила себе домик и вышел недурен. И к счастью моему прошлый год гостил у меня

⁸ Упоминается Д. А. Шер, архитектор (см. примеч. 10).

⁹ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 313.

¹⁰ Тетка писателя О. Ф. Нечаева вышла замуж за упоминавшегося выше Д. А. Шера, их дети долго делили с Достоевскими наследство А. Ф. Куманиной после ее смерти в 1871 г.

Саша¹¹, и он помог мне советом, покупкою материалов и присмотром за рабочими. Старый же наш еще отцовский дом был уже очень стар и очень очень холоден, так что мы несколько лет чуть чуть не замерзали по зимам» (цит. по: [Викторович: 191]).

- Запись о посещении Дарового 20 июля 1887 г. в дневнике А. М. Достоевского:

«Въехав в усадьбу, мы не заходя в дом (который как вновь построенный был мне вовсе не знаком и не интересен), сели в Липовой роще, и сидели так до глубоких сумерек, когда изготовили самовар и пригласили нас пить чай на террасе дома» (цит. по: [Поездка в Даровое: 186]).

Дом, о котором идет речь в цитируемых источниках, — единственный дошедший до наших дней усадебный дом, который последняя его владелица, племянница писателя М. А. Иванова, заявляла как дедовский, т. е. построенный еще при М. А. Достоевском. Т. Н. Дементьева и Л. А. Тарасова доказывают, что это не так, что этот дом появился только в 1885 г. стараниями В. М. Ивановой¹². Оговорка Веры Михайловны «перестроила или почти вновь выстроила» трактуется исследовательницами в пользу последней части фразы — «вновь выстроила». Однако слова *перестроила* и *почти* вполне определенно указывают на то, что какая-то часть старого дома была сохранена.

В подтверждение своей версии Т. Н. Дементьева и Л. А. Тарасова приводят письмо дочери В. М. Ивановой Ольги Александровны к сестре Нине (в замужестве Проферансовой):

«Теперь у нас стройка. На Духов день¹³ мы перешли из старого дома в новый<,> на другой уже день дом был сломан. Вот суматоха-то у нас была, когда мы перетаскивались! Мамаша, Саша¹⁴ и Митя¹⁵ поселились в новом доме...» (цит. по: [Дементьева, Тарасова: 381]).

На основании этого письма его публикаторы делают следующее заключение: «Появление новых данных из письма О. А. Ивановой свидетельствует о том, что старый дом Достоевских не просто был перестроен и изменил свой облик, а вообще был выстроен на новом месте, при этом старый дом был уничтожен» [Дементьева, Тарасова: 382]. Получается, что к существующему

¹¹ Сын Веры Михайловны А. А. Иванов (1850–1902), инженер путей сообщения.

¹² М. А. Иванова, полагают авторы, для придания себе весу как хранительнице исторически ценного мемориального места «сознательно создавала миф о том, что ее дом был выстроен в 1830-е годы» [Дементьева, Тарасова: 382].

¹³ В 1885 г. (год строительства нового дома) Духов день приходится на 25 мая.

¹⁴ См. примеч. 11.

¹⁵ Приемный сын вышеупомянутого А. А. Иванова.

дому Ф. М. Достоевский не имел ровно никакого отношения, поскольку умер за четыре года до его строительства.

Столь решительному суждению противоречат данные дендрологической экспертизы методом древесно-кольцевого анализа сохранившегося бревенчатого сруба в лаборатории Института географии РАН. Были взяты для анализа десять образцов древесины из бревен, и вот результат исследования: «Из всех проанализированных нами древесно-кольцевых серий только у трех образцов удалось получить датировки. <...> Надежных датировок для остальных образцов не получено. Образцы 1, 2 и 10 представляют собой одновозрастный материал с началом жизни деревьев во второй четверти XVIII в. и их последующей рубкой в 30-е г. XIX в.» [Семеняк].

Датировка бревен дендрологами разрушает версию о том, что «старый» дом был разобран после того, как построен «новый»: тогда каким образом «старые» бревна очутились в стене «нового» дома? Следовательно, под «старым» домом О. А. Иванова подразумевала не основной родительский дом. Дендрологическая экспертиза позволяет утверждать, что сохранившийся дом усадьбы Даровое в определенной части является тем самым родительским домом, с которым связано детство будущего писателя. Это обстоятельство учла Л. А. Воронкина, назвав этот (ныне музейный) дом «материнским», перестроенным затем Верой Михайловной, а разобран был, по версии Л. А. Воронкиной, «отцовский» флигель, упомянутый в письме братьев Достоевских.

Так ли это на самом деле, если учесть проблематичность существования отдельного «отцовского» дома? Если такового не было, тогда какой же дом, согласно свидетельству О. А. Ивановой, хозяева разобрали, перейдя в новое жилище? Это строение, в котором Ивановы, очевидно, жили во время ремонта-перестройки основного дома. На планах 1847 и 1854 гг. оно обозначено южнее главного здания (см. *Илл. 4 и 5*, красная стрелка), т. е. рядом с курганами, где стояла спасенная от пожара 1831 г. «мазанка»¹⁶. Скорее всего, «старый дом», разобранный Ивановыми в 1885 г. (и фигурирующий еще на планах 1847 и 1854 гг.), и был той самой мазанкой, когда-то приютившей семейство Достоевских в первое лето после пожара. У нас есть основания предполагать, что следы ее были обнаружены археологами в раскопе между курганами (красная цифра 6 на *Илл. 1*), хотя А. С. Сыроватко уверяет, что «явно поздней можно считать и печь из раскопа 2009 г., основанием датировки являются фабричные гвозди из ее основания» [Сыроватко, 2021: 148]. Фабричные гвозди могли гораздо позднее попасть в печь, которую вряд ли сломали при разборке дома-мазанки и продолжали еще долго использовать в качестве летней. Кроме того, в более ранней публикации ученый засвидетельствовал одно любопытное обстоятельство: «Вокруг основания печи и примыкавших к нему фундаментов слой довольно мощный, но состоит

¹⁶ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 64.

из переотложенного материкового суглинка — остатков обмазки стен. Возможно, так же должны выглядеть и остатки «мазанки», но наш опыт раскопок показал, что жилая постройка выдает себя не только строительными остатками, но и выразительным комплексом находок, а он-то как раз и не найден» [Сыроватко, 2013: 117]. Итак, «остатки обмазки стен» на том месте, где, по описанию А. М. Достоевского, была мазанка, подтверждают ее местонахождение. Отсылка к «нашему опыту раскопок» не выглядит убедительной. На одной чаше весов фетишизация «находок», а на другой — выразительные «строительные остатки». Нет смысла искать «легендарную» (так ее аттестует ученый) мазанку еще в каком-то месте и тем более объявлять ее «мифом» [Сыроватко, 2021: 172]. Воспоминания младшего брата писателя предельно достоверно описывают это первое жилище Достоевских.

Подводя итог, можно констатировать, что сопоставление разноприродных источников, в данном случае археологических, естественно-научных, письменных, позволяет с уверенностью предполагать, что основной усадебный дом в Даровом и при Хотяинцевых, и при Достоевских, и при Ивановых кардинально не менял своего местонахождения в общем ландшафтном контексте. Это противоречило бы также и простому здравому смыслу, и силе традиции. Заявления о радикальных перемещениях следует отнести к проблематичным. То же самое можно сказать и о других версиях формирования архитектуры усадьбы и степени мемориальности построек. Надо признать, что мы, несмотря на проделанный за последние годы большой архивный поиск, не располагаем всеми источниками по истории усадьбы Даровое. В частности, пока не обнаружены документы опеки¹⁷, которые включают в себя подробную опись имения с указанием всех имеющихся построек.

Мы надеемся на расширение круга источников в ближайшем будущем, однако и собранная к настоящему времени научная база данных свидетельствует об определенной преемственности в развитии усадьбы при всех трех ее хозяевах: Хотяинцевых, Достоевских, Ивановых. Так, дом Достоевских (да и Ивановых тоже) не мог далеко «уйти» от хотяинцевской связки его с двумя курганами, служившими летними столовыми и местами семейных посиделок. Положение этих курганов сегодня удостоверяют остатки древних лип, когда-то образовавших живые беседки. Определенный консерватизм локализации вообще свойственен жизни дворянской усадьбы, однажды и навсегда вписанной в окружающее природное пространство. Достоевские, надо думать, вполне оценили продуманность и вкус своих предшественников, степень обжитости усадьбы, чтобы не вносить в нее революционных изменений даже и после пожара.

¹⁷ Согласно недавно обнаруженным сведениям, имение Даровое покойной Марии Федоровны Достоевской поступило в опеку 3 января 1839 года, т. е. еще при жизни М. А. Достоевского, который, по-видимому, и был первым опекуном собственных детей (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 22. Д. 16791. Л. 5 об).

Список литературы

1. Баршт К. А. Дворянское гнездо Ф. М. Достоевского // [I] Летние чтения в Даровом: материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г. / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2006. С. 119–122.
2. Бессонова А. С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом: материалы научной конференции 26–28 августа 2011 г. / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2013. С. 150–176.
3. Викторovich В. А. О поездке А. М. Достоевского в Даровое (послесловие публикатора) // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД Лига, 2016. С. 191–192.
4. Воронкина Л. Каким Достоевский видел Даровое в последний приезд в 1877 году? // Охраняется государством. 2021. № 4. С. 38–39.
5. Даровое Достоевского: материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна, 2021. 544 с.
6. Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 106–131 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607584171.pdf (01.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121
7. Дементьева Т. Н., Тарасова Л. А. История дома Ивановых в Даровом // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы / ред.-сост. М. В. Нащокина. СПб., 2020. Вып. 26 (42). С. 376–384.
8. Макаров Н. А. Заключительное слово / Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2005. № 1. С. 97–99.
9. Поездка в Даровое. (Из дневника А. М. Достоевского 1887 года) / подгот. текста и комм. В. А. Викторovichа // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД Лига, 2016. С. 185–190.
10. Семеняк Н. С. Заключение по результатам дендрохронологического исследования [флигеля усадьбы Даровое. ИГ РАН, 2020. 4 с.].
11. Сыроватко А. С. Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом // III летние чтения в Даровом: материалы научной конференции 26–28 августа 2011 г. / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2013. С. 105–121.
12. Сыроватко А. С. Где в сельце Даровом находилась усадьба Достоевских? // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 4. С. 147–176 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1639941936.pdf (01.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5701
13. Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // [I] Летние чтения в Даровом: материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г. / сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2006. С. 146–156.
14. Сыроватко А. С., Дементьева Т. Н., Потемкина О. Ю. Датированные керамические комплексы конца XVIII — начала XIX в. Из усадьбы Достоевских «Даровое» // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 265. С. 240–251. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.265.240-252
15. Чернов С. З. [Выступление] / Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2005. № 1. С. 93.

References

1. Barsht K. A. The Noble Nest of F. M. Dostoevsky. In: *I Letnie chteniya v Darovom: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 27–29 avgusta 2006 g.* [The 1st Summer Readings in Darovoe Village: Materials of the International Scientific Conference August 27–29, 2006]. Kolomna, 2006, pp. 119–122. (In Russ.)
2. Bessonova A. S. To the Question of the Concept of the Museum-Reserve “Darovoe”. In: *III Letnie chteniya v Darovom: materialy nauchnoy konferentsii 26–28 avgusta 2011 g.* [The 3rd Summer Readings in Darovoe Village: Materials of the International Scientific Conference August 26–28, 2011]. Kolomna, MGOSGI Publ., 2013, pp. 150–176. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. About A. M. Dostoevsky’s Trip to Darovoe. (Afterword by the Publisher). In: *IV Letnie chteniya v Darovom [The 4th Summer Readings in Darovoe Village]*. Kolomna, Liga Publ., 2016, pp. 191–192. (In Russ.)
4. Voronkina L. How Dostoevsky Saw Darovoe on His Last Visit in 1877? In: *Okhranyaetsya gosudarstvom [Protected by the State]*, 2021, no. 4, pp. 38–39. (In Russ.)
5. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya [Dostoevsky’s Darovoe: Materials and Research]*. Kolomna, 2021. 544 p. (In Russ.)
6. Dement’eva T. N., Voronkina L. A. Darovoe Estate and Its Owner (According to New Archival Documents). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 106–131. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607584171.pdf (accessed on December 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121 (In Russ.)
7. Dement’eva T. N., Tarasova L. A. The History of the Ivanovs’ House in Darovoe. In: *Russkaya usad’ba: sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usad’by [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]*. St. Petersburg, 2020, issue 26 (42), pp. 376–384. (In Russ.)
8. Makarov N. A. Final Word. Archaeology of the Late Period of History. Proceedings of the Round Table, Conducted and Edited by the Editorial Board of the Magazine “Russian Archaeology”. In: *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2005, no. 1, pp. 97–99. (In Russ.)
9. Trip to Darovoe. (From the Diary of A. M. Dostoevsky in 1887). In: *IV Letnie chteniya v Darovom [The 4th Summer Readings in Darovoe Village]*. Kolomna, 2016, pp. 185–190. (In Russ.)
10. Semenyak N. S. *Zaklyuchenie po rezul’tatam dendrokronologicheskogo issledovaniya fligelya usad’by Darovoe [Conclusion on the Results of a Dendrochronological Study of the Wing of the Darovoe Estate]*. Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 2020. 4 p. (In Russ.)
11. Syrovatko A. S. Archaeological Research of the Dostoevsky Estate in Darovoe. In: *III Letnie chteniya v Darovom: materialy nauchnoy konferentsii 26–28 avgusta 2011 g.* [The 3rd Summer Readings in Darovoe Village: Materials of the International Scientific Conference August 26–28, 2011]. Kolomna, MGOSGI Publ., 2013, pp. 105–121. (In Russ.)
12. Syrovatko A. S. Where in the Village of Darovoe Was the Dostoevsky Estate? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 147–176. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1639941936.pdf (accessed on December 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5701 (In Russ.)
13. Syrovatko A. S., Chuvilyaeva Yu. N. Archaeological Research on the Territory of the Museum-Estate of Dostoevsky “Darovoe”. In: *I Letnie chteniya v Darovom: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 27–29 avgusta 2006 g.* [The 1st Summer Readings in Darovoe Village: Materials of the International Scientific Conference August 27–29, 2006]. Kolomna, 2006, pp. 146–156. (In Russ.)

14. Syrovatko A. S., Dement'eva T. N., Potemkina O. Yu. Dated Ceramic Assemblages of Late 18th — Early 19th Centuries from the Darovoe Estate of the Dostoevsky Family. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2021, issue 265, pp. 240–251. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.265.240-252 (In Russ.)
15. Chernov S. Z. Speech. Archaeology of the Late Period of History. Proceedings of the Round Table, Conducted and Edited by the Editorial Board of the Magazine “Russian Archaeology”. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2005, no. 1, p. 93. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бессонова Альбина Станиславовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Музей-усадьба Ф. М. Достоевского «Даровое» — отдел Государственного Музея-заповедника «Зарайский кремль» (д. Даровое, 1а, Зарайский район, Московская область, Российская Федерация, 140660); ORCID: 0000-0002-2925-3162; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Викторович Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зелёная, 30, Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140410); ORCID: 0000-0001-9576-9522; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.01.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.02.2022

Принята к публикации / Accepted 25.02.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

**«И в гроб сходя...»:
о встрече Достоевского с Мережковским в 1880 г.**

О. А. Богданова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)
e-mail: olgabogda@yandex.ru*

Аннотация. В статье впервые в науке о Ф. М. Достоевском проанализированы детали и обстоятельства визита отца и сына Мережковских на петербургскую квартиру великого писателя в Кузнечном переулке, состоявшегося в конце 1880 г. Свидетельство самого Достоевского об этом событии отсутствует. Рассмотрены и сопоставлены все известные на сегодняшний день источники: «вторичные мемуары» Н. С. Лескова (1888), воспоминания В. Микулич (Л. И. Веселитской) (1899) и «Автобиографическая заметка» Д. С. Мережковского (1913). Обрисован биографический и историко-литературный контекст этого события, уточнена его дата, сделан вывод о том, что фрагмент из «Автобиографической заметки» Мережковского, посвященный встрече с Достоевским в 1880 г., содержит яркий, емкий, запоминающийся образ великого писателя и религиозного пророка, но воспринимать его как мемуарное свидетельство нужно с осторожностью: во-первых, из-за «оправдательного» полемического посыла по отношению к интерпретациям Лескова и Микулич, во-вторых, из-за включенности в общую стратегию житнетворческого «самосотворения» Мережковского, наконец, потому, что здесь представлен не аутентичный портрет Достоевского, но, с опорой на ряд достоверных эмпирических деталей, создан его художественный образ, вобравший в себя неоднозначное отношение писателя-символиста к великому предшественнику.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Д. С. Мережковский, Петербург, квартира в Кузнечном переулке, Н. С. Лесков, В. Микулич (Л. И. Веселитская), Серебряный век, житнетворчество, мифологизация

Для цитирования: Богданова О. А. «И в гроб сходя...»: о встрече Достоевского с Мережковским в 1880 г. // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 1. С. 38–60. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5921

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5921

“And Going Down to the Coffin...”: on Dostoevsky’s Meeting with Merezhkovsky in 1880

Olga A. Bogdanova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: olgabogda@yandex.ru*

Abstract. For the first time in Dostoevsky studies, the article analyzes closely and comprehensively the visit of the Silver Age aspiring poet, novelist and critic D. S. Merezhkovsky to the St. Petersburg apartment of the great writer in Kuznechny Lane, which took place at the end of 1880. Dostoevsky’s own testimony about this event is missing. All the sources known to date are reviewed and compared: “secondary memoirs” by N. S. Leskov (1888), memoirs by V. Mikulich (L. I. Veselitskaya) (1899) and “Autobiographical note” by Merezhkovsky (1913). The biographical, historical and literary context of the event has been recreated, and a more precise date of the visit has been established. As a result of the conducted research, it is concluded that the fragment from Merezhkovsky’s “Autobiographical note” dedicated to the 1880 meeting with Dostoevsky contains a bright, vivid, memorable image of the great writer and religious prophet, but it requires caution when viewed as a memoir testimony. The first reason is the “exculpatory” polemical message in regard to the interpretations of Leskov and Mikulich. The second is Merezhkovsky’s involvement in the general strategy of life-creating “self-creation.” Finally, the portrait of Dostoevsky presented here is not authentic, but is developed as a mythical artistic image based on a number of reliable empirical details, which has absorbed the ambiguous attitude of the symbolist writer to his great predecessor.

Keywords: F. M. Dostoevsky, D. S. Merezhkovsky, St. Petersburg, apartment in Kuznechny Lane, N. S. Leskov, V. Mikulich (L. I. Veselitskaya), Silver Age, life creation, mythologization

For citation: Bogdanova O. A. “And Going Down to the Coffin...”: on Dostoevsky’s Meeting with Merezhkovsky in 1880. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 38–60. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5921 (In Russ.)

Факт единственной встречи 59-летнего Ф. М. Достоевского с 15-летним Д. С. Мережковским в 1880 г. прямого документального отклика у самого автора «Братьев Карамазовых» не нашел и стал достоянием общественности только через 30 с небольшим лет после самого события, 19 марта 1913 г. в газете «Русское слово» (№ 65). Это была первая публикация «Автобиографической заметки» Мережковского, написанной по заказу С. А. Венгерова для вышедшего в июле 1914 г. 1-го тома «Русской литературы XX века (1890–1910)» и предварившей критико-аналитическую статью А. С. Долинина об авторе трилогии «Христос и Антихрист». Вскоре после выхода этого авторитетного издания «Автобиографическая заметка» Мережковского была включена ее автором в состав последнего тома своего

второго прижизненного Полного собрания сочинений (далее — ПСС) в 24 томах, увидевшего свет в декабре 1914 г. Так как публикации в газете и ПСС содержат ошибку в адресе Достоевского, приводим интересующий нас фрагмент текста Мережковского по изданию под редакцией С. А. Венгерова:

«В Петербурге в 1880 году, познакомившись у гр. Толстой, вдовы поэта, с Достоевским, отец повез меня и к нему. Помню крошечную квартирку в Кузнечном переулке, с низенькими потолками, тесной прихожей, заваленной экземплярами “Братьев Карамазовых”, и почти такой же тесный кабинет, где Федор Михайлович сидел за корректурами. Краснея, бледнея и заикаясь, я читал ему свои детские, жалкие стишечки. Он слушал молча, с нетерпеливою досадою. Мы ему, должно быть, помешали.

— Слабо, плохо, никуда не годится, — сказал он, наконец: — чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!

— Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает! — возразил отец.

Помню прозрачный и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощанье пожимал мне руку. Я его больше не видел и потом вскоре узнал, что он умер»¹.

В рукописи «Автобиографической заметки»², датированной февралем 1913 г., слова Достоевского: «Слабо, плохо, никуда не годится» — появились в результате правки Мережковского вместо зачеркнутых: «Все это — подражание...», — что само по себе свидетельствует о некоторой произвольности воспоминаний, которая может быть объяснена или стертостью ряда деталей в памяти участника встречи, или ее сознательной корректировкой.

Без указания имен посетителей квартиры в Кузнечном сведения об эпизоде из последнего года жизни Достоевского приведены еще в двух свидетельствах современников. Одно из них — в статье Н. С. Лескова «Первенец богемы в России», посвященной судьбе литератора В. П. Бурнашева:

«Как средство к жизни литература далеко не из легких и не из выгоднейших, а напротив, это труд из самых тяжелых, и притом он много ответствен и совсем неблагодарен. В литературе известен такой случай: тайн<ый> сов<етник> М.³ повез к Ф. М. Достоевскому сына своего, занимавшегося литературными опытами. Достоевский, прослушав упражнения молодого человека, сказал: “Вы пишете пустяки. Чтобы быть литератором, надо прежде страдать, быть готовым на страдания и уметь страдать”. Тогда тайн<ый>

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910: в 3 т. / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1914. Т. 1. С. 291. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Мережковский* и указанием страницы в круглых скобках.

² См.: РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384.

³ Фамилия тайного советника раскрыта в более поздней публикации приведенной цитаты: [Лесков, 1954: 622; 1984: 430–431].

сов<етник> ответил: “Если это так, то лучше не быть литератором и не страдать”. Достоевский выгнал вон и отца, и сына»⁴.

Второй источник — мемуары Л. И. Веселитской (В. Микулич) «Встреча со знаменитостью», впервые опубликованные в 1899 г.⁵ Рассказывая о своем знакомстве и беседе с Достоевским в петербургском салоне Е. А. Штакеншнейдер, писательница называет точную дату этого события — на святках, за 2 дня до наступления нового 1881 г. (так как в этот период журфиксы в доме Штакеншнейдеров проходили по вторникам, описанный вечер, скорее всего, состоялся 30 декабря 1880 г. (см.: [Тихомиров, 2012: 158])):

«Елена Андреевна издали поманила и позвала меня к себе: — Идите к нам, Федор Михайлович хочет вам погадать. Я подошла к ним, покраснела и сказала, что мне гадать не о чем. Я знаю, что через месяц я выйду замуж. Достоевский спросил о моем женихе: сколько ему лет, чем он занимается, русский ли он и как его зовут, и пожелал мне счастья. — Дайте Федору Михайловичу вам погадать, — сказала Елена Андреевна. — Мне хочется знать, будете ли вы писать? Я ведь надеюсь видеть вас писательницей... Я сделала страдальческое лицо, а Елена Андреевна, успокоительно подмигнув мне, продолжала: — Знаете, к Федору Михайловичу часто приходят начинающие писатели за разрешением сомнения: есть у них талант или нет? По большей части они напрасно сомневаются. И ему приходится говорить им: “Dans le doute abstiens toi”⁶. Недавно к нему родители привели юношу, — пишет стихи и подает надежды. Спрашивают: “будет знаменит?” Федор Михайлович сказал: “пострадать надо”. Родители остались недовольны. — Да, остались совсем недовольны, — подтвердил Достоевский, не переставая тасовать колоду. — Что ж, погадать вам? — Нет, зачем, — сказала я, — уж лучше я пострадаю. Достоевский улыбнулся и переглянулся с Еленой Андреевной» [Микулич: 152–153].

Как видим, в обоих случаях эмоционально-экспрессивная окраска и ряд деталей эпизода отличаются от «Автобиографической заметки» Мережковского. В передаче Н. С. Лескова и В. Микулич отец искал для своего сына сферу деятельности, ведущую к материальному благополучию и людской славе. Достоевский отверг такие намерения, причем в версии Н. С. Лескова весьма резко. А. Н. Лесков предваряет вышеприведенную цитату из давней статьи своего отца словами о намерении последнего обличить «устремление в литературу людей, нимало ее не любящих и ищущих при ее посредстве

⁴ Лесков Н. Первенец богемы в России // Исторический вестник. 1888. Т. 32. Июнь. С. 563. В данном случае разрядка в оригинале заменена на курсив. Последние слова приведенного фрагмента приписывают Ф. М. Достоевскому нехарактерное для него поведение.

⁵ Свой мемуарный очерк о Достоевском В. Микулич впервые опубликовала в журнале «Женское дело» (1899. № 2); отдельным изданием он вышел в 1903 г.

⁶ Если сомневаешься, воздержись (фр.).

лишь умножения жизненных выгод и успехов...» [Лесков, 1984: 430]. Кроме того, из пересказа В. Микулич следует, что Достоевский предварительно поделился с Е. А. Штакеншнейдер историей о приходе к нему отца и сына Мережковских — ведь она при нем воспроизводит реплики их диалога, с которыми тот соглашается. Более того, Е. А. Штакеншнейдер прямо указывает на то, что визит произошел недавно; неудивительно, что впечатление о нем у собеседников свежо и детально. В заметке же самого Мережковского полностью отсутствуют вопрос о будущей «знаменитости» подростка и меркантильные соображения его отца.

На сегодняшний день сведения о встрече 1880 г., как правило, в изложении Мережковского, с разной степенью точности и подробности переданы в ряде работ⁷. Тем не менее в достоевсковедении этот текст до сих пор не подвергался тщательному анализу. Наиболее подробно его рассмотрел Б. Н. Тихомиров, причем, что ценно, в сопоставлении с воспоминанием В. Микулич. В результате создавалась более полная картина события. Так, учитывая детали, переданные писательницей, ученый предположил, что «не только слабостью подростковых стихов, но также <...> усиленной родительской заботой об известности, славе — одним словом, о “бренном”, столь откровенно поставленном во главу угла в разговоре о “святом искусстве”, и была вызвана прозвучавшая в ответ суровая отповедь автора “Мертвого дома”: “Чтоб хорошо писать, страдать надо...”». Именно отцовский вопрос: «Будет ли знаменит?» — стал причиной «столь резк[ой] реакци[и] Достоевского» (см.: [Тихомиров, 2012: 159]). При этом Б. Н. Тихомиров не привел свидетельства, переданного Н. С. Лесковым, которое усиливало впечатление о «резкой реакции» хозяина квартиры в Кузнечном.

Уже сравнение с рукописным вариантом заметки, как было отмечено выше, говорит о некоторой произвольности передачи Мережковским деталей давней встречи с великим писателем. Необходимость критически отнестись к «общеизвестному фрагменту, не вызывавшему сомнений в достоверности», впервые указана М. Д. Эльзоном, который в связи с «Автобиографической заметкой» 1913 г. отметил «избирательность памяти 50-летнего мемуариста — он запомнил слова Ф. М. Достоевского, цвет его глаз, его прощальный (предсмертно-напутственный?) взгляд, прощальное пожатие руки — и забыл, что встреча с автором “Братьев Карамазовых” произошла в доме “в Кузнечном переулке” (это явно поправка С. А. Венгерова)⁸ <...>. Он мог, наконец, забыть, что в первом письме к А. Г. Достоевской (20 декабря 1902 года), называя себя и свое окружение “духовными детьми” ее покойного мужа, он не напомнил о встрече более чем двадцатилетней давности»

⁷ См.: [Фридлендер: 4], [ЛЖТ: 523], [Лавров: 18], [Андрущенко, 2000: 484], [Белов: 539–540], [Зобнин: 13], [Волгин: 433], [Холиков, 2010: 13], [Тихомиров, 2012: 158–159], Сапожков С. В. Проект РФФИ № 17-04-00553-ОГН «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д. С. Мережковского (1865–1941 гг.)”» и др.

⁸ В публикациях в газете и ПСС в 24 т. была указана близлежащая Колокольная улица.

[Эльзон: 156, 157]. Анализируя вышеприведенный текст Н. С. Лескова, М. Д. Эльзон продолжал: «...то, что сведения исходили от автора “Братьев Карамазовых”, — несомненно. Вероятнее всего, общеизвестным этот факт сделал Д. В. Григорович, отличавшийся чрезмерной словоохотливостью. Поручиться же за точность приведенных Н. С. Лесковым слов Ф. М. Достоевского можно, только достоверно зная, что он записал их сразу после личной беседы с ним, а не воспроизвел по памяти почти восемь лет спустя» [Эльзон: 158].

Воспоминания В. Микулич о Достоевском также были опубликованы не сразу, а почти через 20 лет после общения. В пользу их достоверности, однако, говорит факт личной беседы начинающей писательницы с автором «Братьев Карамазовых». Как и фрагмент Н. С. Лескова, хотя и затерянный в статье другого содержания⁹, упоминание о «юноше» во «Встрече со знаменитостью» В. Микулич, полностью посвященной Достоевскому, вполне могло стать известным Мережковскому. В самом деле, в 1890-е гг. эта молодая писательница имела громкий успех в литературных кругах Петербурга, вместе с Мережковскими сотрудничала в журнале «Северный Вестник». А. Л. Волинский в статье «Современная русская беллетристика» (Северный Вестник. 1896. № 2) поставил В. Микулич, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус в один ряд как писателей, изображавших «душу современных людей» (цит. по: [ЛЛС: 225]). Кроме того, работая в 1898–1902 гг. над объемным трактатом «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. Религия» (см.: [Андрущенко, 2000: 481]), Мережковский активно интересовался источниками, проливавшими свет на личности своих героев. Он просто не мог пройти мимо мемуаров Микулич, читая которые, наверняка узнал себя и своего отца в анонимных действующих лицах известного эпизода. Сам он, однако, уже будучи автором программной статьи «Достоевский»¹⁰ (1890) и упомянутого трактата, умалчивал о своем личном знакомстве с автором «Братьев Карамазовых» вплоть до 1913 г., что само по себе вызывает вопросы. Нет упоминания о визите в Кузнечный и в письмах Мережковского к А. Г. Достоевской, даже в первом из них, от 20 декабря 1902 г., с которого начинается знакомство с ней и где он называет себя и других участников религиозно-философского журнала «Новый путь» «духовными детьми» великого писателя (см.: [Гарэтто: 240]). Видимо, в этой короткой встрече действительно было что-то такое, о чем повзрослевшему писателю не хотелось вспоминать. Поэтому рассматриваемый нами эпизод из «Автобиографической заметки» можно трактовать и как попытку восстановления своей репутации, хотя бы в собственных глазах. Решился на это Мережковский лишь через много лет после предполагаемого прочтения вышеприведенных

⁹ Тем не менее М. Д. Эльзон предполагает знакомство Мережковского с этим текстом. См.: [Эльзон: 157].

¹⁰ Первоначальное название — «О “Преступлении и наказании” Достоевского».

строк Лескова и Микулич, когда уже стал знаменитым писателем, автором прижизненного Полного собрания сочинений, претендовавшим на роль литературного классика (подробнее см.: [Холиков, 2014: 104]), подобного героям своего трактата «Л. Толстой и Достоевский».

А. А. Холиков, пожалуй, впервые в науке уделил «Автобиографической заметке» самое пристальное внимание и в результате ее тщательного анализа пришел к следующему выводу: «В границах структурированного самим же автором издания» — ПСС в 24 т. 1914 г. — Мережковский создал как бы свой «парадный автопортрет», «заклоченный в надежную рамку между авторским предисловием (в первом томе. — О. Б.) и “Автобиографической заметкой” (в последнем томе. — О. Б.). Именно *таким* писатель хотел выглядеть перед публикой. <...> Мережковский умело орудует фактами, в достоверности которых нельзя усомниться, “забывает” одни и вспоминает другие» [Холиков, 2014: 189–190]. «Автобиографическая заметка» в контексте всего ПСС понята ученым как «саморепрезентация» [Холиков, 2014: 269] писателя-символиста, который «сознательно согласовывает автобиографический и художественный тексты, следуя <...> принципу житнетворчества», а также избирательно освещает биографические события, выстраивая «свой жизненный и творческий путь исходя из собственных представлений, сложившихся к 1913 году» [Холиков, 2014: 188–189]. Однако сам эпизод встречи с Достоевским в плане фактической достоверности исследователем не разбирается; в книге А. А. Холикова есть только указания на альтернативное свидетельство Н. С. Лескова и мнение М. Д. Эльзона, пробуждающие сомнение в аутентичности изложенного Мережковским. Они приведены нами выше. Тем не менее А. А. Холиков наметил перспективный концептуальный ракурс отношения к «Автобиографической заметке». В свете заданного им импульса предпримем микроисследование небольшого ее фрагмента, касающегося встречи Достоевского с будущим писателем.

Предварительно уясним ряд моментов. Во-первых, вспомним об отмеченной А. А. Холиковым манере Мережковского (впрочем, свойственной большинству символистов) подчинять факты житнетворческому заданию, что сближает автобиографию с художественным произведением, а выводимых в ней лиц — с художественными образами. Кроме того, отметим общую «вольную» манеру обращения Мережковского с цитируемыми писателями (что также было присуще многим его современникам, например В. В. Розанову, А. А. Блоку, А. Белому, Г. И. Чулкову и др.). Так, по наблюдению В. Н. Захарова, в трактате «Л. Толстой и Достоевский» его автор, приводя слова Достоевского по памяти, контаминируя и стягивая их, порой пропускает и заменяя, в итоге договаривается чуть ли не до «концепции “фантастического реализма”», на деле никогда самим Достоевским не декларированного. Учитывая авторитетность этого труда Мережковского, неудивительно, что творческий метод автора «Преступления и Наказания» многими из исследователей XX в. стал необоснованно называться «фантастическим

реализмом» (см.: [Захаров: 120–123]). Наконец, назовем и такую важную черту литературы Серебряного века, как мифологизация. Именно Мережковский на рубеже XIX–XX вв. стал главным создателем влиятельного «мифа Достоевского», подхваченного его современниками (подробнее см.: [Богданова: 171–181]). К 1913 г. он уже автор множества статей, трактатов, рецензий о Достоевском¹¹, в которых складывается вполне определенный образ-миф великого романиста: постоянная бедность и вечное бездомное скитальчество; религиозность как лейтмотив его внутренней жизни с самого детства; эшафот как переломный момент в судьбе; эпилепсия как «священная», «великая болезнь», открывавшая Достоевскому просветы, «окна» в «миры иные» и определившая его «пророческий» дар; «всемирность» как сочетание русскости и европеизма; героизм Слова как проявление особого рода святости; наконец, таинственность, недосказанность, неразгаданность творчества, личности и жизненного пути писателя-пророка (см.: [Мережковский, 2000: 13–90]). Отметим также, что все перечисленные характеристики в составленной Мережковским «биографической легенде» (термин Б. В. Томашевского) относятся к Достоевскому зрелому¹², автору пяти великих романов, т. е. к тому, с которым Мережковский и познакомился в 1880 г. и чей облик запечатлелся в его юношеской эмоциональной памяти.

Вдобавок отметим, что к 1913 г. писатель-символист претерпел заметную эволюцию в своем отношении к автору «Бесов». Если до революционных событий 1905 г. Достоевский для Мережковского в первую очередь был союзником в деле пересмотра «исторического христианства» (см.: [Мережковский, 2000: 187–188, 203]), то уже в 1906 г. он провозглашает над писателем XIX в. «страшный суд», который теперь совершает «сама история» в лице русской революции (см.: [Мережковский, 1906: 5]). Критик разделил в нем «личину» реакционера и «лицо» «религиозной революции»: «Личина — православие, самодержавие, народность; лицо — преодоление народности — во всечеловечности, преодоление самодержавия — в теократии, преодоление православия — в религии Св<ятого> Духа» [Мережковский, 1906: 52]. Поэтому Достоевский и является «первым пророком Св<ятого> Духа, С<вятой> Плоти», «первым из нас», подлинным провозвестником «религиозной революции» (см.: [Мережковский, 1906: 4, 3, 55]). Двойственное, амбивалентное отношение к прежнему безусловному кумиру, по мере сближения Мережковского в 1906–1908 гг. с эсеровской эмиграцией в Париже, все больше склонялось к полюсу враждебности к Достоевскому, которого теперь следовало любить «любовью <...> ненавидящей» — ведь в нем «воплотилась вечная метафизическая сила русской реакции, сила сопротивления старого

¹¹ См., например: «Достоевский», «Л. Толстой и Достоевский», «И. Грядущий Хам. П. Чехов и Горький», «Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского)», «Революция и религия», «Бес или Бог?», «Конь бледный», «Два отречения» и др.

¹² Детству и петербургской жизни Достоевского 1840-х гг. посвящено в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» всего по одной странице.

порядка новому». «Не сломив этой силы, не преодолев Достоевского и *достоевщины*, нельзя идти к будущему» [Мережковский, 1915: 277, 281–282], — заявлял Мережковский в 1913 г. Итак, в год написания «Автобиографической заметки» Достоевский воспринимался Мережковским двояко: как союзник в становлении «нового религиозного сознания» и как противник в борьбе за «религиозную общественность», или за «религиозную революцию».

Обратимся непосредственно к интересующему нас фрагменту и попробуем уточнить дату встречи обоих писателей. В отличие от «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», И. Л. Волгин, М. Д. Эльзон и Б. Н. Тихомиров справедливо относят ее к концу 1880 г. В самом деле, Мережковский упоминает экземпляры «Братьев Карамазовых», которыми была «завалена» «тесная» прихожая «крошечной» квартиры Достоевского. Известно, что книги были доставлены из типографии 9 декабря (см.: [ЛЖТ: 506]). Значит, приход Мережковских не мог произойти раньше этой даты. В воспоминаниях В. Микулич указан день рассказа Штакеншнейдер-Достоевского об этом визите — 30 декабря. Таким образом, устанавливаются предварительные временные рамки встречи: 10–29 декабря 1880 г. Их можно сузить, руководствуясь некоторыми косвенными признаками. Конечно, здесь мы вступаем в область предположений, впрочем, обоснованных и общей логикой событий, и конкретными фактами.

Во-первых, А. Г. Достоевская указывает, что отдельное издание «Братьев Карамазовых» «имело сразу громадный успех, и в несколько дней публика раскупила половину экземпляров» [Достоевская: 391]. Таким образом, буквально через считанные дни квартира в Кузнечном освободилась практически наполовину и не могла показаться такой уж «крошечной». В связи с этим логично предположить, что визит Мережковских произошел не позже 14–15 декабря.

Известно также, что 16 декабря Достоевский присутствовал в Аничковом дворце на встрече с цесаревичем (будущим Александром III), с которым «хотел <...> познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам»¹³. Во второй половине того же дня Достоевского «посещают студенты юридического факультета Петербургского университета Я. Ф. Сахар (впоследствии известный нотариус) и Е. С. Федоров-Чмыхов (будущий литератор) и получают от него “на память” фотографии (К. Шапиро. Петербург. 1879) с дарственными надписями» [ЛЖТ: 513]. Такой прием, как видим, контрастирует со встречами с Мережковскими, которых знаменитый писатель, по собственной оценке будущего символиста, принял

¹³ Л. Ф. Достоевская об отце. (Впервые переведенные главы воспоминаний) / публ. С. В. Белова; пер. с нем. Е. С. Кибардиной // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 307. (Сер.: Литературное наследство; т. 86). См. также: [Волгин: 271].

«с нетерпеливою досадою», а по версии Н. С. Лескова, «выгнал вон» и которые, по свидетельству В. Микулич, «остались совсем недовольны».

Кроме того, 19 декабря в своем кабинете в Кузнечном переулке Достоевский отвечает на письмо некоего Николая Александровича, неустановленного лица, попросившего у писателя совета о круге чтения своего сына-подростка: «Каких лет Ваш сын — этого Вы не обозначаете. — Скажу лишь вообще: берите и давайте лишь то, что производит *прекрасные впечатления и рождает высокие мысли*»¹⁴. Слова, отмеченные курсивом, выделены Достоевским — так он подчеркнул важное для себя, то, что его волновало и беспокоило в тот момент. Интересно, что здесь нет слов о необходимости страдания. Из дальнейшего текста письма выясняется, что сын адресата Достоевского был в возрасте 13–16 лет. Вспомним, что и Дмитрию Мережковскому в декабре 1880 г. было 15 лет¹⁵. Возникает мысль: не впечатление ли от слов С. И. Мережковского о возможной выгоде литературного труда (материальной и психологической) для его сына стало одним из импульсов к написанию и выделению этих слов Достоевским?

Таким образом, временной коридор свидания Достоевского с Мережковским сужается примерно до 6 дней: 10–15 декабря 1880 г. Хотя 13 декабря Достоевский принимал в своем доме племянника А. А. Достоевского, а 14 декабря участвовал в вечере в пользу Бестужевских женских курсов (см.: [ЛЖТ: 510–511]), исключать посещение Мережковских в эти дни нельзя, так как неизвестно, в какой час оно произошло. Тем не менее наиболее вероятным представляется 15 декабря. В этот день Достоевский получил от К. П. Победоносцева известие о предстоящем на завтра визите в Аничков дворец для знакомства с наследником престола. Мысль о свидании с царской особой могла актуализировать у писателя память о перенесенных в молодости страданиях из-за участия в антиправительственной деятельности.

Известно, что «перерождение убеждений», во многом обусловившее взлет послекаторжного творчества создателя «Записок из Мертвого Дома», сам он связывал именно с личным опытом страдания. В 1874 г. Достоевский говорил писателю Вс. С. Соловьеву: «...меня спасла каторга... совсем новым человеком сделался... <...> О! это большое для меня было счастье: Сибирь и каторга! Говорят: ужас, озлобление, о законности какого-то озлобления говорят! ужаснейший вздор! Я только там <...> себя понял <...> Христа понял... русского человека понял <...>. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно»¹⁶. Аналогично писатель высказался в разговоре с его братом, философом

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30₁. С. 237. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

¹⁵ Дата его рождения — 2 августа 1865 г.

¹⁶ Соловьев Вс. С. Из воспоминаний // Чехихин-Ветринский В. Е. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 128–129.

Вл. С. Соловьевым, которому пожелал пойти «года на три в каторжную работу»: «...тогда-то, после каторги, ты был бы совсем прекрасный и чистый христианин...»¹⁷. Уже после смерти автора «Братьев Карамазовых» Вл. С. Соловьев так осмыслял его духовный путь: «Вместо злобы неудачного революционера Достоевский вынес из каторги светлый взгляд нравственно возрожденного человека. <...> Эта нравственная сила, обновленная соприкосновением с народом, дала Достоевскому право на высокое место впереди нашего общественного движения не как служителю злобы дня, а как истинному двигателю общественной мысли»¹⁸.

Благодаря мемуарам Н. С. Лескова и В. Микулич становится очевидным, что визит Мережковских произвел на Достоевского заметное впечатление, если писатель рассказал о нем Д. В. Григоровичу, Е. А. Штакеншнейдер и, возможно, другим лицам. Видимо, он выпадал из обычного тона общения Достоевского с молодежью. Психологический след встречи с Мережковскими (от противного) можно увидеть в процитированном выше письме писателя к Николаю Александровичу от 19 декабря 1880 г.

Еще одним возможным отголоском визита Мережковских в этом же письме Достоевского являются строки: «...у меня столь мало здоровья и сил, что если отвечать на все письма и запросы (а их приходит множество), то совершенно некогда будет писать и заниматься своим делом» (ДЗ0; т. 30₁: 237). Вспомним слова в «Автобиографической заметке» Мережковского о «не-терпеливой досаде» автора «Дневника Писателя», которому они, «должно быть, помешали». Нельзя при этом не учесть и плохого самочувствия писателя, буквально стоявшего в последние месяцы 1880 г. на пороге смерти. Еще в ноябре он писал бывшему воспитателю в Инженерном училище А. И. Савельеву о том, что «страшно нездоров <...> *анфиземой*: дыхания мало, и начинается расстройство желудка, весьма серьезное, тоже от *анфиземы*, как говорит доктор, то есть от недостаточного дыхания» (ДЗ0; т. 30₁: 231); 3 декабря — И. С. Аксакову: «...разгулялась моя *анфизема*, укороченное дыхание, а за ним и ослабление сил» (ДЗ0; т. 30₁: 232). В этом состоянии «огромная переписка и бесчисленные посетители» (подробнее см.: [Сараскина: 757]) были ему явно не по силам: «...верите ли, — писал он М. А. Поливановой 18 октября 1880 г.: — звонок за звонком, кофею не дадут напиться: то приходят от студентов и от гимназий с просьбами читать, то с своими рукописями: прочтите, дескать, и пристройте в какой-нибудь журнал, вы-де со всеми редакциями знакомы...» (ДЗ0; т. 30₁: 221).

В начале фрагмента из заметки Мережковского говорится о знакомстве его отца, Сергея Ивановича, с Достоевским в салоне графини С. А. Толстой, вдовы А. К. Толстого, где писатель нередко бывал в 1879–1880 гг. На наш

¹⁷ Стахеев Д. И. Группы и портреты. (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. Т. 107. Январь. С. 86.

¹⁸ Соловьев Вл. Три речи в память Достоевского (1881–1883 гг.). М.: Университетская тип., 1884. С. 16.

взгляд, наиболее вероятная дата этого знакомства — 10 октября 1880 г., когда Достоевский идет «обедать к графине С. А. Толстой» после посещения семьи Штакеншнейдеров (см.: [ЛЖТ: 482]). Известно, что 6 октября он только вернулся в Петербург из Старой Руссы, а более поздние визиты писателя к вдове А. К. Толстого в 1880 г. не зафиксированы. С. И. Мережковскому была известна популярность автора «Братьев Карамазовых» у молодежи и его открытость ей; кроме того, он «гордился» стихами сына, «отдавал их переписывать и показывал знакомым» (*Мережковский*: 290–291). «Почему экспертом в вопросах поэтического творчества он (С. И. Мережковский. — О. Б.) избрал романиста Достоевского, а, скажем, не кого-то из поэтов — А. Н. Майкова или Я. П. Полонского? — размышляет Б. Н. Тихомиров. — Может быть, он слышал, как в салоне графини С. А. Толстой Достоевский вдохновенно читал и толковал стихи любимого Пушкина?» [Тихомиров, 2012: 159].

Непосредственным импульсом к визиту в Кузнечный переулок С. И. Мережковского с младшим сыном послужили, по-видимому, первые поэтические публикации Дмитрия в октябре 1880 г. — стихотворение «Тучка» и цикл «Осенние мелодии» — в журнале «Живописное обозрение» (№№ 40, 42). К этому времени в активе у начинающего поэта были также стихотворения «Розы», «Весною», возможно, «Нарцисс» (см.: [Кумпан: 10], [Зобнин: 26], [Холиков, 2014: 76])¹⁹. Эти, по поздней оценке самого автора, «детские, жалкие стишонки» были перепевами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и др. Судя по рукописному варианту заметки Мережковского, Достоевский воспринял именно их подражательный характер. Замечание же о необходимости «страдать», как уже было отмечено, относилось, скорее всего, не к стихам, а к мечтаниям Сергея Ивановича о будущей литературной славе юного стихотворца. Тем не менее нельзя исключить и прямой «творческой полемики» между авторами «Записок из Мертвого Дома» и «Тучки» — в этом первом напечатанном стихотворении Дмитрия, которое он наверняка прочел Достоевскому в декабре 1880 г., есть строки о страдании, вернее о его нежелательности:

«О, если б я мог быть той тучкой небесною!..
Такою ж прозрачной, такою ж прелестною,
Растаять от знойного солнца лобзания, —
Погибнуть той смертью без мук, без страдания:
С высокого неба на землю взглянуть —
И в море лучей без следов потонуть!..»²⁰

¹⁹ В «Автобиографической заметке» обстоятельства первой публикации Д. С. Мережковского переданы неверно.

²⁰ Мережковский Д. Тучка // Живописное обозрение. 1880. № 40. 4 октября. С. 253.

Итак, нет сомнений в том, что слова о страдании как источнике творчества были на самом деле произнесены Достоевским, — ведь они присутствуют во всех трех вариантах эпизода и, как отмечает М. Д. Эльзон, «не прошл[и] бесследно: в программном стихотворении “Поэту” (1883) Д. С. Мережковский наставлял идущего вослед:

«Поймешь ты красоту и смысл существования
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страдания,
В работе, в бедности, в суровой простоте».

Этим стихотворением открывается первая книга Д. С. Мережковского», который «не счел возможным поместить в ней те, что он читал Ф. М. Достоевскому. Может быть, он и сам счел их “пустяками”, недостойными читательского внимания» [Эльзон: 158–159].

Еще более ранние последствия «дискуссии» о страдании — в неопубликованных строках «На смерть Достоевского» из юношеской поэтической тетради Мережковского 1880–1881 гг.:

«Угас он... погиб в непомерной борьбе
Всю бездну людского страдания
Все небо любви вместил он в себе
Всю глубь бытия и сознания»²¹.

Хотя, по мнению Е. А. Андрущенко, «прием, оказанный ему Достоевским, трудно назвать “благословением на литературную деятельность” <...>, как в преклонном возрасте писал Мережковский, но все же нельзя не признать, что воздействие личности и творчества Достоевского на него было значительным» [Андрущенко, 2009: 186]. Действительно, уже в эмиграции, в 1930 г., Мережковский по просьбе А. В. Амфитеатрова выслал ему для готовившейся истории новейшей русской литературы на итальянском языке (проект не был реализован) «краткую биографическую и библиографическую о себе справку», в которой указывал, что единственное «свидание» с Достоевским «произвело на [него] большое впечатление и было как бы благословением на литературную деятельность» [Письма...: 160–161].

В свою очередь, А. А. Холиков полагает, что обсуждаемая здесь встреча послужила «одной из причин творческого интереса Мережковского к личности Достоевского», который, как уже было замечено выше, воплотился в многочисленных трудах писателя-символиста (см.: [Холиков, 2014: 135–136]). «Примечательно, — пишет исследователь, — что слова о необходимости страдания, приписываемые Достоевскому в “Автобиографической заметке”,

²¹ Мережковский Д. С. II. Юношеские опыты. С 13 мая 1880 года // РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24269. Л. 136–136 об.

станут опорными в рассуждениях самого Мережковского о русском классике» [Холиков, 2014: 136] и в «Л. Толстом и Достоевском» (см.: [Мережковский, 2000: 61], и в «Пророке русской революции» (см.: [Мережковский, 1906: 55], и в других работах.

Наконец, «страдальческая» траектория объединяет в заметке Мережковского напутствие Достоевского и рассказ о скором знакомстве и тесной дружбе с С. Я. Надсоном, как известно, носителем мученического ореола (сиротство, изнурительная болезнь, трагическая любовь, неравная борьба с социальной несправедливостью, ранняя смерть). Хотя в реальности Мережковский познакомился с автором знаменитого «Певца» (1881) лишь в 1882 г., в «Автобиографической заметке» это событие следует непосредственно за смертью Достоевского, как бы передавая эстафету страдальческого подвига в новые молодые руки. Более того, упрекая старшего друга в некотором индивидуализме, Мережковский писал С. Я. Надсону: «...мне кажется, возвысить могут меня *страдания*, — *страдания за других*, к ним-то и нужно стремиться со всей энергией, как к счастью, для них-то и нужно в душе приготовить достойное святилище» [Мережковский, 1994: 180].

Несмотря на свое двойственное отношение к Достоевскому, сложившееся к 1913 г., Мережковский возводит к нему — хотя бы частично — собственную писательскую генеалогию. В первую очередь, как справедливо заметил А. А. Холиков, это «“рукопожат[ость]” Достоевским незадолго до его смерти» [Холиков, 2014: 189], что напоминает хрестоматийное пушкинское: «...старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»²². Думается, аллюзия на Пушкина здесь сознательна и рассчитанна — недаром эпизоду с Достоевским в «Автобиографической заметке» непосредственно предшествует встреча в Крыму с 70-летней Е. К. Воронцовой, одной из главных любовей великого поэта: «Я не знал, что имею счастье целовать ту руку, которую полвека назад целовал Пушкин» (Мережковский: 291).

Кроме явного указания на преемственность от Достоевского, Мережковский исподволь сближает биографии автора «Преступления и Наказания» и свою собственную, тем самым формируя представление об их глубинном сходстве. Во-первых, это родительская семья: Сергей Иванович Мережковский — «угрюмый, ожесточенный тяжелой чиновничьей лямкой времен николаевских» (Мережковский: 289), — на удивление схож с Михаилом Андреевичем Достоевским, чей «тяжелый нрав, <...> угрюмость, вспыльчивость и подозрительность» [Мережковский, 2000: 58] имели, по предположению автора трактата «Л. Толстой и Достоевский», серьезное влияние на его гениального сына. Кроме того, летом на даче на Елагином и Крестовском островах маленький Мережковский так же упоенно играл в «диких», как когда-то Федя Достоевский в Даровом. Если последний в детстве заслушивался

²² Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 142.

историями неутомимой Алены Фроловны, то и у Мережковского «была <...> старая няня, которая рассказывала [ему] русские сказки и жития святых» (*Мережковский*: 289). В гимназические годы юный Дмитрий «мало сходил» с товарищами, был «нелюдим и застенчив» (*Мережковский*: 290), подобно 16-летнему кондуктору Федору в Главном Инженерном училище в Петербурге 1830-х гг. В дальнейшем в автобиографию Мережковского вплетаются имена А. Н. Плещеева, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского. Но все эти люди — ближайшие друзья Достоевского, первые два — еще с 1840-х гг., времени молодости автора «Бедных людей». Они постоянные адресаты писем великого писателя, опубликованных в изданиях рубежа XIX–XX вв.; другие подробности Мережковский мог узнать из жизнеописания Достоевского в его первом посмертном Полном собрании сочинений²³, а также из воспоминаний современников, собранных В. Е. Чешихиным-Ветринским²⁴ или опубликованных в журналах 1890–1900-х гг.

Некоторые детали описанного Мережковским свидания 1880 г. носят очевидно мифологизирующий характер. Во-первых, это размеры квартиры Достоевского и, возможно, ее адрес. В «Автобиографической заметке» она описана как «крошечная», «с низенькими потолками, тесной прихожей <...> и почти так[им] же тесн[ым] кабинет[ом], где Федор Михайлович сидел за корректурами». На самом деле шестикомнатная квартира, которую снимали Достоевские в Кузнечном переулке в 1878–1881 гг., была достаточно просторной даже для конца XIX в. При входе находилась кладовая для книг площадью 14 квадратных метров, сама прихожая насчитывала 18 квадратных метров; в гостиной, через которую отец и сын Мережковские прошли в кабинет писателя, было почти 27 квадратных метров, а в самом кабинете — почти 24 квадратных метра. Высота потолков 3,2 м²⁵. Можно, конечно, предположить, что квартира в Кузнечном показалась юному Мережковскому тесной по сравнению с теми «дворцовыми зданиями» и «казенн[ой], огромн[ой], со множеством комнат, жилых и парадных, в двух этажах» квартирой в доме эпохи Екатерины II, т. е. последней трети XVIII в. (см.: *Мережковский*: 288)²⁶, в которых прошло его детство благодаря службе отца — тайного советника, крупного чиновника Министерства императорского

²³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. 839 с. В составе т. 1 — «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» О. Ф. Миллера и «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» Н. Н. Страхова, а также большая подборка писем писателя разных лет к разным лицам.

²⁴ См.: Чешихин-Ветринский В. Е. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1912. 336 с.

²⁵ См.: Договор безвозмездного пользования № 10-Б207957 от 21 мая 2001 г. Комитета по управлению городским имуществом г. Санкт-Петербурга с Литературно-мемориальным музеем Ф. М. Достоевского.

²⁶ Мережковский ошибочно указывает царствование Петра I как время постройки здания.

двора, столоначальника Придворной его величества конторы (см.: [Холиков, 2014: 112]). Однако впоследствии писатель-символист жил в Петербурге в обыкновенных интеллигентских квартирах, соизмеримых по площади с жилищем Достоевского в Кузнечном переулке. Так, первая петербургская квартира Мережковских после свадьбы в 1889 г. (Верейская ул., 12) была «очень мила», но, очевидно, невелика: из «очень узеньк[ой]» спальни З. Н. Гиппиус был «выход только в [ее] кабинет побольше, (или салон) потом, на другую сторону, столовая, по коридору — комната Д. С. — и все. Ванны не было, но она была устроена в кухне, за занавеской» [Гиппиус: 54]. Правда, вскоре они переехали в великолепный по тем временам дом Мурузи (Литейная ул., 24), где в 1889–1912 гг. сменили несколько квартир, от скромной четырехкомнатной на 5 этаже до гораздо более просторной на 4 этаже, что стало возможным благодаря высоким литературным гонорарам обоих супругов (см.: [Гиппиус: 153]).

Возвращаясь к обстановке визита Мережковских к Достоевскому, отметим, что экземпляры «Братьев Карамазовых» в декабре 1880 г. были сложены в специальной кладовой («громадной», по выражению А. Г. Достоевской [Достоевская: 347]), объем которой (при площади 14 квадратных метров и высоте потолка 3,2 м) не менее 42 кубических метров. Это пространство с легкостью вмещало большое количество книг. Да и тираж «Братьев Карамазовых» в 3000 экз. поступал частями, так что в прихожей могла располагаться сравнительно небольшая его часть, к тому же быстро таявшая благодаря интенсивной раздаче покупателям. Это обстоятельство также говорит в пользу нашей гипотезы о том, что визит Мережковских состоялся не позднее 15 декабря: ведь, напомним, по свидетельству Анны Григорьевны, «половина экземпляров» была раскуплена публикой «в несколько дней», т. е. в течение примерно 5–7 дней начиная с 9 декабря прихожая должна была освободиться от книг. Дмитрий же увидел прихожую, «заваленную» экземплярами последнего романа Достоевского. Но даже это впечатление, скорее всего, гиперболизировано с целью подчеркнуть необыкновенную тесноту «квартирки» автора «Преступления и Наказания».

В пользу просторности реальной квартиры и особенно кабинета Достоевского имеется и косвенное творческое свидетельство. Автобиографический герой романа «Униженные и Оскорбленные» так пишет о своих поисках съемной квартиры в Петербурге:

«Во-первых, хотелось квартиру особенную, не от жильцов, а во-вторых, хоть одну комнату, но непременно большую, разумеется вместе с тем и как можно дешевую. Я заметил, что в тесной квартире даже и мыслям тесно. Я же, когда обдумывал свои будущие повести, всегда любил ходить взад и вперед по комнате» (Д30; т. 3: 169).

Так что Достоевский сознательно стремился к просторным комнатам и, думается, старался выбирать для себя такие. Ведь это влияло на продуктивность его творческого труда.

Можно также предположить, что указание последнего адреса Достоевского в Колокольной улице вместо Кузнечного переулка в «Автобиографической заметке» Мережковского не простая забывчивость, но рассчитанный мифологизирующий прием. Ошибка в первой газетной публикации 1913 г. вполне может быть объяснена длительным временным интервалом между событием и записью воспоминания о нем: в самом деле, Колокольная улица в Петербурге располагалась вблизи Кузнечного переулка, проходила параллельно ему по другую сторону Владимирской церкви и тоже вливалась в широкую Владимирскую улицу практически напротив дома Прянишникова на углу Графского переулка, где Достоевский проживал в 1840-е гг. (подробнее см.: [Тихомиров, 2009]). Однако повтор этой ошибки в последнем томе ПСС Мережковского 1914 г., к фактологии которого он, как показывает А. А. Холиков, относился весьма внимательно (см.: [Холиков, 2014: 188–190]), наводит на мысль о возможности ее осознанного характера. Особенно если учесть, что 24-й том второго прижизненного ПСС Мережковского вышел в декабре 1914 г., а 1-й том венгеровской «Русской литературы XX века» с «Автобиографической заметкой» — в июле 1914 г. Все-таки трудно предположить, что ее автор не заметил редакторской правки С. А. Венгерова, т. е. появления Кузнечного переулка вместо Колокольной улицы. Хотя вероятность этого тоже имеется.

В любом случае символика тесной квартиры-«гроба», явно восходящая к жилищу Раскольникова в романе «Преступление и Наказание», наполнена в «Автобиографической заметке» Мережковского поистине художественной многозначностью: это и указание на скорую смерть Достоевского («Я <...> вскоре узнал, что он умер»), и уже упомянутая аллюзия на Пушкина («И в гроб сходя, благословил»), и воскрешение томящегося «во гробе» Лазаря (явленное в образной системе «Преступления и Наказания») божественной силой Святого Духа, сходящего с небес на Христа. Ведь Достоевский, по мысли основателя и главного выразителя «нового религиозного сознания» Серебряного века, или «религии Третьего Завета», завета Святого Духа, — «предвозвеститель новой религии», «воистину <...> пророк», заглянувший «в бездну духа» и «стремящийся <...> к воплощению духа» в художественных образах (см.: [Мережковский, 2000: 184, 187]).

Обращает на себя внимание еще одна яркая деталь — «бледно-голубые глаза» великого писателя в передаче автора анализируемой заметки. Она также вызывает сомнение в своей аутентичности. Ведь если обратиться к воспоминаниям современников — тех людей, которые, как и Мережковский, видели живого Достоевского, причем некоторые из них, в отличие от нашего мемуариста, часто и совсем близко, то обнаружим, что среди 12-ти свидетельств *нет ни одного* о голубизне глаз Достоевского! В разделе «Облик»

составленной П. Е. Фокиным книги «Достоевский без глянца» собраны зарисовки очевидцев, 5 из которых пишут о цвете глаз писателя. Так, по воспоминаниям знавших его еще в молодости А. Я. Панаевой и С. Д. Яновского, глаза у Достоевского были «серые», «светло-серые». По впечатлениям 1860–1870-х гг., А. Г. Достоевская, А. Н. Толиверова и Вс. С. Соловьев говорят о «карих», «темно-карих» и «светлых карих» глазах Достоевского (см.: [Достоевский без глянца: 19–28]). В дополнение к численному перевесу сторонников «карих» глаз у писателя, к ним принадлежит его жена, которой с уверенностью можно отдать решающий голос в этой заочной дискуссии, так как она человек, наиболее часто и длительно наблюдавший Достоевского в разных жизненных ситуациях.

Также большинство мемуаристов указывают на глубокую посадку и впалость глаз писателя в его последние годы. Показательны, однако, впечатления В. В. Тимофеевой-Починковской от встреч с Достоевским в 1873 г.: отмечая у него в повседневной жизни «беззвучный голос, потухший взгляд», вдруг, в один из моментов его духовно-эстетического воодушевления, она увидела «*настоящее* лицо Достоевского, каким <...> его представляла себе, читая его романы!.. Как бы озаренное властной думой, оживленно-бледное и совсем молодое, с проникновенным взглядом глубоких потемневших глаз, с выразительно-замкнутым очертанием тонких губ, — оно дышало торжеством своей умственной силы, горделивым сознанием своей власти... <...> Это было лицо *великого человека*, историческое лицо»²⁷. Литератор А. А. Александров писал о редкой пронизательности взгляда Достоевского: «Это были живые, в высшей степени внимательные глаза, казалось, смотревшие вам прямо в душу и видевшие ее всю насквозь, со всеми ее изгибами и тайниками»²⁸.

Большинство приведенных воспоминаний были опубликованы на рубеже XIX–XX вв. в различных источниках, и Мережковский наверняка их прочел, прежде чем создать в своей «Автобиографической заметке» облик Достоевского как «великого человека» и «исторического лица», чей духовный «взор», с легкостью «пронзая» завесу настоящего, проникал в «прозрачное» для него будущее. «Бледно-голубой», по Мережковскому, цвет глаз Достоевского — это прежде всего цвет неба как традиционного символа божественного присутствия, как царства Духа.

Кроме того, в соответствии с общей стратегией мифологизации писателей в Серебряном веке, автор-символист включил в созданный им в 1913 г. облик писателя-пророка приметы его лучших, как он считал, литературных героев — Сони Мармеладовой, Льва Мышкина, воплощавших собой высшее духовное начало. Так, «Соня была <...> блондинка, с замечательными

²⁷ Тимофеева В. В. (О. Починковская). Год работы со знаменитым писателем. (Посвящается памяти Федора Михайловича Достоевского) // Исторический вестник. 1904. Т. 95. Февраль. С. 492, 495–496.

²⁸ Александров А. А. Федор Михайлович Достоевский. (Страничка из воспоминаний) // Светоч и дневник писателя. 1913. № 1. С. 53.

голубыми глазами», «голубые глаза ее были <...> ясные», «кроткие», однако в минуты духовного подъема могли «сверкать <...> огнем» и «суровым энергическим чувством» (ДЗ0; т. 6: 143, 183, 248). У князя Мышкина глаза «были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь» (ДЗ0; т. 8: 6). У Алеши Карамазова глаза со «светлым взором» (ДЗ0; т. 14: 24). Очевидно, что приведенные цитаты соотносятся с «прозрачным и пронзительным взором бледно-голубых глаз» Достоевского в заметке Мережковского.

В то же время «как-то слишком голубые» глаза, взгляд которых был «как-то слишком тяжел и неподвижен» (ДЗ0; т. 6: 357) видим у Свидригайлова, демонического персонажа «Преступления и Наказания». Эта двойственность не должна удивлять. «Можно сказать, что в зрелые годы Мережковский преодолевал в себе <...> Достоевского. Свидетельством этого являются его незавершенная драма без названия (1910-е годы) и пьеса “Будет радость” (1914), написанные во многом “против” и вопреки Достоевскому» [Андрущенко, 2000: 485].

Более того, «Автобиографическая заметка» 1913 г. — это своего рода «Л. Толстой и Достоевский» (имеется в виду трактат 1898–1902 гг.) наоборот. В самом деле, практически в начале заметки — визит на петербургскую квартиру Достоевского в 1880 г., в конце — рассказ о поездке к Толстому в Ясную Поляну в 1904 г., причем этим событиям отведены примерно равные по величине фрагменты текста. Композиционно встречи с обоими писателями образуют контраст, переданный через впечатление от их глаз: «добры[х] и немного страшны[х], маленьки[х], медвежьи[х], “лесны[х]” глаз[ок], напоминая[х] дядю Ерошку», «тайновидца плоти» Толстого, которые противопоставлены теперь уже небесно-холодному «взору» «тайновидца духа» Достоевского. Здесь едва ли не впервые декларирована давно назревавшая у Мережковского мысль: вспоминая о своем предпочтении Достоевского в трактате «Л. Толстой и Достоевский», он сожалел о том, что в этой книге «был не совсем справедлив» к Толстому, который ему «все-таки ближе, роднее Достоевского» (Мережковский: 294).

Тем не менее, несмотря на присутствие критического ракурса, оптика на Достоевского в «Автобиографической заметке» во многом сходна с трактатом «Л. Толстой и Достоевский»: «глаза его впервые видят то, что, казалось, не позволено видеть глазам человеческим», т. е. «доходить во всем до конца, до “последней черты”, переступить за пределы» [Мережковский, 2000: 150]. И в этом — тождество с «декадентами», в чьих глазах — «выражение, которого никогда еще не было в глазах человеческих; в сердцах наших — чувство, которого никто из людей не испытывал вот уже девятнадцать веков, с тех пор, как было видение отшельнику Патмоса...» [Мережковский, 2000: 478].

И последнее. Указание на то, что юный Дмитрий застал Достоевского в его кабинете «за корректурами», также, скорее всего, «художественное

обобщение», призванное представить автора «Братьев Карамазовых» вечным тружеником, «вечным спутником» одного из трудолюбивейших и плодовитейших русских писателей рубежа XIX–XX вв. Дмитрия Сергеевича Мережковского. Нет сведений о том, что Достоевский в декабре 1880 г. вычитывал корректуры: «Братья Карамазовы» уже были изданы, завершающий выпуск «Дневника Писателя» только создавался, его корректуры появились на столе у автора лишь в январе 1881 г. Документально зафиксировано только то, что в последний месяц 1880 г. Достоевский вел переписку и делал записи в своей рабочей тетради 1880–1881 гг. (см.: [ЛЖТ: 503–523, 537]).

В заключение отметим, что приведенный в начале этой статьи фрагмент из «Автобиографической заметки» Мережковского, посвященный визиту к Достоевскому в 1880 г., содержит яркий, емкий, запоминающийся образ великого писателя и религиозного пророка, но воспринимать его как мемуарное свидетельство нужно с большой осторожностью. В первую очередь, из-за неточной памяти участника события, воссоздавшего встречу писателей с перерывом в 30 с лишним лет. Кроме того, несмотря на ряд достоверных деталей, здесь прежде всего получил развитие авторитетный в Серебряном веке художественный миф Достоевского, чья роль в русской культуре виделась Мережковскому в 1910-е гг. революционной и «реакционной» одновременно.

Список литературы

1. Андрущенко Е. А. Тайновидение Мережковского // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. С. 481–528. (Сер. «Литературные памятники».)
2. Андрущенко Е. А. Ф. М. Достоевский в творческом мире Д. С. Мережковского // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: міжвуз. зб. наук. ст. Донецьк, 2009. Вип. XX. С. 184–190.
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 572 с.
4. Богданова О. А. Миф Достоевского в поэзии Б. А. Садовского и научной прозе В. Л. Комаровича // Русская литература. 2016. № 4. С. 171–181.
5. Волгин И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки. 4-е изд. М.: АСТ: Зебра Е, 2010. 736 с.
6. [Гарэтто Э.] Из архива А. Г. Достоевской: Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым // Минувшее. М.; СПб., 1990. Вып. 9. С. 235–293.
7. Гиппиус З. Н. Собр. соч.: в 15 т. Т. 16 (доп.): Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа. М.: Дмитрий Сечин, 2019. 592 с.
8. Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Правда, 1987. 544 с.
9. Достоевский без глянца / сост. и предисл. П. Е. Фокина. СПб.: Пальмира, 2017. 459 с.
10. Захаров В. Н. Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание: межвуз. сб. / отв. ред. И. П. Лупанова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1974. С. 98–125.
11. Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 436 с.

12. Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 926 с.
13. Лавров А. В. Мережковский Д. С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 17–27.
14. Лесков А. Жизнь Николая Лескова: по его личным, семейным и несемейным записям и памятам. М.; Л.: Гослитгиздат, 1954. 684 с.
15. Лесков А. Жизнь Николая Лескова: по его личным, семейным и несемейным записям и памятам. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 607 с.
16. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 3: 1875–1881. 616 с. — ЛЖТ
17. Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). М.: ИМЛИ РАН, 2002. Вып. 1: 1891–1900. 528 с. — ЛЛС
18. Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 154 с.
19. Мережковский Д. С. Горький и Достоевский // Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг.: Тип. т-ва «Труд», 1915. С. 269–284.
20. Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону / предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 178–192.
21. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с. (Сер. «Литературные памятники».)
22. Микулич В. Встречи с писателями: Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Всеволод Гаршин. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 234 с.
23. Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову / публ., вступ. зам. и примеч. М. Толмачева и Ж. Шерон // Звезда. 1995. № 7. С. 158–169.
24. Сараскина Л. И. Достоевский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013. 825 с.
25. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса Достоевского, или пешком вокруг Владимирского собора. СПб.: Серебряный век, 2009. 36 с.
26. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб.: Кузнечный переулок, 2012. 224 с.
27. Фридлендер Г. М. Д. С. Мережковский и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 3–20.
28. Холиков А. А. Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.
29. Холиков А. А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.
30. Эльзон М. Д. «В литературе известен такой случай...» (Н. С. Лесков против... Д. С. Мережковского) // Русская литература. 1995. № 4. С. 156–159.

References

1. Andrushchenko E. A. The Secret Vision of Merezhkovsky. In: *Merezhkovskiy D. S. L. Tolstoy i Dostoevskiy* [*Merezhkovsky D. S. L. Tolstoy and Dostoevsky*]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 481–528. (Series “Literary Monuments”). (In Russ.)
2. Andrushchenko E. A. F. M. Dostoevsky in the Creative World of D. S. Merezhkovsky. In: *Aktual'ni problemi slov'yans'koï filologii. Seriya: Lingvistika i literaturoznavstvo* [*Actual Problems of Slavic Philology. Series: Linguistics and Literary Studies*]. Donetsk, 2009, issue 20, pp. 184–190. (In Russ.)

3. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: *Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 572 p. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. The Myth of Dostoevsky in Poetry of B. A. Sadovsky and the Scientific Prose by V. L. Komarovich. In: *Russkaya literatura*, 2016, no. 4, pp. 171–181. (In Russ.)
5. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski* [*The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes*]. Moscow, AST: Zebra E Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
6. Garetto E. From the Archive of Anna G. Dostoevskaya: D. S. Merezhkovsky’s and S. N. Bulgakov’s Letters. Correspondence with V. V. Rozanov. In: *Minuvshee* [*The Past*]. Moscow, St. Petersburg, 1990, issue 9, pp. 235–293. (In Russ.)
7. Gippius Z. N. *Sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 Vols*]. Moscow, Dmitriy Sechin Publ., 2019, vol. 16. 592 p. (In Russ.)
8. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [*Memories*]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 544 p. (In Russ.)
9. *Dostoevskiy bez glyantsa* [*A Non-Glossy Dostoevsky*]. St. Petersburg, Pal’mira Publ., 2017. 459 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. The Concept of the Fantastic in the Aesthetics of F. M. Dostoevsky. In: *Khudozhestvennyy obraz i istoricheskoe soznanie* [*An Artistic Image and Historical Consciousness*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1974, pp. 98–125. (In Russ.)
11. Zobnin Yu. V. *Dmitriy Merezhkovskiy: zhizn' i deyaniya* [*Dmitry Merezhkovsky: Life and Deeds*]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 436 p. (In Russ.)
12. Kumpan K. A. D. S. Merezhkovsky the Poet (at the Origins of the “New Religious Consciousness”). In: *Merezhkovskiy D. S. Stikhotvoreniya i poemy* [*Merezhkovsky D. S. Verses and Poems*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 926 p. (In Russ.)
13. Lavrov A. V. Merezhkovsky D. S. In: *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999, vol. 4, pp. 17–27. (In Russ.)
14. Leskov A. *Zhizn' Nikolaya Leskova: po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [*The Life of Nikolai Leskov in His Personal, Family and Non-Family Records and Memories*]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1954. 684 p. (In Russ.)
15. Leskov A. *Zhizn' Nikolaya Leskova: po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [*The Life of Nikolai Leskov in His Personal, Family and Non-Family Records and Memories*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, vol. 2. 607 p. (In Russ.)
16. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky’s Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 3. 616 p. (In Russ.)
17. *Letopis' literaturnykh sobytiy v Rossii kontsa XIX — nachala XX v. (1891 — oktyabr' 1917)* [*Chronicle of Literary Events in Russia in the Late 19th — Early 20th Century (1891 — October 1917)*]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002, issue 1. 528 p. (In Russ.)
18. Merezhkovskiy D. S. *Prorok russkoy revolyutsii. K yubileyu Dostoevskogo* [*The Prophet of the Russian Revolution. For Dostoevsky’s Anniversary*]. St. Petersburg, M. V. Pirozhkov Publ., 1906. 154 p. (In Russ.)
19. Merezhkovskiy D. S. Gorky and Dostoevsky. In: *Merezhkovskiy D. S. Bylo i budet. Dnevnik 1910–1914* [*Merezhkovsky D. S. It Was and It Will Be. Diary 1910–1914*]. Petrograd, Tipografiya tovarishchestva «Trud» Publ., 1915, pp. 269–284. (In Russ.)

20. Merezhevskiy D. S. Letters to S. Ya. Nadson. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 8, pp. 178–192. (In Russ.)
21. Merezhevskiy D. S. *L. Tolstoy i Dostoevskiy* [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 589 p. (Series “Literary Monuments”). (In Russ.)
22. Mikulich V. *Vstrechi s pisatelyami: Lev Tolstoy, Dostoevskiy, N. Leskov, Vsevolod Garshin* [Meetings with Writers: Leo Tolstoy, Dostoevsky, N. Leskov, Vsevolod Garshin]. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade Publ., 1929. 234 p. (In Russ.)
23. Letters of D. S. Merezhevskiy to A. V. Amfiteatrov. In: *Zvezda*, 1995, no. 7, pp. 158–169. (In Russ.)
24. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013. 825 p. (In Russ.)
25. Tikhomirov B. N. *Peterburgskie adresa Dostoevskogo, ili peshkom vokrug Vladimirskogo sobora* [Dostoevsky's St. Petersburg Addresses, or Walking Around the Vladimir Cathedral]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2009. 36 p. (In Russ.)
26. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2012. 224 p. (In Russ.)
27. Fridlender G. M. D. S. Merezhevskiy and Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 3–20. (In Russ.)
28. Kholikov A. A. *Dmitriy Merezhevskiy. Iz zhizni do emigratsii: 1865–1919* [Dmitry Merezhevskiy. From Life Before Emigration: 1865–1919]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2010. 152 p. (In Russ.)
29. Kholikov A. A. *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochineniy Dmitriya Merezhevskogo: Tekstologiya, istoriya literatury, poetika* [Dmitry Merezhevskiy's Lifetime Complete Works: Textual Criticism, Literary History, Poetics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 344 p. (In Russ.)
30. El'zon M. D. “Such a Case is Known in the Literature...” (N. S. Leskov Against... D. S. Merezhevskiy). In: *Russkaya literatura*, 1995, no. 4, pp. 156–159. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>; e-mail: olgabogda@yandex.ru.

Olga A. Bogdanova, PhD (Philology), Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>; e-mail: olgabogda@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2022

Принята к публикации / Accepted 05.03.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

Актеры-любители — партнеры Достоевского в постановке комедии Гоголя «Ревизор»

(Из дополнений к словарю «Ф. М. Достоевский и его окружение»)

Б. Н. Тихомиров

Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена участию Достоевского в роли почтмейстера Шпекина в благотворительном спектакле по комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», поставленном 14 апреля 1860 г. силами любителей в зале дома Марии Руадзе на набережной Мойки неподалеку от Полицейского моста. В спектакле, кроме Достоевского, было занято 25 самодеятельных актеров, имена которых известны из афиши, опубликованной в качестве приложения к воспоминаниям об этом событии П. И. Вейнберга. Достоевский общался с участниками этой постановки в ходе нескольких репетиций, начавшихся 31 марта 1860 г., а также непосредственно во время спектакля. Однако в энциклопедическом словаре С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» зарегистрировано менее половины участников этого спектакля, причем большей частью задействованных в сценических эпизодах, в которых не принимал участия Шпекин-Достоевский. В статье собраны биографические данные об актерах-любителях — участниках постановки «Ревизора», которые общались с Достоевским в процессе коллективного творчества, выходили на сцену в общих с ним явлениях, но которые до сих пор не упоминались в биографической литературе о писателе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, комедия «Ревизор», почтмейстер Шпекин, благотворительный спектакль, афиша, зала Руадзе, П. И. Вейнберг, актеры-любители, энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Актеры-любители — партнеры Достоевского в постановке комедии Гоголя «Ревизор» (Из дополнений к словарю «Ф. М. Достоевский и его окружение») // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 1. С. 61–79. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5901

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5901

Amateur Actors Who — Partnered with Dostoevsky in the Production of Gogol's Comedy "The Inspector"

(From the Additions to the Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Entourage")

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to Dostoevsky's participation as postmaster Shpekin in a charity performance of the comedy by N. V. Gogol "The Inspector," staged on April 14, 1860 by amateurs in the hall of Maria Ruadze's house on the Moika embankment near the Polizeisky Bridge. Along with Dostoevsky, 25 amateur actors were engaged in the performance. Their names are known from the showbill published as an appendix to P. I. Weinberg's memoirs of this event. Dostoevsky interacted with the participants of this production during several rehearsals that began on March 31, 1860, and directly during the performance. However, fewer than half of the participants of this performance are registered in S. V. Belov's encyclopedic dictionary "F. M. Dostoevsky and his entourage," and most of them are engaged in stage episodes without Shpekin-Dostoevsky. The article contains biographical data about amateur actors who participated in the production of "The Inspector," who interacted with Dostoevsky in the collective creative process, went on stage together with him, but who have not been previously mentioned in the biographical literature about the writer.

Keywords: F. M. Dostoevsky, N. V. Gogol, comedy "The Inspector", postmaster Shpekin, charity performance, showbill, Ruadze Hall, P. I. Weinberg, amateur actors, encyclopedic dictionary "F. M. Dostoevsky and his entourage"

For citation: Tikhomirov B. N. Amateur Actors Who — Partnered with Dostoevsky in the Production of Gogol's Comedy "The Inspector" (From the Additions to the Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Entourage"). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 61–79. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5901 (In Russ.)

Факт участия Достоевского 14 апреля 1860 г. в благотворительном любительском спектакле — постановке комедии Гоголя «Ревизор», осуществленной по инициативе недавно учрежденного Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд), широко известен. Спектакль этот произвел фурор среди петербургской публики и привлек всеобщий интерес. В качестве актеров в нем, наряду с Достоевским, выступали знаменитые современные писатели: Иван Тургенев, Алексей Писемский, Дмитрий Григорович, Александр Дружинин, поэты Аполлон Майков, Петр Вейнберг, Василий Курочкин, издатель Андрей Краевский и др. Публика просто ломилась в зал Марии Руадзе в ее доме на углу набережной Мойки и Кирпичного переулкa у Полицейского моста, где состоялась постановка. «Если бы зала Руадзе была вдвое больше, то и тогда она, вероятно, не вместила бы всех

желающих быть на спектакле», — вспоминал один из мемуаристов [Пантелеев, 1958: 230]¹.

Сообщения об этом событии были напечатаны в нескольких столичных газетах². Сатирический журнал «Искра» (1860. 6 мая. № 17) даже поместил на своей обложке выполненное в карикатурном ключе изображение одной из мизансцен этого спектакля («Литераторы в ролях купцов и городничего»; см. Илл. 1)³. В конце XIX — начале XX в., спустя несколько десятилетий,

¹ Организатор и фактический режиссер спектакля П. И. Вейнберг в своих воспоминаниях еще повышает градус ажиотажа в петербургском обществе: «Если б зал мог вместить **тройное количество зрителей** сравнительно с тем, которое помещалось в нем, то и в этом случае, без сомнения, все билеты были бы распроданы задолго до спектакля» [Вейнберг: 106]. (Здесь и далее полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи, курсивные выделения — цитируемым авторам. — Б. Т.). Однако запись в дневнике члена Комитета Литфонда А. В. Никитенко, присутствовавшего на спектакле в качестве представителя оргкомитета, корректирует приведенные мемуарные свидетельства: «Пьеса шла неблистательно, но денег собрано много. Все места **почти** были заняты» [Никитенко: 118].

² См., например: Северная пчела. 1860. 16 апр. № 85. С. 337. В этой же газете можно было прочесть анонс постановки «Ревизора». Вслед за перечнем действующих лиц и их исполнителей сообщалось: «Начало в 7½ часов. Билеты: *в залу*: 1-й ряд по 10 р., следующие 17-ть по 5 р. и остальные по 3 р., *на хоры* по 2 р. сер., можно получать в книжных магазинах: В. П. Печаткина (на Невском проспекте, против гостиницы двора, в доме Армянской церкви); Д. Е. Кожанчикова (в доме Демидова, против Публичной библиотеки); А. И. Давыдова (на Невском проспекте, против арсенала Николаевского дворца, в доме Заветнова). Лица, записавшие для себя билеты заблаговременно, благоволят прислать за ними в квартиру П. И. Вейнберга (на углу Владимирской и Графского переулков, в доме Бурдина), ежедневно от девяти до двенадцати часов» (Там же. 9 апр. № 79. С. 315).

³ Эта гравированная карикатура П. З. Куренкова по рисунку Н. А. Степанова вызывает ряд вопросов. И главный из них: допустимо ли рассматривать ее как документальное свидетельство? С этим вопросом сопряжен и второй: видел ли сам художник на сцене тех, кого изобразил на карикатуре, или же создавал свой рисунок с чужих слов? По целому ряду признаков более предпочтительным оказывается второй ответ: карикатурист иллюстрировал городскую молву, вызванную необычным спектаклем. В частности, можно отметить, что на рисунке изображены *десять* «купцов», в то время как в афише перечислены лишь *семь* исполнителей: И. С. Тургенев, А. А. Краевский, Д. В. Григорович, А. Н. Майков, А. В. Дружинин, В. С. Курочкин и (отдельной строкой в роли купца Абдулина, единственного названного в афише по имени) А. Н. Островский (которого заменил Ф. А. Кони). Портретного сходства, скажем прямо, в участниках изображенной мизансцены маловато. Тем не менее узнаются: И. С. Тургенев (почему-то очень низенького роста), А. В. Дружинин, Д. В. Григорович, а также И. И. Панаев, Н. А. Некрасов и (поверим биографам этого писателя) И. А. Гончаров. Оставим на совести художника портреты В. С. Курочкина, Ф. А. Кони, А. Н. Майкова и А. А. Краевского (быть может, последний вышел на сцену с подвязанной бородой?). Но как быть с Панаевым, Некрасовым и Гончаровым, фамилий которых нет в афише и которых не называет в своих подробных воспоминаниях П. И. Вейнберг? Гончарова упоминает в мемуарах, написанных в начале XX в., Е. Ф. Юнге: «Тургенев, **Гончаров**, Майков, Курочкин вышли на сцену в виде купцов с головами сахара и кульками» [Юнге: 241]. Ссылаясь на это свидетельство, а также на карикатуру в «Иск-ре», участие И. А. Гончарова в спектакле 14 апреля 1860 г. регистрирует составитель его «Летописи жизни и творчества...» [Алексеев: 107–108]. Но это маловероятно: за две недели до постановки, 29 марта, происходил знаменитый «третейский суд», участники которого не поддержали обвинений И. С. Тургенева в плагиате, инкриминируемом тому И. А. Гончаровым. По завершении суда «Тургенев объявил, что всякие дружественные отношения между ним и г<ном> Гончаровым отныне прекращены»

прошедших со дня постановки «Ревизора», о ней вспомнил ряд мемуаристов, как участников спектакля, так и зрителей (см.: [Вейнберг: 96–109], [Пантелеев, 1902], [Юнге: 240–241]). В 1964 г. в сокращенном виде воспоминания П. И. Вейнберга, одного из организаторов постановки, исполнителя роли Хлестакова, наиболее подробно описавшего это событие, были включены в составленный А. С. Долининым 2-томник «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» [Достоевский в воспоминаниях: 330–336].

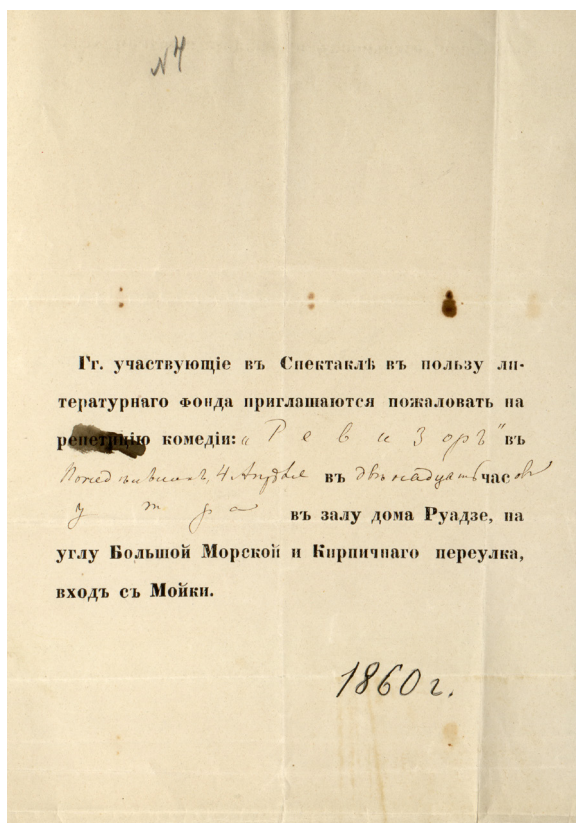

Илл. 1. Карикатура Н. Степанова из журнала «Искра»

Fig. 1. N. Stepanov's cartoon from Iskra magazine

[Никитенко: 115]. Трудно представить, что почти сразу же после этого оба писателя совместно участвуют в репетициях и постановке «Ревизора». Л. Ф. Пантелеев в своих мемуарах первоначально перечисляет исполнителей ролей купцов согласно афише. Но затем пишет: «Кульминационным пунктом спектакля стала сцена купцов <...>, когда появились Тургенев, Григорович, Майков, **Панаев, Некрасов**, Дружинин. Что тут происходило в течение нескольких минут — и рассказать трудно...» [Пантелеев, 1958: 231]. Этот мемуарист не называет Гончарова, но включает в число исполнителей Панаева и Некрасова, не упомянутых в воспоминаниях П. И. Вейнберга. Как знать, не оказала ли влияние карикатура в «Искре» на позднейшие воспоминания Е. Ф. Юнге и Л. Ф. Пантелеева? Этот вопрос требует дальнейшего изучения, в частности и потому, что в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», без необходимой рефлексии сообщается: «Д<остоевский> участвует в спектакле «Ревизор» вместе с А. Ф. Писемским, И. С. Тургеневым, **Н. А. Некрасовым, И. А. Гончаровым**, Д. В. Григоровичем, А. Н. Майковым, А. В. Дружининым, П. И. Вейнбергом» [Летопись: 291].

В 1973 г. в 86-м томе «Литературного наследства» Г. Ф. Коган обнародовала найденную ею в архиве Достоевского «повестку», которой писатель приглашался «на репетицію комедіи: “Ревизоръ” въ Понедѣльникъ, 4 Апрѣля въ двенадцать часовъ утра въ залу дома Руадзе» (цит. по: [Коган: 14]; см. Илл. 2)⁴. Наконец, в 1980 г. Г. В. Степанова опубликовала письмо П. И. Вейнберга от конца марта 1860 г., в котором он, уведомленный А. Ф. Писемским о согласии Достоевского принять участие в постановке «Ревизора», предлагает ему на выбор оставшиеся после распределения роли Шпекина, Добчинского или Хлопова (см.: [Степанова: 242–243]). Как известно, Достоевский выбрал роль почтмейстера Шпекина, которую и исполнил, по оценке Вейнберга, блестяще.

Илл. 2. «Повестка» Достоевскому с приглашением на репетицию «Ревизора»

Fig. 2. The “summons” in Dostoevsky’s name with an invitation to the rehearsal of “The Inspector”

⁴ «Повестка» хранится в Отделе рукописей Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 27. КП 56643/4).

Такова история рассмотрения вопроса⁵.

Ее продолжение необходимо начать с одного важного уточнения. В указанном письме к Достоевскому П. И. Вейнберг пишет:

«Первая репетиция “Ревизора” назначена в четверг, через два дня, о часе и месте я дам знать заранее» (цит. по: [Степанова: 242]).

Публикатором к этому месту сделано примечание: «Репетиция “Ревизора” состоялась не в четверг, а в понедельник — 4 апреля 1860 г. Об этом свидетельствует обнаруженная Г. Ф. Коган <...> повестка...» [Степанова: 243]. С данным замечанием согласились, повторив его, и составители «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (см.: [Летопись: 288]).

Замечание это, однако, основано на недоразумении. Оно может быть принято лишь при условии, что имела место только *одна единственная* репетиция, предшествовавшая спектаклю. Но такое допущение отнюдь не соответствует действительности. Так, например, москвич А. Н. Островский, соглашаясь на предложение играть роль купца Абдулина, писал П. И. Вейнбергу:

«Хорошо, с удовольствием буду играть Абдулина, только репетируйте без меня, я приеду **на две последние репетиции...**»⁶.

О «репетициях» во множественном числе пишет в своих воспоминаниях и П. И. Вейнберг [Вейнберг: 99]⁷, упоминая также и о «генеральной репетиции» [Вейнберг: 104], из чего однозначно следует, что репетиций было не одна и не две, а *несколько*.

П. И. Вейнберг сообщает Достоевскому, что «**первая** репетиция “Ревизора” назначена на четверг, через два дня». Судя по всему, это был четверг 31 марта. Сохранившаяся «повестка» приглашала писателя далеко не на первую (и надо полагать не на последнюю) репетицию 4 апреля. Рассуждения составителей «Летописи...», согласно которым Достоевский, возможно, «уведомил Вейнберга, что он не может приехать в четверг, и репетиция была

⁵ Дополнительно можно указать опубликованную в 1936 г. выписку из протокола заседания Комитета Литфонда от 17 февраля 1860 г., в которой сообщалось, что «члены Общества А. Ф. Писемский и П. И. Вейнберг, предлагая устроить на Фоминой неделе один или два спектакля в пользу Общества, просят Комитет принять в этом деле участие и учинить зависящие от него распоряжения. О п р е д е л е н о: принести искреннюю благодарность гг. Писемскому и Вейнбергу и для содействия им нарядить комиссию из двух членов Комитета: А. В. Дружинина и И. С. Тургенева» (Писемский А. Ф. Письма / подгот. текста М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 659).

⁶ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1979. Т. 11. С. 115.

⁷ По ходу воспоминаний мемуарист рассказывает, что на *одну из* репетиций он пригласил знаменитого комического актера Александринского театра А. Е. Мартынова, на *другую* — не менее знаменитого трагика П. А. Каратыгина (см.: [Вейнберг: 102–104]). Об этом подробнее см. ниже.

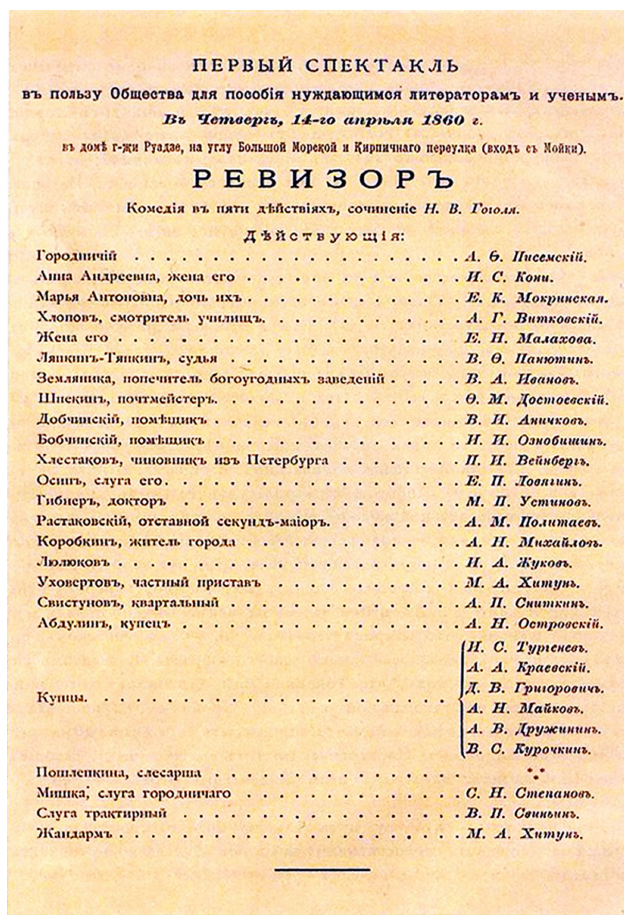
перенесена на понедельник 4 апреля» [Летопись: 288], представляются весьма легковесными.

Почему так важно приведенное уточнение? Потому что *серия репетиций*, проходивших между 31 марта и 13 апреля, в ходе которых Достоевский общался, причем, подчеркну сугубо, в процессе коллективного творчества, более чем с двумя десятками самодеятельных актеров, — важный факт биографии писателя. Общение с Достоевским во время репетиций, а также непосредственно во время спектакля, особенно в эпизодах, в которых действующим лицом являлся почтмейстер Шпекин⁸, заставляет биографов писателя проявить повышенное внимание к участникам петербургской любительской постановки «Ревизора». Однако в специальном двухтомном энциклопедическом словаре С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» из двадцати пяти человек (не считая самого Достоевского), занятых, согласно афише (см. Илл. 3), в благотворительном спектакле, зарегистрированы лишь одиннадцать (см.: [Белов, т. 1: 136–138, 212–214, 283–284, 404, 425–428, 453, 508–511; т. 2: 99–100, 219, 323–328])⁹. Причем четверо из них (Григорович, Тургенев, Краевский, Майков) были в близких отношениях с писателем еще с 1840-х гг., другие четверо (Вейнберг, Писемский, Дружинин, Курочкин) разнообразно общались с ним в 1860–1870-е гг. И лишь трое (супруги Ф. А. и И. С. Кони и поэт-юморист А. П. Сниткин¹⁰) включены в словарь именно как участники постановки «Ревизора» в зале М. Ф. Руадзе. Таким образом, полтора десятка других самодеятельных актеров, проходивших на сцену вместе с Достоевским, оказались не включенными в издание С. В. Белова.

⁸ Судя по афише спектакля (см.: [Вейнберг: 105]), комедия была сокращена для постановки минимально, из действующих лиц в спектакле отсутствовали лишь эпизодические персонажи: жена Коробкина, унтер-офицерская жена да из трех полицейских сохранен только квартальный надзиратель Свистунов. Очевидно, по минимуму были представлены и персонажи-статисты: мещане, просители, гости и гости.

⁹ Об участии в постановке «Ревизора» Д. В. Григоровича, А. А. Краевского, В. С. Курочкина, А. Н. Майкова и И. С. Тургенева составитель энциклопедического словаря не упоминает.

¹⁰ Поэт-юморист А. П. Сниткин, исполнивший в постановке «Ревизора» небольшую роль квартального надзирателя Свистунова, выделяется среди других участников постановки в силу трагических последствий, которые имело для него участие в этом спектакле. Во время представления он простудился, заболел и 30 апреля 1860 г. умер в возрасте 24 лет. Достоевский писал о нем актрисе А. И. Шуберт: «Кстати: не знавали ли Вы одного *Сниткина*: он еще писал комические стихи под именем Аммоса Шишкина. Представьте себе: заболел и умер в какие-нибудь шесть дней. Литературный фонд принял участие в его семействе. Очень жаль» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 10). Л. Ф. Пантелеев в своих мемуарах, по-видимому, спутал с А. П. Сниткиным студента Е. П. Ловягина, исполнявшего роль слуги Хлестакова Осипа, когда писал о последнем: «Судьба Ловягина была печальная: он простудился на этом вечере, схватил горячку, и в несколько дней его не стало» [Пантелеев, 1958: 230]. Впрочем, о ранней смерти Е. П. Ловягина пишет и А. Ф. Кони (см. примеч. 30). Возможно, безвременная кончина двух молодых участников спектакля и послужила причиной путаницы.

Илл. 3. Афиша постановки «Ревизора», приложенная к воспоминаниям П. Вейнберга

Fig. 3. The showbill of the production of “The Inspector”,
attached to the memoirs of P. Weinberg

Судя по всему, составитель энциклопедического словаря в качестве источника использовал сокращенную перепечатку воспоминаний П. И. Вейнберга¹¹, опубликованных в 1895 г. в «Ежегоднике императорских театров», которая была включена в 2-томник воспоминаний о Достоевском 1964 г. Однако в первой публикации текста Вейнберга в качестве иллюстрации была приведена афиша постановки «Ревизора» 14 апреля 1860 г., и благодаря этому мы знаем *всех* участников спектакля (см.: [Вейнберг: 105]).

¹¹ В сокращенном тексте воспоминаний Вейнберга не упомянут Ф. А. Кони, заменивший в роли купца Абдулина не приехавшего из Москвы из-за болезни А. Н. Островского, но его называет в примечаниях комментатор П. С. Рейфман (см.: [Достоевский в воспоминаниях: 432]).

Конечно, С. В. Белов мог иметь определенные основания, чтобы не включать в свой энциклопедический словарь студента петербургского университета Е. Ловягина, исполнителя роли Осипа — слуги Хлестакова. В конце концов почтмейстер Шпекин и Осип не встречаются на сцене ни в одном эпизоде. Но самодеятельные актеры, которые участвовали вместе с Достоевским-Шпекиным в одних и тех же явлениях, причем как непосредственно в спектакле, так и во время репетиций, обязательно должны быть зарегистрированы в словаре как лица из окружения писателя. Иначе имеет место парадоксальная ситуация: в словаре отмечено участие в постановке «Ревизора» актеров-писателей, игравших в эпизодах, в которых отсутствовал Шпекин-Достоевский, а вот те, кто был занят в общих сценах *вместе с писателем*, за исключением Вейнберга, Писемского, Сниткина и И. С. Кони, выпали из поля зрения и С. В. Белова, и других исследователей (см. выше указание на «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского»).

Почтмейстер Шпекин (Достоевский) впервые появлялся в спектакле во втором явлении 1-го действия. Одновременно с ним на сцене находились городничий (А. Ф. Писемский), судья Ляпкин-Тяпкин (В. Ф. Панютин), попечитель богоугодных заведений Земляника (В. А. Иванов), смотритель училищ Хлопов (А. Г. Витковский), доктор Гибнер (М. П. Устинов), частный пристав Уховертов (М. А. Хитун) и квартальный надзиратель Свистунов¹² (А. П. Сниткин). В следующем явлении появлялись Добчинский (В. И. Аничков) и Бобчинский (И. И. Ознобишин) (см.: [Вейнберг: 105]). Кроме Писемского и Сниткина, никто из актеров-любителей, игравших вместе с Достоевским в завязке «Ревизора», еще ни разу не был упомянут биографами писателя.

Большая часть сквозных персонажей «Ревизора» (Ляпкин-Тяпкин, Земляника, Хлопов, Добчинский и Бобчинский) вместе со Шпекиным присутствуют на сцене и в 4-м действии, когда они, один за другим, являются с визитом к Хлестакову с целью подмаслить «ревизора» из Петербурга. Здесь, кроме Вейнберга-Хлестакова, новых актеров в общих сценах с Достоевским-Шпекиным не появлялось.

Но чуть ли не все персонажи комедии (естественно, кроме купцов) собраны вместе в двух последних явлениях 5-го действия, где после появления Шпекина с перехваченным письмом Хлестакова к Тряпичкину, а затем и жандарма, требующего городничего к настоящему ревизору, спектакль заканчивается знаменитой «немой сценой». Из новых лиц, которые ранее не пересекались в действии со Шпекиным, здесь должны быть названы городничиха Анна Андреевна (И. С. Кони), ее дочь Марья Антоновна (Е. К. Мокрицкая),

¹² У Гоголя в этом явлении фигурируют два квартальных, но в афише назван лишь один Свистунов (в газетном анонсе из квартальных фигурировал Держиморда, но не было Свистунова; см.: Северная пчела. 1860. 9 апр. № 79. С. 315).

отставной секунд-майор Растаковский¹³ (А. М. Политаев), почетные жители города Коробкин (А. Н. Михайлов) и Люлюков (И. А. Жуков) и жена смотрителя училищ Хлопова (Е. Н. Малахова). Роль жандарма исполнял М. А. Хитун, в 1-м действии игравший частного пристава Уховертова (см.: [Вейнберг: 105]). Вновь, кроме Писемского — городничего и Кони — Анны Андреевны, рядом с которыми застыл почтмейстер Шпекин, «превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям»¹⁴, все участники финальной сцены «Ревизора» отсутствуют в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение».

Собрать, однако, биографические сведения об актерах-любителях, участвовавших в постановке «Ревизора» вместе с Достоевским, встречавшихся с ним на репетициях, выходивших с ним на сцену в общих эпизодах, весьма непросто. Маститые литераторы, которых как участников спектакля вспоминают все мемуаристы, были приглашены организаторами постановки главным образом на роли купцов, появлявшихся лишь в двух явлениях комедии (Шпекин-Достоевский, повторим, в этих эпизодах не участвовал); исключение — Писемский-городничий и Вейнберг-Хлестаков. Единственной профессиональной актрисой, к тому времени, правда, уже несколько лет оставившей сцену, являлась Ирина Семеновна Кони, исполнявшая, как уже указано, роль городничихи. Все остальные роли, по свидетельству П. И. Вейнберга, были распределены «между лицами из публики» [Вейнберг: 98]. Сведения о них обнаруживаются с большим трудом и в отношении далеко не всех лиц.

Первым, бесспорно, должен быть назван Андрей Генрихович Витковский (1830–1879), исполнитель роли зрителя училищ Хлопова. Выпускник Главного инженерного училища, в чине прапорщика вышедший из нижнего офицерского класса в 1851 г., восемью годами позже Достоевского, он должен был привлечь внимание писателя как человек, учившийся в том же, что и он, учебном заведении. Окончив Академию Генштаба, Витковский с 1857 по 1863 г. преподавал там геодезическую съемку и черчение. Ко времени постановки «Ревизора» он, видимо, имел чин майора или гвардейского штабс-капитана (с 30 августа 1862 г. подполковник¹⁵). Еще с начала 1850-х гг. Витковский начал писать для сцены (в 1852 г. его комедия «Серебряная свадьба» была поставлена в Александринском театре). С 1859 г. его прозаические произведения печатаются на страницах журнала «Русское слово». Позднее, с июня по декабрь 1863 г., он даже являлся официальным редактором этого журнала. В 1868 г. окончил Военно-юридическую академию.

¹³ Так в афише спектакля 14 апреля 1860 г. У Гоголя Иван Лазаревич Растаковский вместе с Коробкиным и Люлюковым — это «отставные чиновники, почетные лица в городе» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. С. 204).

¹⁴ Там же. С. 282.

¹⁵ Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1-е февраля. СПб., 1865. С. 392.

В 1869 г. — полковник Генерального штаба¹⁶. В 1875 г. вышел в отставку в звании генерал-майора. Посмертно, в 1896 г., вышло в свет Полное собрание сочинений А. Г. Витковского в 4-х томах (см.: [Русские писатели: 448]).

А. Г. Витковский был не единственным офицером, участвовавшим в постановке «Ревизора». Следом должен быть назван поручик лейб-гвардии Преображенского полка Всеволод Федорович Панютин (1833–1895), исполнявший роль судьи Ляпкина-Тяпкина. Сын члена Государственного совета генерала Ф. С. Панютина, выпускник Пажеского корпуса (1852), он участвовал в Восточной войне 1853–1856 гг. в составе войск, охранявших южное побережье Балтийского моря от возможной высадки англо-французов; позднее отличился в Польской кампании 1863 г., являясь уездным военным начальником в городе Лида, и в 1877–1878 гг. в Русско-турецкой войне на Балканах, будучи командиром 63-го пехотного Углицкого полка, участвовал во взятии Плевны, в бою под Шейновым. С февраля 1878 г. — командир Кексгольмского гренадерского полка, с 1884 г. — начальник 11-й пехотной дивизии. Дослужился до чина генерал-лейтенанта (1890) (см.: [Шилов, Кузьмин: 614]). Близко знавший В. Ф. Панютина в начале 1860-х гг. Л. Ф. Пантелеев писал о нем:

«...большой любитель театра, устраивавший у себя в роте солдатские спектакли и сам часто игравший на любительских спектаклях», он «был неподражаемо хорош в роли Скалозуба. Панютин и Ляпкина-Тяпкина провел бесподобно» [Пантелеев, 1958: 230].

Третьим офицером, участвовавшим в постановке, был исполнитель роли Петра Ивановича Добчинского Василий Иванович Ани́чков (1838–1881), выпускник школы гвардейских подпрапорщиков, с 1857 г. — поручик лейб-гвардии 1-го Стрелкового батальона, расквартированного в Петербурге (см.: [Карцов: 51, 288]). Во второй половине 1860-х гг. он служил в Боровичах Новгородской губернии мировым посредником и почетным мировым судьей. Окончив в 1869 г. курс Военно-юридической академии, являлся членом Тифлисского и Виленского военно-окружных судов. В 1870 г. получил чин подполковника, в 1873 г. — полковника. Позднее «служил в лейб-гвардии Московском полку, с которым совершил турецкий поход» в 1877–1878 гг. Скончался в 1881 г., исполняя должность командира Пензенского пехотного полка. Он являлся отцом историка литературы Е. В. Ани́чкова, который сообщал в биографических сведениях о себе:

«Отец мой был человек литературно-образованный и в молодости был страстным актером-любителем. У нас сохранилась афиша от одного спектакля, где

¹⁶ См.: Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869 / сост. при Николаевской Инженерной академии М. Максимовским. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869. С. 117 (2-я pag.).

в “Ревизоре” Гоголя Григорович играл городничего, Тургенев почтмейстера, Достоевский Добчинского, а отец мой Бобчинского» [Венгеров: 338–339].

Смешав исполнителей других действующих лиц «Ревизора», Е. В. Аничков вполне определенно свидетельствует, что в роли Бобчинского выступал его отец.

Роль доктора Гибнера, скорее всего, исполнял Михаил Павлович Устинов (?–1882) — журналист и историк, сотрудничавший в конце 1850-х — начале 1860-х гг. в «Искре» (см.: [Масанов: 483]), «Библиотеке для чтения» А. В. Дружинина и А. Ф. Писемского (см.: [Серман: 278]), входивший наряду с П. И. Вейнбергом в редакционный кружок этого журнала¹⁷; позднее, в 1870-е гг., печатавшийся в периодических сборниках С. Н. Шубинского и П. А. Ефремова «Древняя и Новая Россия». В Адрес-календаре Российской империи на 1860–1861 г. зарегистрирован титулярный советник Михаил Павлович Устинов, столоначальник в Аудиториатском департаменте Военного министерства¹⁸. Утверждать, однако, что именно он сотрудничал в «Искре» и «Библиотеке для чтения» можно лишь предположительно.

Серьезные затруднения вызывает установление личности исполнителя роли Петра Ивановича Бобчинского. В афише спектакля он представлен как И. И. Ознобишин. Однако в публикации Т. И. Орнатской «Деятельность Достоевского в “Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым” (1859–1866)» процитирован некий «реестр» из бумаг Литфонда (РО ИРЛИ. Ф. 155. Л. 11), где перечислены участники благотворительных спектаклей 14 и 18 апреля 1860 г., которым от имени председателя Общества Ег. П. Ковалевского были разосланы благодарственные письма; наряду с Достоевским здесь назван «Н. Н. Ознобишин» [Орнатская: 241]. Скорее всего, в последнем случае имеет место описка или неверное прочтение публикатора. В дневнике Е. А. Штакеншнейдер более раннего времени, за 1855–1856 гг., несколько раз упомянут *Илья Иванович* Ознобишин, причем именно как участник любительских благотворительных спектаклей¹⁹. Это наблюдение заставляет предпочесть вариант инициалов исполнителя роли Бобчинского, как они представлены в афише, и искать биографические материалы об И. И. Ознобишине. В этой связи важным оказывается замечание Л. Ф. Пантелеева, который, кратко коснувшись любительского спектакля

¹⁷ Писемский А. Ф. Письма. С. 833, 920.

¹⁸ Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском. На 1860–1861 год: в 2 ч. СПб., 1860. Ч. 1. С. 150–151.

¹⁹ «Ознобишин представлял сцены купца из пьесы “Складчина на ложу”. Потом, после ужина, когда оставалось человек тридцать, не больше, он, неутомимый, плясал, еще матлот, и так хорошо, что даже папа хохотал, а Аля от избытка чувств сказала ему: “Вы, **Илья Иванович**, не только на все руки, но и на все ноги мастер”; «Во вторник был спектакль в пользу бедных, и шла пресловутая “Школа Гостеприимства”. <...> Не говоря уже о “Школе Гостеприимства”, “Жид за печатью”, где Ознобишин был просто отвратителен, не очень-то подходящая для такого спектакля пьеса» [Штакеншнейдер: 98–99, 117 и след.].

в пользу Литфонда по комедии Гоголя «Женитьба», поставленного в том же зале М. Ф. Руадзе 18 апреля 1860 г. (через четыре дня после «Ревизора»), отметил, что он также привлек внимание публики, «хотя в нем **из литераторов** участвовали, кажется, только Писемский — Подколесин, Вейнберг — Кочкарев, **Ознобишин** — Жевакин» [Пантелеев, 1958: 231]. Это свидетельство корреспондирует с указанием комментаторов писем А. Ф. Писемского, которыми исполнитель роли Бобчинского в постановке «Ревизора» представлен как *Илья Иванович Ознобишин, драматург*²⁰. Историк петербургских театров А. И. Вольф на страницах, посвященных сезону Александринского театра 1865/66 г., отмечает: «Нельзя не вспомнить с удовольствием о небольшой комедии “Семейные тайны”, **переведенной с немецкого Ознобишиным**, в которой ветеран Сосницкий с неподражаемым юмором сыграл роль рассеянного Фомы Фомича...» [Вольф: 33]. Имени и отчества Ознобишина А. И. Вольф не указывает. Но в «Истории русского драматического театра» (1980) можно прочесть: «Семейные тайны. Комедия в 3-х действиях **И. И. Ознобишина**. Сюжет заимствован из немецкой комедии “Der herr Vater”» (цит. по: [Хохлова: 22]). Заметим, что «Семейные тайны» представлены здесь не как перевод, но как оригинальное драматическое произведение на основе заимствованного сюжета. Укажем также, что в четырех списках этой комедии, хранящихся в Театральной библиотеке в С.-Петербурге, автором также указан **И. Ознобишин** (см.: [Хохлова: 22]). Что еще можно добавить к сведениям об этом лице? В адрес-календарях и адресных книгах Северной столицы 1860-х гг. зарегистрирован титулярный советник Илья Иванович Ознобишин — смотритель за сборами Александринского театра и, позднее, гардеробмейстер Императорских театров²¹, однако, несмотря на определенную его причастность к миру театра, нельзя утверждать, что именно он являлся автором комедии «Семейные тайны» и исполнителем роли Бобчинского в постановке «Ревизора».

Мало что можно сказать об исполнителе роли отставного секунд-майора Растаковского А. М. Политаеве (в реестре Литфонда он фигурирует как А. М. Полетаев)²². В Словаре псевдонимов И. Ф. Масанова А. М. Полетаев зарегистрирован как сотрудник газеты «Северная пчела», публиковавшийся под криптонимом А. П. (см.: [Масанов: 377]). В частности, в 1860 г. на страницах этой газеты были помещены его публикации «Необходимость нового драматического театра в С.-Петербурге» (20 окт. № 233. С. 961)²³

²⁰ Писемский А. Ф. Письма. С. 660, 902.

²¹ Адрес-календарь. С. 648. Также см.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: в 5-ти отд.; составленная под покровительством Его Превосходительства Господина С.-Петербургского Обер-Полициймейстера Генерал-Лейтенанта Трепова. СПб.: Изд. Гоппе и Корнфельда, 1867–1868. Отдел III. С. 350.

²² См. ниже примеч. 24.

²³ Эта публикация подписана полным именем: А. М. Политаев.

и «Мысль о народном театре» (23 дек. № 286. С. 1207). Вполне вероятно, что роль Растаковского играл именно этот сотрудник «Северной пчелы».

Очевидно, в литературных кругах хорошо была известна Елизавета Константиновна Мокрицкая (или Мокринская), исполнительница роли Марьи Антоновны²⁴. Вскоре после постановки «Ревизора» А. Н. Островский, который не смог участвовать в спектакле из-за болезни, писал И. Ф. Горбунову:

«Любезнейший Иван Федорович, как это Вам не совестно! Ни слуху, ни духу от Вас! **Лизавета Константиновна** мне писала, что Вы мне подробно напишете обо всем случившемся в Петербурге, но до сих пор от Вас нет ничего»²⁵.

К сожалению, указанное письмо Е. К. Мокрицкой²⁶ к драматургу не известно. Но упомянута она как общая знакомая Островского и Горбунова²⁷.

²⁴ В афише она фигурирует как Е. К. Мокринская. Однако в газетном анонсе о постановке «Ревизора» исполнительница роли Марьи Антоновны представлена как Е. К. Мокрицкая (Северная пчела. 1860. 9 апр. № 79. С. 315). Также и в уже упомянутом реестре Литфонда, среди тех самодеятельных актеров, которым от имени председателя Общества Ег. П. Ковалевского были разосланы благодарственные письма, она фигурирует как Е. К. Мокрицкая (см.: [Орнатская: 241]). Кроме того, Е. К. Мокрицкой ее именуют авторы примечаний к письмам А. Н. Островского (см.: Островский А. Н. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 116). В этой связи отмечу, что в воспоминаниях П. И. Вейнберг пишет: «...недели за две до спектакля появилась афиша, которую перепечатаваю здесь с буквальной точностью» [Вейнберг: 104]. Из выделенных слов можно заключить, что афиша не воспроизведена в «Ежегоднике императорских театров» фототипически, но, скорее всего, набрана по рукописи мемуариста. Если это действительно так, то в нее вполне могли вкрасться опечатки.

²⁵ Островский А. Н. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 116.

²⁶ Любопытно, что еще в одних воспоминаниях о другом любительском спектакле, поставленном 26 января того же 1860 г. в зале дома князей Голицыных, — комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», наряду с П. И. Вейнбергом (Репетилов) и В. Ф. Панютиным (Скалозуб), в качестве исполнительниц ролей двух из внушек Тугоуховских названы Е. Н. и В. Н. Мокринские (см.: Крылов В. А. Сестры Самойловы: из театральных воспоминаний. VII–XII // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1898. Т. LXXI. Февраль. С. 537–538). Скорее всего, первая из них была той же актрисой, которая в постановке «Ревизора» играла роль Марьи Антоновны. Но и в данном свидетельстве нужно предположить ошибку памяти мемуариста: второй инициал сестер-любительниц здесь не «К», а «Н».

²⁷ Имя знаменитого актера Александринского театра отсутствует в афише «Ревизора», однако в отклике на постановку 14 апреля 1860 г. обозреватель «Северной пчелы» писал: «...общая похвала преимущественно падала на гг. Писемского и Вейнберга, исполнивших главные роли. Даровитый наш комик г. **Горбунов отличился даже и в женской роли Слесарши**» (Северная пчела. 1860. 16 апр. № 85. С. 337). В афише, воспроизведенной в «Ежегоднике императорских театров», исполнитель роли слесарши Пошлепкиной не указан: вместо его имени поставлены три звездочки. В энциклопедическом словаре С. В. Белова указано, что Достоевский познакомился с И. Ф. Горбуновым 18 апреля 1860 г., когда актер принимал участие во втором спектакле Литфонда — постановках «Женитьбы» и «Провинциалки» (см.: [Белов, т. 1: 203]). Однако это ошибочное свидетельство: в названных постановках И. Ф. Горбунов не участвовал (см.: Северная пчела. 1860. 14 апр. № 83. С. 332, анонс спектаклей). Знакомство произошло несколькими днями ранее, во время репетиций постановки «Ревизора».

Остальных участников постановки 14 апреля 1860 г., которые играли в общих эпизодах со Шпекиным-Достоевским, мы, увы, знаем лишь настолько, насколько они представлены в афише спектакля: И. А. Жуков (горожанин Люлюков), В. А. Иванов (попечитель богоугодных заведений Земляника), Е. Н. Малахова²⁸ (жена смотрителя училищ Хлопова), А. Н. Михайлов (Коробкин), М. А. Хитун (частный пристав Уховертов и Жандарм в финальной сцене). Составление биографических сведений об этих лицах возможно лишь при обнаружении новых источников.

Несколько слов необходимо сказать и об актерах, исполнявших роли персонажей, которые не пересекались в сценическом действии со Шпекиным-Достоевским, но, очевидно, также участвовали одновременно с ним на репетициях и находились вместе с ним за кулисами во время спектакля. Выше уже был упомянут студент Петербургского университета Евлампий Петрович Ловягин²⁹, отличившийся в роли Осипа — слуги Хлестакова. О нем, к сожалению, не удалось найти биографических данных. Сведения, сообщенные Л. Ф. Пантелеевым, о его скоротечной болезни и смерти вскоре после постановки «Ревизора» [Пантелеев, 1958: 230], как уже было отмечено в примеч. 10, скорее всего, являются абберацией памяти: мемуарист, очевидно, спутал Ловягина с А. П. Сниткиным. Но стоит привести высокую оценку его игры, данную в воспоминаниях П. И. Вейнберга: «...смело могу сказать — до гениальности хорош студент здешнего университета, Ловягин, в роли Осипа; из всей массы виденных мною Осипов (а я однажды играл Хлестакова даже с Осипом-Мартыновым) Ловягину под пару мог бы быть разве только Садовский» [Вейнберг: 100]³⁰.

Вслед за Е. П. Ловягиным упомянем еще двоих самодеятельных актеров, исполнявших эпизодические роли. Трактирного слугу во 2-м действии играл шурин А. Ф. Писемского и двоюродный брат А. Н. Майкова³¹ — Вадим Павлович Свиньин (1838–1902), сын известного в первой трети XIX в. литератора П. П. Свиньина — основателя и первого редактора журнала «Отечественные записки» (1818–1830), исторического беллетриста, автора много томного труда «Достопримечательности С.-Петербурга и его окрестностей».

²⁸ 18 апреля 1860 г. в постановке комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» Е. Н. Малахова исполняла роль Арины Пантелеймоновны — тетки Агафьи Тихоновны (см.: Северная пчела. 1860. 14 апр. № 83. С. 332).

²⁹ Писемский А. Ф. Письма. С. 660, 895.

³⁰ Также см. свидетельство А. Ф. Кони, который видел этот спектакль шестнадцатилетним подростком: «До сих пор мне с особенной яркостью вспоминается городничий — Писемский в его разговоре с Осипом, которого с удивительным талантом играл студент Ловягин, чья ранняя смерть лишила русскую сцену будущего несомненного украшения» (Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. С. 180).

³¹ В. П. Свиньин был сыном тетки (сестры отца) А. Н. Майкова — Надежды Аполлоновны Свиньиной (урожд. Майковой; 1803–1857). А. Ф. Писемский был женат на сестре В. П. Свиньина — Екатерине Павловне Свиньиной (1829–1891).

В 1860-е гг. В. П. Свиньин служил в департаменте железных дорог Министерства путей сообщения³².

Роль Мишки, слуги в доме городничего, по-видимому, исполнил Сергей Николаевич Степанов (1845–1910) — 15-летний сын художника-карикатуриста Н. А. Степанова, соредактора (совместно с В. С. Курочкиным) сатирического журнала «Искра», племянник композитора А. С. Даргомыжского³³. По окончании Петербургского университета С. Н. Степанов был библиотекарем Земледельческого и Лесного институтов, одновременно редактировал литературный отдел сатирического журнала «Будильник». Занимался также изобретательством³⁴. В рукописном альбоме С. Н. Степанова, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, содержатся автографы А. Ф. Писемского, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова. Не исключено, что на не однажды упомянутой карикатуре, изображающей купцов в доме городничего, справа, за спиной В. С. Курочкина, карикатурист изобразил своего сына.

В завершение необходимо коснуться еще одного обстоятельства. Как уже было отмечено в примеч. 7, желая получить профессиональные советы, П. И. Вейнберг, фактический режиссер любительского спектакля³⁵, дважды приглашал на репетиции «Ревизора» ведущих актеров Александринского театра — А. Е. Мартынова и П. А. Каратыгина. К сожалению, характер их участия в репетициях мемуарист не описывает. О Каратыгине он вообще отзывается предельно лаконично, отметив лишь его критическое отношение к постановке (игре Писемского и режиссерскому видению самого Вейнберга). О Мартынове мемуарист пишет гораздо более обстоятельно, но сосредоточивается почти исключительно на обсуждениях со знаменитым актером собственного понимания рисунка роли Хлестакова (см.: [Вейнберг: 102–104]). Тем не менее присутствие А. Е. Мартынова и П. А. Каратыгина на репетициях, в которых принимал участие и Достоевский, заставляет поставить вопрос о включении персоналий и этих прославленных актеров в энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». Биографические сведения о них легко доступны в многочисленных источниках (см., например: [Театральная энциклопедия, т. 2: 1136–1137; т. 3: 719–721])³⁶.

³² Писемский А. Ф. Письма. С. 660, 914.

³³ 18 апреля 1860 г. в постановке комедии И. С. Тургенева «Провинциалка» С. Н. Степанов исполнял роль Аполлона, мальчика в доме Ступендьевых (см.: Северная пчела. 1860. 14 апр. № 83. С. 332).

³⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 360 (примеч.).

³⁵ В документах Литфонда также указано, что «организационно-режиссерское участие в спектакле» принимал артист Александринского театра М. А. Стрекалов (см.: Писемский А. Ф. Письма. С. 660).

³⁶ Выражаю сердечную благодарность за товарищескую помощь И. С. Андриановой, указавшей целый ряд важных источников, использованных в работе над этой статьей, а также П. Е. Фокину, предоставившему для публикации электронную копию «повестки» с приглашением Достоевского на репетицию «Ревизора», которая хранится в Отделе рукописей Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля.

Список литературы

1. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л.: АН СССР, 1960. 366, [1] с.; ил.
2. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя. Т. 1: А–М. 572, [1] с.; Т. 2: Н–Я. 540, [1] с.
3. Вейнберг П. И. Литературные спектакли (Из моих воспоминаний) // Ежегодник императорских театров: Сезон 1893/94 г. СПб., 1895. Приложение, кн. 3. С. 96–109.
4. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: историко-литературный сборник: в 6 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897–1904. Т. 6: С алфавитным указателем ко всем VI томам. V, [1], 465 с.
5. Вольф А. И. Хроника петербургских театров: [в 3 ч.]. СПб.: Тип. Р. Голике, 1884. Ч. 3: Годовые обозрения русской и французской драматической сцены, оперы и балета: с конца 1855 года до начала 1881 года. [1], X, 167, XXXVI с.
6. Карцов П. Исторический очерк лейб-гвардии первого стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год. СПб., 1885. 305 с.
7. Коган Г. Ф. Черновой набросок к роману «Униженные и оскорбленные» // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 11–15. (Сер. Литературное наследство; т. 86.)
8. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Бундановой и Г. М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864 / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская. 544 с.
9. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4: Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов; Алфавитный указатель авторов. 559 с.
10. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2: 1858–1865. 652 с.
11. Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1859–1866) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 238–260.
12. Пантелеев Л. Ф. Литературные чтения, спектакли литераторов и публичные лекции // Русские ведомости. 1902. 17 авг. № 226.
13. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958. 848 с.
14. Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. 672 с.; ил.
15. Серман И. З. Карл Маркс о русских исторических песнях разинского цикла // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л.: АН СССР, 1959. Т. 4. С. 277–280.
16. [Степанова Г. В.] Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому / публ. и примеч. Г. В. Степановой // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 239–253.
17. Театральная энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1961–1967.
18. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. 439 с.; 14 л. ил. (Серия литературных мемуаров / под общ. ред. В. В. Григоренко и др.)
19. Хохлова Н. А. Обзор архива Д. П. Ознобишина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 3–28.
20. Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 992 с.
21. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л.: Academia, 1934. 586 с.
22. Юнге Е. Ф. Воспоминания. 1843–1860 гг. [СПб.]: Сфинкс, [1914]. [4], XVI, 5–490 с.; 21 л. илл.

References

1. Alekseev A. D. *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova* [*The Chronicle of Life and Works of I. A. Goncharov*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 366 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' «F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie»: v 2 tomakh* [*Encyclopedic Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Ambience": in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aletyya Publ., vol. 1. 572 p.; vol. 2. 540 p. (In Russ.)
3. Veynberg P. I. Literary Spectacles (From my Memories). In: *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov: sezon 1893/94 gg.* [*Yearbook of the Imperial Theaters: Season 1893/94*]. St. Petersburg, 1895, Appendix, book 3, pp. 96–109. (In Russ.)
4. Vengerov S. A. *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh: istoriko-literaturnyy sbornik: v 6 tomakh* [*Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists: Historical and Literary Collection: in 6 Vols*]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1897–1904, vol. 6. 465 p. (In Russ.)
5. Vol' A. I. *Khronika peterburgskikh teatrov: v 3 chastyakh* [*Chronicle of St. Petersburg Theatres: in 3 Parts*]. St. Petersburg, Tipografiya R. Golike Publ., 1884, part 3. 167 p. (In Russ.)
6. Kartsov P. *Istoricheskiy ocherk leyb-gvardii pervogo strelkovogo Ego Imperatorskogo Velichestva batal'ona s 1856 po 1885 god* [*The Historical Sketch of the Life Guards of the First Rifle His Imperial Majesty the Battalion from 1856 to 1885*]. St. Petersburg, 1885. 305 p. (In Russ.)
7. Kogan G. F. Rough Sketch for the Novel "The Humiliated and Insulted". In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 11–15. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86.) (In Russ.)
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
9. Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: v 4 tomakh* [*The Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 Vols*]. Moscow, All-Union Book Chamber Publ., 1960, vol. 4. 559 p. (In Russ.)
10. Nikitenko A. V. *Dnevnik: v 3 tomakh* [*Diary: in 3 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1955, vol. 2: 1858–1865. 652 p. (In Russ.)
11. Ornatskaya T. I. The Activity of Dostoevsky in the "Society for Aid to the Needy Literators and Scientists" (1859–1866). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 238–260. (In Russ.)
12. Panteleev L. F. Literary Readings, Performances of Writers and Public Lectures. In: *Russkie Vedomosti*, 1902. 17 August, no. 226. (In Russ.)
13. Panteleev L. F. *Vospominaniya* [*Memories*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 848 p. (In Russ.)
14. *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989, vol. 1. 672 p. (In Russ.)
15. Serman I. Z. Karl Marx on Russian Historical Songs of the Razin Cycle. In: *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [*Russian Folklore: Materials and Researches*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, vol. 4, pp. 277–280. (In Russ.)
16. Stepanova G. V. P. I. Veinberg's Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 4, pp. 239–253. (In Russ.)
17. *Teatral'naya entsiklopediya: v 5 tomakh* [*Theatrical Encyclopedia: in 5 Vols*]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1961–1967. (In Russ.)

18. F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky in *Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964, vol. 1. 439 p. (Series of Literary Memoirs). (In Russ.)
19. Khokhlova N. A. Overview of D. P. Oznobishin's Archive. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [Year Book of the Manuscript Department of Pushkin House for 1991]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994, pp. 3–28. (In Russ.)
20. Shilov D. N., Kuz'min Yu. A. *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy imperii. 1801–1906: biobibliograficheskiy spravochnik* [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1906: bio-bibliographic Handbook]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. 992 p. (In Russ.)
21. Stakensneider E. A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [Diary and Notes (1854–1886)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934. 586 p. (In Russ.)
22. Yunge E. F. *Vospominaniya. 1843–1860 gg.* [Memories. 1843–1860]. St. Petersburg, Sfinks Publ., 1914. 490 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихомиров Борис Николаевич, доктор **Boris N. Tikhomirov**, PhD (Philology), the филологических наук, президент Россий- President of the Russian Dostoevsky Society, ского общества Достоевского, заместитель Deputy Director of Academic Affairs, The директора по научной работе, Литературно- F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum мемориальный музей Ф. М. Достоевского in St. Petersburg (per. Kuznechnyy 5/2, Saint в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, Petersburg, 191002, Russian Federation); ORCID: г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru. 191002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.01.2022

Принята к публикации / Accepted 01.02.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

Е. Н. Коншина в работе над изданием записных тетрадей Достоевского

Р. Б. Ахметшин

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: ahmad-jin@mail.ru

Аннотация. Одним из самых заметных литературоведов-текстологов XX в. является Елизавета Николаевна Коншина (1890–1972), которая занималась изучением и публикацией записных тетрадей и книжек А. П. Чехова, а затем Ф. М. Достоевского. Издание «Записные тетради Ф. М. Достоевского» вышло в 1935 г. под ее редакцией. В статье приведены основные факты профессионального пути Е. Н. Коншиной, проанализирована та часть ее значительного архива, которая связана с подготовкой издания записных тетрадей Достоевского, отмечены уникальные особенности текстологической работы исследовательницы. В 1920–1930-е гг. Е. Н. Коншина применяла собственную методику изучения автографа, стараясь понять работу творческой мысли писателя. Ее приемы сводятся к воспроизведению рукописей и одновременной реконструкции процесса редактирования текста, которое предпринимал Достоевский. Помимо глубоких интерпретаций произведений Пушкина, Чехова, Брюсова, Ибсена, немногие из которых увидели свет в опубликованных статьях Коншиной, ее текстологический опыт представляет современным исследователям уникальные возможности для понимания творчества Достоевского и Чехова.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, записные книжки писателей, Е. Н. Коншина, Российская государственная библиотека, биография, ритм прозы, воображение писателя, текстология, архив

Благодарность. Публикуя настоящую статью, автор выражает благодарность заботливой и всегда своевременной помощи сотрудников ОР РГБ.

Для цитирования: Ахметшин Р. Б. Е. Н. Коншина в работе над изданием записных тетрадей Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 1. С. 80–98. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6001

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6001

E. N. Konshina and Her Work on the Publication of Dostoevsky's Notebooks

Ruslan B. Akhmetshin

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: ahmad-jin@mail.ru

Abstract. One of the most notable literary textual critics of the 20th century is Elizaveta Nikolaevna Konshina (1890–1972), who studied and published A. P. Chekhov's, and subsequently F. M. Dostoevsky's notebooks and books. "Notebooks of F. M. Dostoevsky" were published in 1935 under her editorship. The article presents the main facts of the professional path of E. N. Konshina, analyzes the part of her considerable archive that is associated with the preparation of Dostoevsky's notebooks for publication, and notes the unique features of the researcher's textual work. In the 1920s and 30s, E. N. Konshina used her own method of studying autographs in an attempt to understand the workings of the writer's creative thought. Her techniques include reproducing manuscripts and simultaneously reconstructing Dostoevsky's text editing process. In addition to deep interpretations of the works of Pushkin, Chekhov, Bryusov, and Ibsen, few of which were published in Konshina's articles, her textual experience provides modern researchers with unique opportunities to understand the work of Dostoevsky and Chekhov.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, writers' notebooks, E. N. Konshina, Russian State Library, biography, prose rhythm, writer's imagination, textual criticism, archive

Acknowledgements. By publishing this article, the author expresses gratitude for the caring and always timely assistance to the staff of the Handwriting Department of Russian State Library.

For citation: Akhmetshin R. B. E. N. Konshina and Her Work on the Publication of Dostoevsky's Notebooks. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 80–98. DOI: 10.15393/j10.art. 2022.6001 (In Russ.)

Записные книжки и тетради литераторов давно стали предметом изучения и по-прежнему привлекают внимание исследователей. Природа интереса к ним меняется по мере введения в научный обиход новых документов, расширяющих контекст осмысления творчества. Это всегда источник новых филологических вопросов, сфера, в которой могут происходить любопытные открытия.

Исследование записных книжек и тетрадей Достоевского в последние десятилетия активно развивается¹. Одним из первых текстологов, в начале XX в. обратившихся к расшифровке, изучению и публикации записных

¹ См. об этом, напр.: [Захаров, 2009, 2018], [Заваркина, Панюкова, Тарасова, 2017, 2019], [Заваркина, 2018, 2019а, 2019б, 2019с], [Тарасова, 2011, 2016], [Тарасова, Панюкова].

тетрадей автора «Братьев Карамазовых», была Елизавета Николаевна Коншина (1890–1972²).

Незаметно в 2020 г. миновали мы 130-летний рубеж со дня рождения этой неординарной женщины — замечательного русского литературоведа, архивиста, текстолога, одного из значимых сотрудников Румянцевского музея и Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ), специалиста по творчеству А. П. Чехова, исследователя и публикатора записных книжек Ф. М. Достоевского и материалов других русских писателей. В нынешнем году предстоит отметить 50-летнюю годовщину со дня ее смерти...

Научная биография Е. Н. Коншиной в перспективе требует самостоятельного исследования. Отметим в нескольких штрихах основные, известные нам вехи ее профессионального пути. Елизавета Николаевна начала его в царской, дореволюционной России и продолжила уже в СССР. Она окончила с золотой медалью Елизаветинскую женскую гимназию в Москве, где была ученицей философа, психолога и переводчика Г. Г. Шпета (см. об этом: [Якович]). Следующим этапом ее образования стал историко-филологический факультет Московских Высших женских курсов профессора В. И. Герье, где она работала над интересной медико-литературоведческой проблемой. Это ее кандидатское сочинение «Итоги психопатологических изучений в новой русской литературе (кн. В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, В. М. Гаршин, А. П. Чехов) (Очерки)»³. Историко-филологический факультет Е. Н. Коншина окончила в 1917 г. В 1920 г. Коншина начала свою деятельность в так называемых «Литературных комнатах» — отделах при Библиотеке Румянцевского музея, в дальнейшем превратившихся в самостоятельные литературные музеи (А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена и др.). В середине 1920-х гг. «Литературные комнаты» были расформированы, их фонды перешли в фонды ГБЛ и Отдела рукописей⁴. Коншина стала руководить «всем разбором и описанием фондов, развернувшимися в отделе в середине 30-х годов <...>. Сложившиеся за первые послереволюционные годы штабеля национализированных архивов и собраний рукописных книг были вчерне разобраны и начато их полноценное описание. Очередность его определялась ценностью фондов» [Житомирская: 184–185]. По ее инициативе издавались «Записки Отдела рукописей», была начата серия научных описаний фондов русских писателей-классиков, готовился к печати указатель архивных фондов отдела. В связи с начавшейся войной большинство из этих проектов удалось завершить только в начале и середине 1950-х гг. Так, в 1948 г. читатели получили

² Отметим, что в ряде научных изданий неверно указан год смерти Е. Н. Коншиной как 1971 или 1973 г.

³ ОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 15.

⁴ См. об этом: Комната людей 40-х годов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/komnata-ludey-40-godov> (12.12.2021).

краткий указатель архивных фондов отдела рукописей, а в 1951 г. — указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX вв., выпущенные в свет под редакцией П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной⁵. Для коллег-архивистов исследовательница выпустила в 1955 г. «Сборник инструкций Отдела рукописей», где описала правила учета и обработки рукописных фондов⁶. По признанию работавшей под ее руководством С. В. Житомирской, ставшей в 1952 г. заведующей Отдела рукописей, «роль Е. Н. Коншиной в воспитании нашего исторического сознания, понимания нами особого высокого призвания архивиста велика»: «она сама была целиком погружена в свое дело, увлечена им вся без остатка и увлекала нас» [Житомирская: 187].

Илл. 1. Е. Н. Коншина. 1918 г.

Fig. 1. E. N. Konshina. 1918

Илл. 2. Е. Н. Коншина.

Вторая половина 1960-х гг.

Fig. 2. E. N. Konshina.

The second half of the 1960s

Елизавета Николаевна не только была уникальным архивистом, но и вела активную научную деятельность, которая заслуживает особого внимания. Она проводила исследования творчества Пушкина, анализировала трагедию «Борис Годунов», занималась Генриком Ибсеном, Белинским и Иваном Панаевым, Валерием Брюсовым, расшифровывала записные тетради Достоевского, но главным ее героем был Чехов. С исследования наследия этого писателя Коншина начала свою литературоведческую деятельность, в дальнейшем стала изучать рукописи Чехова, а также документы его близких и не прекращала этой деятельности до конца своей жизни.

Фонд документов Коншиной хранится в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (бывшей ГБЛ). Помимо личной и деловой переписки, студенческих работ (материал для изучения студенческого быта

⁵ Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей / сост. Е. Н. Коншина и Н. К. Швабе; под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М.: ГБЛ, 1948. 253 с.; Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX вв.: (Из фондов Отдела рукописей) / сост. С. В. Житомирская и др.; под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М.: ГБЛ, 1951. 224 с.

⁶ Сборник инструкций Отдела рукописей. Учет и обработка рукописных фондов / под ред. Е. Н. Коншиной. М.: Тип. Б-ки, 1955. 244 с.

начала XX в. на 1 500 листах), фотодокументов, он содержит материалы ее работы с рукописями великих русских деятелей культуры. Это внушительная по объему (почти 700 л.) работа над трагедией «Борис Годунов»⁷, разработка архивов Булгаковых⁸, Елагиных и Киреевских, наследия В. Я. Брюсова, С. Д. Полторацкого, И. С. Тургенева (по материалам Печеринского архива), осмысление системы указателей к материалам Отдела рукописей. Из многочисленных документов ее фонда отмечу еще блок черновиков, набросков, статей и рецензий по теории литературы, о композиции драмы, творчестве Г. Ибсена... Всю жизнь Елизавета Николаевна посвятила исследованию и публикации писем Чехова и его окружения (в особенности М. П. Чеховой и О. Л. Книппер-Чеховой). В центре ее внимания была и переписка Шиллера и Гёте (Ф. 619. К. 24. Ед. хр. 16). Обширный характер приобрела работа Коншиной над обдумыванием образцовой структуры Полного собрания сочинений и писем Чехова (см., напр.: Ф. 619. К. 24. Ед. хр. 1 — две рецензии И. Р. Эйгеса на XII и XV тома 20-томного собрания Чехова общим объемом почти 40 листов с подробными ответными замечаниями Е. Н. Коншиной и мн. др.).

1920–1930-е гг. были отмечены острым интересом к наследию Достоевского и началом текстологического освоения рукописей писателя (см. об этом: [Долинин], [Коншина, 1935], [Комарович], [Заваркина, Панюкова, Тарасова, 2017: 3–4]). Однако вопросы Коншиной как архивиста и текстолога, с которыми она в эти годы обратилась к записным тетрадям Достоевского, возникли первоначально в процессе исследования чеховских записных книжек. В биографии Коншиной можно отметить зарождение интереса к личным материалам Чехова еще в середине 1910-х гг. — во время работы над студенческим рефератом, посвященным его биографии. Отношение Елизаветы Николаевны к письмам и рукописям Чехова интересно тем, что оно высказывается в реферате, написанном в 1914-м г. (!), в тот момент, когда еще не завершилась публикация 6-томника писем, готовившегося Марией Павловной Чеховой, и до публикации других ярких чеховедческих изданий.

Работа Коншиной над рукописями Достоевского не велась так долго, как над автографами Чехова, но она представляет собой — при всей разнице в материале — следующий этап осмысления ею записных книжек и тетрадей творческих людей. Итогом изучения Елизаветой Николаевной записных тетрадей Достоевского стала их публикация в 1935 г. (см.: [Коншина, 1935]). При подготовке этого издания текстолог вела записи (переписывая рукописи Достоевского и делая к ним свои пометы), которые и составили объем

⁷ Работа над трагедией Пушкина могла бы завершиться изданием книги (см.: Коншина Е. Н. Вступительные замечания, проспект и план монографического исследования о «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // ОР РГБ. Ф. 619. К. 3. Ед. хр. 21. 18 л.).

⁸ Известной в первой половине XIX в. семье, глава которой, Яков Иванович, был крупным дипломатом, действительным статским советником.

дела из фонда Е. Н. Коншиной (ф. 619) в ОР РГБ «**Материалы к работам над архивом Достоевского в Отделе рукописей ГБЛ** (подготовка к печати текстов романа “Бесы”, основные даты жизни и творчества писателя, организация выставки в 1956 г. и др.)»⁹. Это дело содержит 42 листа: не так много, как в случае с записными книжками Чехова, но и не мало. Записи Коншиной, сделанные при подготовке к изданию записных тетрадей Достоевского по романам «Бесы» и «Подросток», представлены здесь крайне скупно. Большая часть записей связана с ее работой над рукописями к «Братьям Карамазовым». Здесь же хранится текст, посвященный выставке, состоявшейся, скорее всего, в 1956 г.¹⁰ Это все сохранившиеся на сегодняшний день подготовительные материалы к книге 1935 г. «Записные тетради Ф. М. Достоевского». Правда, материалы как таковые черновыми называть не поворачивается язык, потому что Елизавета Николаевна писала ясно, точно, не просто аккуратнейше, но еще и красиво. Редкое сочетание красоты почерка и глубинной ясности мысли!

Используя простой, синий, красный карандаши и чернила как условные обозначения, Елизавета Николаевна восстанавливала переписанную ею рукопись во всех подробностях, реконструируя все ярусы правки и слои редактуры в работе писателя, добиваясь тем самым создания исчерпывающего образа «археологии» текста, если под таковой понимать процесс его порождения от наброска до окончательной версии. Конечно, в такой ситуации время оказывается несколько нивелированным, поскольку визуально актуализируются сразу все этапы редактирования, но при сверке с оригиналом оно возвращает себе свою сущность, а три цвета позволяют наметить своего рода мотивную структуру черновика писателя и его работы (природу и динамику внутренней редактуры).

В деле с материалами работы Елизаветы Николаевны над рукописями Достоевского также представлена краткая биография писателя. В ней дается периодизация его творческого пути (любопытен пропуск повести «Записки из подполья» и романа «Игрок», замененных словами: «1860–1865 — Участие в журналах М. М. Достоевского: “Время” и “Эпоха”»). Это знание биографии Достоевского дало возможность Коншиной в предисловии «От редактора» к изданию «Записные тетради Ф. М. Достоевского» раскрыть для читателя через характер самого писателя особенности его творческой манеры и черновиков: «...записные тетради Достоевского имеют вид необыкновенно живой, точно пропитанный духом своего автора <...>. Впечатление

⁹ Коншина Е. Н. Материалы к работам над архивом Достоевского в Отделе рукописей ГБЛ (подготовка к печати текстов романа «Бесы», основные даты жизни и творчества писателя, организация выставки в 1956 г. и др.) — 1930–1940-е гг., 1956. 42 лл. // ОР РГБ. Ф. 619 (Архив Е. Н. Коншиной). К. 9. Ед. хр. 4.

¹⁰ В 1956 г. в Ленинграде, на стене дома в Кузнечном пер., д. 5, где жили Достоевские, была установлена мемориальная доска. Была выпущена марка в монохrome и проведена выставка в музее-квартире Ф. М. Достоевского в Москве.

живой трепетности усиливается еще одной специфической манерой Достоевского — его лирическими диалогами...» [Коншина, 1935: 17]. Для сравнения отметим, что в книге о записных книжках Чехова таких мощных по своей перспективе выводов нет — словно исследовательница себе этого еще не позволяла. При этом очевидно, что у Коншиной в течение долгого времени складывался портрет Чехова-творца, черты которого она тогда, почти 10 лет назад, не спешила еще опубликовать [Коншина, 1927].

Обратимся к замечаниям Е. Н. Коншиной, сохранившимся в ее черновиках, но не вошедших во вступительную статью и примечания книги «Записные тетради Ф. М. Достоевского» и не публиковавшихся в других изданиях. Эти записи текстолога представляют особую ценность, потому что в них Елизавета Николаевна много размышляла об особенностях почерка писателя, о его творческом процессе, видах редактирования, разных редакциях записей. Любопытен следующий отрывок:

«Большие зачеркнутые отрывки<, > сильно исправленные, повторяются непосредственно за ними как новая редакция.

Издать текст или рукопись — проблема.

Несомненно несколько редакций, но издавать их — значит создавать их искусственно. Если соблазненный первой редакцией исследователь захочет прочесть ее, в то время как другой интересуется последней — рукоп<исный> отдел будет в невозможности¹¹ — это одна¹² рукопись. Да и нет смысла. Расхождения текстологические. Немногие варианты деталей фабулы. Сюжет в его основах выработан в записных тетрадях. Вторая редакция одного отрывка переходит в первую редакцию последующего. Вивисекция»¹³.

От строго технических наблюдений над «условными знаками» (графической иконикой, в т. ч. стрелками и линиями, словами, пометами, перестановкой слов с обозначением их цифрами, выбором падежей¹⁴) и их классификации она идет к подробному истолкованию природы писательского творчества:

«Основное расхождение процесса работы Достоевского и названных писателей в том, что произведениям Достоевского некогда отлеживаться. Он пишет и правит сейчас же, правит часто не закончив фразы. Редко можно

¹¹ Видимо, сделать это, предоставить адекватный запросу материал. — Р. А.

¹² Здесь и далее все выделения в цитируемом тексте сделаны Е. Н. Коншиной. — Р. А.

¹³ Коншина Е. Н. Материалы к работам над архивом Достоевского... // ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 15. См. о подходах к публикации рукописного текста Достоевского в настоящее время: [Тарасова, 2016: 15–16].

¹⁴ Ibidem // ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 15. Более полная классификация элементов в черновых записях Достоевского предпринята в статьях: [Заваркина, Панюкова, Тарасова, 2017, 2019].

видеть в его рукописи иные чернила, иной почерк, чем написанный основной текст.

Он начинает правку не дописав эпизода или страницы. Характер правки рукописи таков, что невозможно выделить “первую” редакцию, вторую и т. п. <...>¹⁵.

«В сущности можно говорить о том, что для каждого места рукописи налицо различные редакции, так как почти каждое предложение, каждый абзац и во всяком случае каждый сюжетный момент имеется в несколько <Так в рукописи. — Р. А.> текстуальных вариантах.

Но характер работы Достоевского не позволяет отделить (за редким исключением) эти варианты в самостоятельные по терминологии архивохранилища “единицы хранения”, так как все переделки Достоевский вносит в процессе писания <В нижнем и верхнем ярусах вписано “создания” и “творчества”. — Р. А.>, тщательно работая над стилистической и композиционной отделкой романа.

Последнее замечание звучит почти парадоксально по отношению к общепринятому взгляду на процесс творчества Достоевского. Обычно считается, что Достоевский не работает над стилем, что ему некогда тщательно отделять свои произведения, как Толстой или Тургенев.

Публикуемые отрывки решительно опровергают это утверждение. Мы видим здесь как часто Достоевский мучительно ищет выражения, подбирая синонимы и подчас возвращается к первоначальному слову, как он переставляет последовательность слов, фраз<,> отдельных деталей фабулы. В этом отношении очень показателен текст III главки главы 2ой (конец отрывка 4го и отрывок 7ой)»¹⁶.

Итогом текстологической работы Елизаветы Николаевны стало не просто издание черновиков в почти 500-страничной книге, но комментарий к этому богатейшему и сложнейшему материалу и его интерпретация. Вопросы о характере работы писателя, поставленные исследовательницей очень широко, многоаспектно, с вниманием к проблеме сюжета, ведут нас к представлению о писателе, которое складывается вне традиционных путей — как бы вне биографического канона. Это другой пласт исканий Коншиной, который создает иную перспективу.

Позволю себе одно пояснение: оно связано со случайно обнаруженным документом из архива В. И. Невского. Во вступительной статье, исключенной из состава книги перед опубликованием, известный революционный деятель, видный историк Владимир Иванович Невский (псевдоним Феодосия Ивановича Кривобокова (1876–1937), арестован в начале 1935 г.) писал о том, что материалы записных тетрадей ведут к пониманию романа «Бесы» и личности писателя:

¹⁵ Ibidem // ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 14.

¹⁶ Ibidem // ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 12–13.

«...ключ к пониманию тайны самого творчества Достоевского и, что самое главное для нас, мировоззрения художника, не говоря уже о том, что это специальный источник для изучения истории создания значительнейшего из романов, где прямо в неприкрытой форме затронуты важнейшие проблемы русского революционного и общественного движения»¹⁷.

Это очевидное стремление объяснить историю текста, присущее, конечно, всем исследователям рукописей, которые посвятили свои труды и дни вершинам творческой биографии разных художников, мы обнаруживаем и в размышлениях Е. Н. Коншиной: «Перечисление материала, входящего в состав публикуемых нами тетрадей, показывает, что они являются <...> отражением истории создания романа “Бесы”» [Коншина, 1935: 17].

В предисловии к изданию чеховских записных книжек Л. П. Гроссман декларировал их ценность, имеющую «крупный самостоятельный интерес художественного или философского порядка» [Коншина, 1927: 5]. Этот философский порядок записных книжек и тетрадей писателей, мне кажется, всегда видела Е. Н. Коншина. И в процессе обработки рукописей Достоевского ее научное любопытство развернулось в полной мере.

Если взять, например, рукописи Коншиной, посвященные черновикам «Братьев Карамазовых», то в них открывается метод работы увлеченного, глубоко эрудированного специалиста, способного на эксперимент, что немаловажно при таком исследовании. Так, ее всегда интересовала возможность реконструкции творческой работы писателя, который мог вносить записи на один лист в разное время и/или сразу к разным произведениям. И поэтому слой помет, вносимых Елизаветой Николаевной, как правило, простым карандашом в ее реконструкцию рукописи, посвящен соотнесению наброска с окончательным текстом: это номера страниц текста романа и его глав, а также названий этих глав, это резюмирующие отсылки к тем или иным эпизодам романа. Так, например, к слову «(Чтение)» приписано простым карандашом: «отца Паисия при гробе Зосимы»¹⁸, а к записи: «Но не моя речь составила таким образом событие, а то, что Славянофилы приняли вполне их главный вывод о законности наших стремл<ений> в Европе» — привязан вопрос: «Не к речи ли? О Пушкин<е>? Дневн<ик> писателя»¹⁹. К монологу:

«Вы были у адвоката,
Что такое афekt?
Новое это слово, или старое

¹⁷ Невский В. И. Предисловие к книге «Записные тетради Ф. М. Достоевского». М.: «Academia», 1935 [1934]. Черновой автограф // ОР РГБ. Ф. 384 (Архив В. И. Невского). К. 4. Ед. хр. 16. Л. 1.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 3.

¹⁹ Ibidem. Л. 6.

Я в восторге, таким образом
вашего брата оправдают. —» приписано «*Большая ножка*»²⁰.

Или: сравним эпизод, расшифрованный и опубликованный в разделе «Рукописные редакции» академического Полного собрания сочинений²¹:

«— Одни уходят в каторгу, другие женятся И все это быстро, быстро, быстро, и всё меняется, и ничего не вменяется. А тут вдруг старость, и все старики и смотрят в гроб. И все прощают друг другу. В этом жизнь. Это очень хорошо, Алексей Федорович (вздыхнула)»²², —

с рукописью Е. Н. Коншиной, где корректурным знаком маркировалось, хотя и не совсем точно, начало строки Достоевского:

*«— Одни уходят в каторгу
другие женятся И все
это быстро, быстро, быстро и все <в>меняется и ничего не вменяется.
А тут вдруг старость, и все старики и
смотрят в гроб.
И все прощают друг
другу. В этом
жизнь. Это очень
хорошо, Алексей Ф-чь (вздыхнула) —»*²³.

Как видим, во втором предложении Коншина восстанавливает префикс «в-», в черновике вычеркнутый Достоевским. О корректности такого решения необходимо задуматься, но не признать, что смысл трансформируется таким образом чрезвычайно и так же сильно углубляется коллизия вины и греха, невозможно. Елизавета Николаевна, по всей видимости, полагала отстаивать эту деталь в глазах редколлегии, поскольку в беловом варианте ее рукописи мы видим тот же эпизод с сохранением данной реконструкции префикса²⁴.

Публикации в ДЗ0 и ЛН-86 построчную разбивку и композицию столбца нарушают (см.: [Тарасова, 2016: 11, 14]). Достоевский почти всегда свою синтагму (строку) завершает знаком тире, в некоторых случаях превращающимся в довольно длинный прочерк; в рукописях Елизаветы Николаевны этот знак учтен, но и он был отвергнут редакцией.

²⁰ Ibidem. Л. 7.

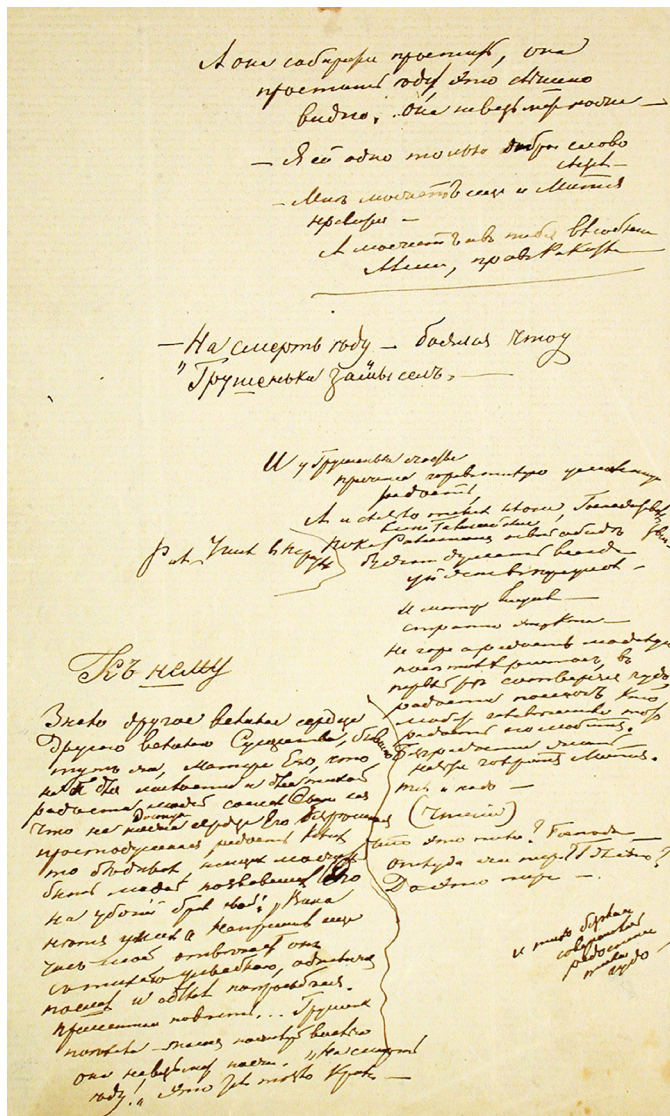
²¹ Фотокопия черновика опубликована: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 99. (Литературное наследство; т. 86.) Далее ЛН-86.

²² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 327–328. Далее ДЗ0.

²³ Коншина Е. Н. Материалы к работам над архивом Достоевского... // ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 8.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 21.

Не ушла от внимания Коншиной и такая деталь на анализируемой странице черновика («А она собирается простить ~ и тихо безгласно совершилось радостное первое чудо»²⁵), как каллиграфически выведенное словосочетание «Къ нему», не имеющее, как мне кажется, отношения к романным записям

Илл. 3. Наброски Ф. М. Достоевского к роману «Братья Карамазовы». ОР РГБ. Ф. 93.1.2.1/22. Л. 1

Fig. 3. F. M. Dostoevsky's sketches for the novel "The Brothers Karamazov"

²⁵ ОР РГБ. Ф. 93.1.2.1/22. Л. 1.

и наброскам, которое Коншина идентифицировала как «пробу пера» (Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 4). Любопытно здесь подчеркивание первого слога в местоимении, словно писателя интересовало, как быстро реагирует перо (в таких случаях, как водится, довольно тугое, неотзывчивое) на горизонтальный прочерк — знак чрезвычайно востребованный для писателя. То же относится к знакам препинания, регламентированным новой орфографической конституцией, которые Коншина, конечно, не добавляла к своей расшифровке (см.: [Михайлов: 178–179]).

Для Коншиной каноническая версия романа представляла огромный интерес. Знаки и пометы, нанесенные ею чуть позже на расшифровку простым карандашом, позволяют считать, что она стремилась соотносить черновик с белой редакцией текста. Так, к словам «Кана Галилейская» она дает помету «глава 4 кн. VII», а к слову в скобках «(Чтение)» она приписывает карандашом «отца Паисия при гробе Зосимы 427» (Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 3). Но при всем этом черновик интересовал ее и сам по себе как таковой — вне телеологии творческого процесса писателя. И в этом уже представляется огромная ценность работы Коншиной, которая таким образом не преграждала путь другим исследователям и не ставила точку в истолковании эксперимента Достоевского.

Разработка бумаг Достоевского в черновых рукописях Коншиной как раз осуществлялась в духе новейшей текстологической стратегии: *Д30* нарушает разбивку на строки (т. е. синтаксис черновика Достоевского), снимает яркие знаки препинания (а также эмоциональные прочерки-тире в конце строк), навязывая рукописному тексту современную синтаксическую регламентацию, и пр.

Отметим, что Достоевский писал под разными углами, словно не рискуя тратить время на поворот листа, чтобы не упустить возникающее впечатление. Записи в столбик у Достоевского представляют собой нечто увлекательнейшее. Одни из них — прозаически естественные, но иные порой словно отдаются пафосу создателя и обретают полу- или почти стихотворный облик.

Так, разберем еще одну запись из рукописи Достоевского:

*«и тихо безгласн<о>
совершилось
радостное
первое
чудо —»²⁶,*

публикуемую в изданиях со значительной разницей. Так, в *Д30* дается вариант: «И тихо, без глас<у> совершилось радостное такое чудо» (*Д30*; т. 15: 267)

²⁶ См.: ОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1. В обозначении эпизода используется версия расшифровки, зафиксированная на обложке картона.

с неизвестно откуда взявшейся запятой после «тихо». ЛН-86 воспроизводит рукопись более точно: «И тихо, безгласно совершилось радостное <?> чудо —» (ЛН-86, 97), — но оставляет вопросы и при нашей апелляции к оригиналу усиливает сомнения.

У Коншиной же вся фраза полностью сохраняла как первоначальный облик, орфографию (запись дана со строчной буквы, запятой нет, а местоимение «такое» зачеркнуто), так и особый ритмический рисунок:

*«сбоку <помета сверху в левом углу на полях. — Р. А.> и тихо безгласно
совершилось
радостное
первое
чудо —».*

Именно «безгласно», что представляется как более точный вариант.

Однако в прочтение этого отрывка можно внести существенное дополнение. Восстановим интересующие нас строки:

*«и тихо безгласн<о>
совершилось
радостное
тихое
чудо —»²⁷.*

Не только мелодичная соразмерность, но и ритм записи в черновике является, вероятно, следствием переживания ее содержания. По этой причине мною предложен вариант «тихое», а не «первое» чудо. Буква «р» не просматривается в оригинале²⁸.

Тем не менее реконструкция Коншиной указывает, что Достоевский во время создания своих записей находился в состоянии реального вдохновения в силу овладевшей текстом эмоциональности и что именно здесь, при

²⁷ ОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1.

²⁸ В качестве своеобразного подтверждения приведем еще один эпизод из бумаг Коншиной. Отметим предварительно лишь, что «р» у Достоевского, если оно не открывает слово, вполне характерное, выделяющееся, естественно, нижней своей частью более, чем верхней, — крючком, несколько утрированным по горизонтали и схожим с крючком буквы «у». Расшифровывая предшествующий эпизод:

«Господи —

откуда же пир? Где это?

Да это пир —» (ОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1 — прочерки в цитате принадлежат перу Достоевского) — и дважды фиксируя неуверенность свою вопросительным знаком, Елизавета Николаевна в конце приписывает: *«то же слово, что в пред<ыдущей> строке»* (ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 3). Испытывая затруднения с прочтением слова «пирь», она, тем не менее, не сомневалась, что в обоих случаях имеет дело с одним и тем же словом. Такое «р» в эпитете, характеризующем «чудо», отсутствует (см. также о коллизиях прочтения записных тетрадей Достоевского [Тарасова, Панюкова: 27–28, 32–33]).

не сложившемся пока тексте, герои его уже говорили как живые и речь их была горячей и подлинной. Это ведет к пониманию такой важной и трудной темы, какой является воображение писателя. Е. Н. Коншина находилась на подступах к решению этой задачи, иначе трудно объяснить какие-то детали ее погруженности в воссоздание рукописи. Другими словами, порой для Е. Н. Коншиной рукопись переставала быть черновой, являя собой нечто эстетически состоявшееся, полноценное.

Здесь, на мой взгляд, очень хорошо видно, что было для Елизаветы Николаевны большим, а что — малым. Коншина, как известно, оговаривает принципы сохранения целостности документа, и это представляет известный интерес: позволяет понять, что черновики могут прочитываться ею ради них самих вне рамок «телеогенетического метода» [Богданова: 34]. Когда мы беремся за черновики, рано или поздно они увлекают нас своей, в общем-то, дологической природой. Однако поверхностное в нейтральном смысле слова отношение к этой работе исключать нельзя, и поэтому поведенческий опыт заставляет нас говорить, что мы читаем черновики «ради сопоставления меньшего с большим», хотя с точки зрения здравого смысла черновая рукопись большим стать не может: она всегда занимала и будет занимать подчиненное, служебное положение по отношению к окончательному тексту. Но совершенно ясно, что черновик является сверхзадачей для литературоведа и потому становится источником любопытнейших открытий.

Приведем еще один пример. Несколько листов в рассматриваемом деле содержат попытку росписи «слепого», не имеющего названий оглавления романа «Подросток». Елизавета Николаевна фиксирует содержание почти всех глав романа, стремясь к предельной краткости и ясности обозначений²⁹. Очевидно, что любой читатель-поклонник способен «дописывать» за Достоевского, как бы доделывать его работу. Но у Коншиной другое — обратимся к цитате, несмотря на то что совмещение в одном поле мыслей из работ над разными романами может вызвать сомнения в корректности:

«Изучение тетради <№> ½ больше других фактов повлияло на выработку указанного выше принципа издания записных тетрадей Достоевского целиком, так как выбор материала к тому или другому произведению из-за нерасчлененности первоначальных набросков настолько затруднителен и условен, что даже такие опытные научные работники, как И. И. Гливенко

²⁹ См. также:

«Гл. 5ая

I — моя «идея» — могу хотеть <стр.> 78–81

II — «пустяки» подтверждающ<ие> <стр.> 81–86

III — ответы на «зачем» и «почему» <стр.> 86–93

IV — кончил с «идеями» — 2 анекдота <стр.> 93–99

девочка на бульваре и Ариночка» (Коншина Е. Н. Указ. соч. // ОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 33). Отмечу лишь, что данная расшифровка предпринята почему-то с 6-й части 3-й главы романа.

и П. Н. Сакулин, допустили пропуск отдельных заметок и отрывков к занимавшим их романам. Нас могут упрекнуть в обратном, — в слишком широком привлечении материала по отношению к двум-трем наброскам, приводимым в приложениях, но мы не захотели отказаться от этих записей, находя в них некоторые элементы образов или сюжетных деталей, повторявшиеся в черновых набросках к “Бесам” и частью даже вошедшие в роман, как пощечина, дуэль. Но широко отбирая среди неизданного материала опубликованных в основном тетрадей, мы выдерживаем наш принцип сохранения цельности документа по отношению к неопубликованной тетради № 1/9 с преобладающим составом заметок к “Подростку”, не извлекая оттуда отрывка, имеющего прямое отношение к “Бесам” и озаглавленного “Послесловием” к этому роману. Он был использован впоследствии в “Дневнике писателя”» [Коншина, 1935: 18].

Здесь, помимо работы с темой, всегда привлекавшей исследовательницу, мы найдем и массу интересного материала. С одной стороны, примечательно видение прагматики той или иной записи, понимание особого (пусть и гипотетического) пути, который она может проделать в условном, казалось бы, мире романиста³⁰, что всегда впечатляет в работе Коншиной. Для нее, очевидно, не роман, а сами наброски Достоевского становились самоценным пространством. Работа эта была бы невозможна без излишней, на первой взгляд, росписи содержания романа. Елизавета Николаевна многократно переписывала автограф Достоевского от руки, экспериментируя с авторской рукописью и ее версиями, вживаясь в ее мир.

Над расшифровкой и изданием записных книжек Чехова Коншина работала до 1960 г. — момента второй публикации их в большом исследовании «Из архива А. П. Чехова», где также увидела свет ее лаконичная вступительная статья, в ней исследовательница крайне осторожна в выводах и даже предположениях. Чувство неполноты проделанной ею работы, кажется, не оставляло ее никогда.

Это чувство незавершенной работы также присутствовало у Коншиной по окончании работы над записными тетрадями Достоевского: «Термин “закончена”, употребляемый нами о тетрадях, нужно понимать, однако, относительно, так как ни одна тетрадь Достоевского не является заполненной целиком, причем свободные страницы *перемежаются* с написанными. Расположение датированного материала объясняет эту особенность,

³⁰ Это положение отчасти может быть проиллюстрировано откликом, также оставшимся рукописью, на книгу А. С. Архангельского «Введение в историю русской литературы» [Архангельский]. В своем докладе Е. Н. Коншина возражает против трактовки истории литературы как «истории идей» и задает вопрос: «...если *первым условием поэтичности произведения является идея же, почему поэзия* <подчеркнуто Е. Н. Коншиной. — Р. А.> становится главнейшим видом литературы?» (см.: Коншина Е. Н. «К вопросу о методологии истории литературы» — доклад по поводу книги А. С. Архангельского «Введение в историю русской литературы» — 1919–1920 гг. // ОР РГБ. Ф. 619. К. 3. Ед. хр. 2. Л. 4).

обнаруживая манеру Достоевского вносить заметки не в порядке следования страниц, а в разбивку» [Коншина, 1935: 15]. Исследование Достоевского Елизаветой Николаевной продолжалось до середины 1950-х гг. У работы Коншиной с черновиками Достоевского есть ясная, самостоятельная исследовательская перспектива, поэтому она должна быть вписана в большую историю, намеченную многочисленными работами — начиная от первых попыток осмысления до самых последних на сегодня разработок и открытий.

Список литературы

1. Архангельский А. С. Введение в историю русской литературы. Пг.: Акц. о-во «Самообразование», 1916. Т. 1. 701 с.
2. Богданова О. А. В. Л. Комарович — исследователь Ф. М. Достоевского // Комарович В. Л. «Весь устремление»: статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–49.
3. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. Л.: АН СССР, 1935. 603 с. (Сер.: Литературный архив.)
4. Житомирская С. В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006. 600 с.
5. Заваркина М. В. Проблемы хронологической атрибуции «первой» записной книжки Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 70–93 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741405.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3789
6. Заваркина М. В. Проблемы хронологической атрибуции «второй» записной книжки Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 5–39 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562145716.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4081 (a)
7. Заваркина М. В. Редакционные записи в составе записных книжек Ф. М. Достоевского 1860–1865 гг. // Неизвестный Достоевский. 2019. № 3. С. 67–95 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1569406106.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4141 (b)
8. Заваркина М. В. Проблемы хронологической атрибуции «третьей» записной книжки Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 57–83 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758765.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4261 (c)
9. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Текстологические проблемы ранних публикаций рукописей Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 3–47 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514369395.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3281
10. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Графические особенности рукописей Достоевского (по материалам записных книжек и тетрадей 1862–1865 гг.) // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 84–138 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301
11. Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. Вып. 1. С. 3–26.

12. Захаров В. Н. Поэтика и жанр маргиналий в записных книжках и рабочих тетрадях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 85–100 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461
13. Комарович В. Л. «Весь устремление»: статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 927 с.
14. [Коншина Е. Н.] Записные книжки А. П. Чехова / подг. к печ. Е. Н. Коншиной, ред. Л. П. Гроссмана. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 137 с.
15. [Коншина Е. Н.] Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые Центральным Архивным Управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подг. к печ. Е. Н. Коншиной, комм. И. Н. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. 472 с.
16. Коншина Е. Н. Заметки к «Братья Карамазовы» и «Дневнику писателя» // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 97–100. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)
17. Михайлов А. В. К новому Достоевскому // Наш современник. 1991. № 3. С. 177–179.
18. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. 391 с.
19. Тарасова Н. А. Проблемы публикации рукописного текста Достоевского (на материале черновых рукописей) // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 3–22 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754553.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2861
20. Тарасова Н. А., Панюкова Т. В. Графика — семантика — фактография: проблемы текстологии записных тетрадей Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2016. № 4. С. 23–46 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf (12.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2863
21. Якович Е. Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович. М.: Corpus, 2014. 224 с.

References

1. Arkhangel'skiy A. S. *Vvedenie v istoriyu russkoy literatury* [Introduction to the History of Russian Literature]. Petrograd, Aktsionernoe obshchestvo «Samoobrazovanie» Publ., 1916, vol. 1. 701 p. (In Russ.)
2. Bogdanova O. A. V. L. Komarovich — Researcher of F. M. Dostoevsky. In: *Komarovich V. L. «Ves' ustremlenie»: stat'i i issledovaniya o F. M. Dostoevskom* [Komarovich V. L. "All Aspiration": Articles and Research About Fyodor Dostoevsky]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 5–49. (In Russ.)
3. Dolinin A. S. *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 603 p. (Series "Literary Archive"). (In Russ.)
4. Zhitomirskaya S. V. *Prosto zhizn'* [Just Life]. Moscow, The Russian Political Encyclopedia Publ., 2006. 600 p. (In Russ.)
5. Zavarkina M. V. The Problems of the Chronological Attribution of "the First" Notebook of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 70–93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741405.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3789 (In Russ.)

6. Zavarkina M. V. The Problems of the Chronological Attribution of “the Second” Notebook of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 5–39. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562145716.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4081 (In Russ.) (a)
7. Zavarkina M. V. Editorial Notes as Part of the Notebooks of F. M. Dostoevsky of 1860–1865. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 67–95. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1569406106.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4141 (In Russ.) (b)
8. Zavarkina M. V. Problems of Chronological Attribution of “the Third” Notebook of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 4, pp. 57–83. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758765.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4261 (In Russ.) (c)
9. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Textual Problems of Early Publications of Dostoevsky’s Manuscripts. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 4, pp. 3–47. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514369395.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3281. (In Russ.)
10. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Graphical Peculiarities of Dostoevsky’s Manuscripts (Based on the Materials of the Notebooks and Workbooks of the Years 1862–1865). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 4, pp. 84–138. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. Textual Criticism as a Technology. In: *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo [The Problems of Fedor Dostoevsky’s Textual Criticism]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1, pp. 3–26. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. The Poetics and Genre of Marginalia in Fyodor Dostoevsky’s Notebooks and Workbooks. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 85–100. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461. (In Russ.)
13. Komarov V. L. «Ves’ ustremlenie»: stat’i i issledovaniya o F. M. Dostoevskom [“All Aspiration”: Articles and Research About Fyodor Dostoevsky]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 927 p. (In Russ.)
14. Konshina E. N. *Zapisnye knizhki A. P. Chekhova [Notebooks of A. P. Chekhov]*. Moscow, State Academy of Artistic Sciences Publ., 1927. 137 p. (In Russ.)
15. Konshina E. N. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral’nym Arkhivnym Upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy bibliotekoy SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3) [F. M. Dostoevsky’s Notebooks Published by the Central Direction of Archives of the USSR (Notebooks No. 1 and No. 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks No. 2 and No. 3)]*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 472 p. (In Russ.)
16. Konshina E. N. Notes on “The Brothers Karamazov” and “A Writer’s Diary”. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 97–100. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
17. Mikhaylov A. V. To the New Dostoevsky. In: *Nash sovremennik*, 1991, no. 3, pp. 177–179. (In Russ.)
18. Tarasova N. A. «Dnevnik pisatelya» F. M. Dostoevskogo (1876–1877): kritika teksta [“A Writer’s Diary” by F. M. Dostoevsky (1876–1877): Textual Criticism]. Moscow, Kvadriga, MBA Publ., 2011. 391 p. (In Russ.)

19. Tarasova N. A. The Problems of the Publication of Dostoevsky's Manuscripts (Based on Draft Manuscripts). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 4, pp. 3–22. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754553.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2861. (In Russ.)
20. Tarasova N. A., Panyukova T. V. Graphics — Semantics — Factography: Textual Problems of Dostoevsky's Notebooks. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 4, pp. 23–46. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf (accessed on December 12, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2863. (In Russ.)
21. Yakovich E. *Doch' filosofa Shpeta v fil'me Eleny Yakovich [Philosopher Shpet's Daughter in Elena Yakovich's Film]*. Moscow, Corpus Publ., 2014. 224 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ахметшин Руслан Борисович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019); e-mail: ahmad-jin@mail.ru. **Ruslan B. Akhmetshin**, PhD, Associate Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9c1, Moscow, 119019, Russian Federation); e-mail: ahmad-jin@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.02.2022

Принята к публикации / Accepted 28.02.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

Коллекция А. Г. Достоевской: автографы на итальянском языке

И. С. Андрианова¹✉, С. Алоэ²

¹*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: yarysheva@yandex.ru✉

²*Университет Вероны
(г. Верона, Италия)*

e-mail: stefano.aloe@univr.it

Аннотация. Жена Ф. М. Достоевского была одной из первых в России женщин-коллекционеров. В статье на основе архивных источников рассмотрена ее собирательская деятельность — коллекционирование почтовых марок и автографов мировых исторических деятелей, причиной и поддержкой которой явился сам писатель, а «поставщиками» — его корреспонденты и знакомые (А. И. Савельев, В. Я. Стоюнин, В. М. Каченовский, Е. А. Штакеншнейдер, М. Г. Черняев, В. П. Гаевский, А. П. Сазанович и др.). Центральное внимание уделено автографам на итальянском языке в коллекции А. Г. Достоевской, хранящимся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Это пять недатированных писем известных итальянцев, полученных от А. Н. Якоби (Пешковой-Толиверовой), жившей в 1860-е гг. в Италии и имевшей там широкий круг общения. С Достоевскими А. Н. Якоби была знакома с середины 1870-х гг., продолжала общение с Анной Григорьевной и после смерти писателя. Среди документов, переданных А. Н. Якоби, письмо поэта Алеардо Алеарди к художнику Гульельмо де Санктис, письмо к ней певицы Итальянской оперы Элизы Вольпини, политического деятеля Риччиотти Гарибальди (сына Дж. Гарибальди) и два письма от итальянского актера Эрнесто Росси. Шестым автографом на итальянском языке в коллекции А. Г. Достоевской является письмо к ней поклонницы творчества Достоевского сардинской писательницы Грации Деледда за 1912 г. В этом письме будущая лауреат Нобелевской премии по литературе выразила свои восхищение и любовь к «могущественному гению» Достоевскому. Деледда письменно общалась не только с вдовой Достоевского, но и с его дочерью Любовью и, по всей вероятности, встречалась с ними в Италии в 1910-е гг. В статье впервые введены в научный оборот уникальные письма на итальянском языке из коллекции А. Г. Достоевской, дан их перевод на русский. Эти документы представляют двойную ценность: как автографы известных исторических личностей и как предметы коллекции жены Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, Л. Ф. Достоевская, Италия, коллекция, автограф, архив, А. Н. Якоби, А. Н. Пешкова-Толиверова, Риччиотти Гарибальди, Элиза Вольпини, Алеардо Алеарди, Гульельмо де Санктис, Эрнесто Росси, Грация Деледда

Для цитирования: Андрианова И. С., Алоэ С. Коллекция А. Г. Достоевской: автографы на итальянском языке // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 1. С. 99–123. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6021

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6021

Autographs in Italian: Anna Dostoevskaya's Collection

Irina S. Andrianova¹ ✉, Stefano Aloe²

¹*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: yarysheva@yandex.ru ✉

²*University of Verona
(Verona, Italy)*

e-mail: stefano.aloe@univr.it

Abstract. The wife of F. M. Dostoevsky was one of the first female collectors in Russia. The article examines her collecting activities, which included collecting postage stamps and autographs of world historical figures, based on archival sources. The motivation and support for this undertaking were provided by the writer himself, and the “suppliers” were his correspondents and acquaintances. The article focuses on autographs in Italian in the collection of A. G. Dostoevskaya, which are stored at the department of manuscripts of the Russian State Library. These are five undated letters of famous Italians received from A. N. Jacobi (Peshkova-Toliverova), who lived in Italy in the 1860s and had a wide social circle there. A. N. Jacobi had been familiar with the Dostoevskys since the mid-1870s, and continued to communicate with Anna Grigorievna even after the writer's death. Among the documents handed over to A. N. Jacobi are a letter from the poet Aleardo Aleardi to the artist Guglielmo de Sanctis, a letter addressed to her from the Italian opera singer Elisa Volpini, politician Ricciotti Garibaldi (son of Giuseppe Garibaldi) and two letters from the Italian actor Ernesto Rossi. The sixth autograph in Italian in the collection of A. G. Dostoevsky is a letter to her from a fan of Dostoevsky's work by the Sardinian writer Grazia Deledda in 1912. In this letter, the future winner of the Nobel Prize in Literature expressed her admiration and love for the “powerful genius” Dostoevsky. Grazia Deledda not only communicated in writing with Dostoevsky's widow, but also met with his daughter Lyubov in Italy in the 1910s. The article introduces unique letters in Italian from the collection of A. G. Dostoevskaya into scientific circulation for the first time, and provides their translation into Russian. These documents are of double value: as autographs of famous historical figures and as collection items of Dostoevsky's wife.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, L. F. Dostoevskaya, Italy, collection, autograph, archive, A. N. Jacobi, A. N. Peshkova-Toliverova, Ricciotti Garibaldi, Elisa Volpini, Aleardo Aleardi, Guglielmo de Sanctis, Ernesto Rossi, Grazia Deledda

For citation: Andrianova I. S., Aloe S. Autographs in Italian: Anna Dostoevskaya's Collection In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 99–123. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6021 (In Russ.)

Энциклопедический словарь «Коллекционеры России, XVII — начало XX вв.», составленный Н. М. Полуниной, посвящен людям, стоявшим у истоков народного просвещения: коллекционерам, основателям музеев и библиотек. В нем значится более двухсот выдающихся коллекционеров, среди которых только 9 женщин: Екатерина II, З. А. Волконская, А. Г. Достоевская, А. Г. Лаваль, Д. М. Леонова, Е. Г. Мамонтова, Е. П. Носова, М. К. Тенишева, Н. Л. Шабельская [Полунина]. В отличие от остальных собирательниц, чьи коллекции содержали полотна живописи, античную скульптуру, предметы русской старины, жена Ф. М. Достоевского не была коллекционером в строгом смысле слова. Материалы ее коллекции — рукописи, «бесценные в документальном отношении», — «за немногим исключением, лишены эстетической ценности», да и материальных возможностей для приобретения коллекционных экспонатов она была лишена¹.

Тягу жены к собирательству подметил Ф. М. Достоевский в письме к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.:

«Въ характеръ Анны Григорьевны оказалось рѣшительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно)»².

Сама собирательница размышляла после смерти мужа в черновике своих воспоминаний:

«Мнѣ кажется, что природа вложила въ каждого человека стремленіе къ собиранію чего либо, важнаго или неважнаго. Одни стремятся собрать капиталъ, скупить земли, дома; другіе обращаютъ свою страсть на приобрѣтеніе книгъ, картинъ, художеств<енныхъ> предметовъ. У нѣкоторыхъ эта страсть перерождается въ нисию³ и человекъ начинаетъ съ наслажденіемъ собирать совсѣмъ ненужныя вещи: почтовые марки, пуговицы и под<обный> вздоръ. Очевидно, эта жилка собиранія таилась и во мнѣ и перешла ко мнѣ отъ моего отца, который любилъ собирать разныя диковинки»⁴.

Отец Анны Григорьевны, Григорий Иванович Сниткин (1799–1866), любил разыскивать «на Толкучемъ и другихъ рынкахъ разныя рѣдкости и диковинки, картины, а преимущественно фарфоръ, въ которомъ онъ понималъ толкъ»⁵.

¹ Медынцева Г. «Всё мною собранное...»: из коллекции А. Г. Достоевской [Электронный ресурс]. URL: <http://old.goslitmuz.ru/ru/collections/1724> (15.12.2021)

² Достоевский Ф. М. Письмо к Майкову А. Н. // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 5. Ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 205. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

³ Над строкой незачеркнутый вариант: «переходить ея степень».

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания: черновой автограф // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 146. Л. 65–65 об.

⁵ Там же. Л. 4.

«Жилка собирания» жены Достоевского проявила себя изначально в ее увлечении коллекционированием марок. Филателия считалась и считается мужским занятием. Как выразился писатель и публицист Н. Г. Никонов, «женщины-филателистки, конечно, есть, но явление редкое, в виде исключения, что ли, допустим, как женщина-сталева, женщина-рыбак, женщина-охотник, женщина-капитан»⁶. Причина, по которой Анна Григорьевна стала филателисткой, известна из ее воспоминаний — это спор с мужем⁷. В 1867 г., во время пребывания супругов Достоевских в Дрездене, писатель высказал сомнение в способности женщины к долгому и упорному напряжению сил для достижения цели. «А женщина? Она загорится желанием собирать марки, купит роскошный альбом, надоест всем родным и знакомым, выпрашивая марки, затратит на покупку их массу денег, а затем — желание в ней уляжется», — передала слова Достоевского мемуаристка [Достоевская А. Г.: 208]. Молодая супруга своим примером изначально хотела доказать мужу обратное: «...женщина годами может преследовать привлекающую ее внимание идею» [Достоевская А. Г.: 208], а потом увлеклась собирательством почтовых марок. Свою коллекцию Анна Григорьевна пополняла всю жизнь, став одной из первых женщин-филателисток⁸. Она не купила ни одной марки за деньги, а собирала подаренные или гашеные, те, что были сняты ею с корреспонденции, — неслучайно в сохранившемся архиве Достоевских встречаются конверты с вырезанными марками.

К сожалению, на сегодняшний день коллекция марок жены писателя утрачена. Зато в значительной своей части сохранился другой плод усилий собирательницы — коллекция автографов русских и зарубежных деятелей

⁶ Никонов Н. Золотой дождь. Повествование в размышлениях о коллекциях и коллекционерах // Уральский следопыт. 1977. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=555107&p=5> (15.12.2021)

⁷ Любопытно, что известный меценат, благотворитель, коллекционер и создатель первого в России литературно-театрального музея А. А. Бахрушин, подобно жене Достоевского, стал собирателем в результате пари, заключенного с двоюродным братом, купцом Н. А. Куприяновым. Собрал за месяц большее количество уникальных предметов, имеющих отношение к театру, Бахрушин выиграл спор, но при этом так увлекся коллекционированием, что оно стало его призванием [Ю. А. Бахрушин: 49]. Среди постоянных вкладчиков в собрание Бахрушина были А. Н. Островский, В. К. Трутовский, А. А. Плещеев (см.: [Ю. А. Бахрушин]), поэтому неслучайно в нынешнем ГЦТМ им. А. А. Бахрушина хранятся документальные материалы семьи Достоевских: 5 писем Ф. М. Достоевского и 8 писем М. М. Достоевского к А. Н. Островскому (ф. 200), письмо А. Г. Достоевской к В. К. Трутовскому от 9 марта 1901 г. (ф. 286), телеграмма-поздравление А. Г. Достоевской А. А. Плещееву от 15 января 1886 г. (ф. 210).

⁸ Имена других женщин-филателисток нам не известны. Но то, что А. Г. Достоевская, основавшая свою коллекцию марок в 1867 г., — одна из первых их собирательниц (если не первая! по крайней мере, в России), — безусловно. Это подтверждается историей зарождения филателии, которая стала популярна сразу после введения марок — в 1840 г., их систематическое коллекционирование началось в 1850 г., первое общество собирателей почтовых марок появилось в Англии в 1866 г., в конце XIX в. увлечение филателией охватило сотни тысяч людей всех классов общества. См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/11029> (15.12.2021)

культуры и науки. «Мой конек»⁹, «моя любимая страсть», — так ёмко охарактеризовала ее мемуаристка [А. Г. Достоевская: 469]. После смерти мужа она парировала коллекционеру, намеренно обесценивавшему ее собрание автографов с тайной целью их приобретения: «К сожалению, Федор Михайлович ни с Шекспиром, ни с Данте не переписывался» [А. Г. Достоевская: 469]. Однако в коллекцию жены писателя вошла не только переписка Ф. М. Достоевского (чьи автографы сегодня бесценны), но и документы А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, К. С. и И. С. Аксаковых, С. Т. Аксакова, Т. Г. Шевченко, В. Гюго, Э. Ренана и др.

Эти автографы в разное время были подарены Анне Григорьевне друзьями, знакомыми и почитателями творчества ее мужа, часто по просьбе самого писателя, который с интересом относился к увлечению супруги. В ее письме от 29 мая 1880 г. содержится напоминание мужу, уехавшему в Москву на торжественное открытие памятника Пушкину:

*«Не забудь попросить у Ивана Серг<тьевича> Аксакова, автографы Гоголя, да и вообще кого либо»*¹⁰.

На следующий день собирательница настойчиво повторила свою просьбу мужу об автографах:

*«Да подумай кстати и обь автографахъ, напр. у Новиковой — Гладстона, у Аксакова — Гоголя, а у Павлицева — Пушкина. Не създишь ли ты къ старичку Муравьеву-Апостолу, Матвѣю Ивановичу... Могъ бы ты попросить у него письмо Муравьева. У него находится Сазановичъ»*¹¹. *Угоди мнѣ привези хоть какое-либо письмецо, потѣшишь свою автографку...*¹².

В ответ Достоевский сообщал:

*«Автографъ Гоголя Аксаковъ мнѣ обѣщалъ»*¹³.

Анна Григорьевна в шутивно-устрашающей форме продолжила напоминать мужу об автографах и в письме от 3 июня 1880 г.:

⁹ Достоевская А. Г. Воспоминания: черновой автограф // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 146. Л. 64 об.

¹⁰ Достоевская А. Г. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 29.05.1880 г. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 170. Л. 34. Ср.: Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1979. С. 330.

¹¹ Сазанович (Созонович) Августа Павловна — писательница, мемуаристка, воспитанница декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Сазанович унаследовала все недвижимое имущество бездетного старика и, в частности, его личный архив.

¹² Достоевская А. Г. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 30.05.1880 г. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 170. Л. 38–38 об. Ср.: Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1979. С. 331.

¹³ Достоевский Ф. М. Письмо к Достоевской А. Г. От 31.05.1880 г. // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 33. Л. 17. Ср.: Д30; т. 30; 173.

«Безъ автографа хотя бы Висковатова не прѣзжай, назадъ отправлю»¹⁴.

Из письма И. С. Аксакова известно, что он исполнил свое обещание позднее — 3 сентября 1880 г.:

«Посылаю для Вашей супруги три автографа: Гоголя, моего отца и брата Конст<антина> Сергѣевича»¹⁵.

Многие уникальные автографы Достоевским передавала воспитанница М. И. Муравьева-Апостола А. П. Сазанович, которая распоряжалась при жизни и после смерти декабриста его личным архивом, представлявшим собрание документов деятелей 1825 г. Так, 16 июня 1879 г. она писала жене Достоевского:

«Кромѣ писемъ Бестужева присоединяю Фонвизина къ женѣ изъ крѣпости, почему оно и безъ подписи, достану и съ подписью, Штенгеля къ нашей общей знакомой Андронниковой, Оболенскаго, Трубецкаго и Розена къ Мат<вѣю> Ив<ановичу>. Я еще много могу достать писемъ нашихъ, но пока М<атвѣй> Ив<ановичъ> на нихъ скупъ»¹⁶.

«Поставщиками» автографов для коллекции жены Достоевского были также А. И. Савельев, В. Я. Стоюнин, А. Костомарова (жена Н. И. Костомарова), В. М. Каченовский, С. И. и Е. А. Штакеншнейдер, М. Г. Черняев, В. П. Гаевский, А. Н. Якоби (Пешкова-Толиверова).

Рукописи своей коллекции А. Г. Достоевская распределила по 25 «отделам». Состав каждого «отдела» она расписала в соответствии с алфавитом фамилий в специальной тетради с названием «Автографы из коллекции А. Гр. Достоевской. Каталог, составленный в 1900 году. Добавлен в 1907 году»¹⁷. Названия «отделов» свидетельствуют о масштабности ее собрания:

1. «Знаменитые романисты, поэты, драматурги»;
2. «Высочайшие особы»;
3. «Лица, занимающие высокое положение в администрации»;
4. «Академики Императорской Академии Наук»;
5. «Декабристы. Петрашевцы»;
6. «Лица духовного звания»;
7. «Литераторы, романисты, драматурги»;

¹⁴ Достоевская А. Г. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 03.06.1880 г. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 170. Ср.: Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1979. С. 339.

¹⁵ Аксаков И. С. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 03.09.1880 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.1.20. Л. 15.

¹⁶ Сазанович А. П. Письмо к Достоевской А. Г. От 16.06.1879 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 1 об.

¹⁷ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с алфавитным списком автографов коллекции // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30740. 234 лл.

8. «Редакторы газет и журналов»;
9. «Сотрудники газет и журналов»;
10. «Педагоги, составители учебников, выдающиеся издатели»;
11. «Профессора Университетской Духовной Академии и другие высшие учебные заведения»;
12. «Художники, академики живописи, архитектуры, культуры. Составители картинных галерей»;
13. «Композиторы, музыканты, певцы, певицы, музыкальные критики»;
14. «Женщины-писательницы, врачи и известные по своей общественной или благотворительной деятельности»;
15. «Литераторы, ученые, певцы, композиторы, актеры и пр. *иностран-ные*»;
16. «Актрисы и актеры Императорского и провинциального театров»;
17. «Врачи»;
18. «Деятели на различных поприщах общественной деятельности»;
19. «Переписка декабриста Муравьева-Апостола с Сазанович»;
20. «Письма К. П. Победоносцева к Ф. М. Достоевскому»;
21. «Рисунки разных художников, архитекторов и др. лиц»;
22. «Письма А. Н. Майкова»;
23. «Письма Н. Н. Страхова»;
24. «Письма Ореста Ф. Миллера»;
25. «Письма Алексея Николаевича Плещеева».

Большая часть автографов, зарегистрированных в каталоге, сохранилась в архиве Достоевских (в ОР РГБ) до наших дней¹⁸. Среди документов, чья судьба остается невыясненной, — недатированная записка А. С. Пушкина из Михайловского, доставленная жене писателя от М. А. Языкова и включенная ею в каталог автографов. Кроме того, неизвестно, поступали ли в коллекцию А. Г. Достоевской автографы В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, которые не зарегистрированы в каталоге, но которые обещал прислать тот же Языков, сообщавший 26 января 1879 г.:

«Вы вѣроятно помните, многуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, что какъ-то при свиданіи съ Вашей супругой, я обѣщалъ ей добыть нѣкоторые автографы нашихъ литературныхъ знаменитостей. Между прочимъ Бѣлинскаго и Грановскаго я оставляю до Москвы, куда вѣроятно съѣзжу лѣтомъ; а записочку въ три строки незначительнаго содержанія несомнѣнно писанную рукою Пушкина изъ с. Михайловскаго къ своей псковской сестѣдкѣ (кажется Вульфъ) мнѣ обѣщала подарить одна дама, живущая въ Новгородѣ»¹⁹.

¹⁸ Сверка и сопоставление каждой записи каталога с архивными единицами хранения нами не проводились.

¹⁹ Языков М. А. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 26.01.1879 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.10.21. Л. 8.

Обзор и публикация многих материалов коллекции А. Г. Достоевской сделаны в статье Л. Р. Ланского [Ланский]. Некоторые документы из этого собрания (только связанные с Ф. М. Достоевским) были проаннотированы в «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» 1957 г. (см.: [Нечаева]), а также в современном описании рукописей писателя (см.: [Рукописное наследие Ф. М. Достоевского]).

В данном исследовании мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких документов богатейшего собрания, а именно — писем на итальянском языке²⁰. Всего нам известны шесть таких писем, все они хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки:

- письмо Алеардо Алеарди к <Гульельмо> де Санктис,
- письмо Элизы Вольпини к А. Н. Якоби (4-е число, б. м., б. г.),
- письмо Риччиотти Гарибальди к А. Н. Якоби,
- 2 письма Эрнесто Росси к А. Н. Якоби (от 19 апреля 1878 г. и 18 июня 1879 г.),
- письмо Грации Деледда к А. Г. Достоевской (от <7 апреля> 1912 г.).

Все они, кроме письма Грации Деледда к А. Г. Достоевской, были получены от близкой знакомой семьи Достоевских А. Н. Якоби (Пешковой-Толиверовой) и описаны в каталоге жены писателя в «Отделе XV» в числе прочих автографов европейских деятелей культуры и науки. Письмо Грации Деледда было написано и отправлено в 1912 г., когда каталог уже не дополнялся новыми записями (последние добавления были сделаны в 1907 г., согласно записи на каталоге).

Александра Николаевна Якоби (1842–1918; урожд. Сусоколова, во втором браке Тюфяева, в третьем — Пешкова, псевд. Толиверова) — известная общественная деятельница, детская писательница, издательница детского журнала «Игрушечка». В 1860-е гг. А. Н. Якоби жила в Италии, имела там широкий круг общения, была участницей гарибальдийского движения, общалась с итальянским героем Джузеппе Гарибальди и его сыном Риччиотти. Согласно ее воспоминаниям, с Достоевским она познакомилась в конце 1876 г. «при совершенно неожиданных обстоятельствах»:

«Онъ, не зная меня лично, выручилъ меня изъ очень затруднительнаго положенія. И когда я пошла благодарить его, то онъ крайне былъ этимъ взволнованъ»²¹.

²⁰ Отметим, что творчество Достоевского играет важную роль в итальянской культуре, его романы популярны среди читателей Италии, они активно изучаются итальянскими литературоведами, философами, теологами, педагогами [Алоэ]. Интерес к феномену «Достоевский и Италия» сегодня высок, в 2021 г. вышла одноименная коллективная монография [Достоевский и Италия].

²¹ Толиверова А. Памяти Федора Михайловича Достоевского // Игрушечка. 1881. 8 февраля. № 6. С. 182 [Электронный ресурс]. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/necr_005.

Сохранилось письмо А. Н. Якоби к Достоевскому, ошибочно датированное ею 2 января 1876 г. (надо: 1877 г.; см.: [Летопись: 161]) и сделанное на бланке педагогического журнала для воспитателей «Детский сад», в котором, возможно, она сотрудничала²². Из этого письма следует, что уже в начале 1876 г. Якоби была знакома не только с Достоевским, но и с его супругой:

РЕДАКЦИЯ

«ДЕТСКИЙ САДЪ»

Галерная ул., д. № 46,
кв. 7²³.

2²⁰ Января 1876 г.

Многоуважаемый
Өедоръ Михайловичъ,

Сю минуто мнѣ подали письмо, назначенное Вамъ. Посылаю его. Вы вѣрно получили письмо назначенное мнѣ? Потрудитесь внести въ Вашъ списокъ моего знакомаго.

Въ Троицкосавскѣ Забай<кальской> обл<асти> въ Реальное училище Якову Парфеновичу Смирнитскому. Примите также и меня въ число <л. 1> подписчиковъ съ доставкою. Деньги, передамъ Вамъ, при свиданіи. Поздравляю Васъ и добрую Анну Григорьевну съ Новымъ годомъ. Сама хотѣла поѣхать и привести Вамъ Жоржъ Сандъ. Но все это время нездоровилось. Устала!

*Примите мой искренній и теплый привѣтъ отъ сердечно Васъ уважающей
А.<.> Якоби.*

На дняхъ у меня было нѣсколько студентовъ и студентокъ; они такъ восторженно относятся къ Вашему дневнику, что <л. 1 об.> хотятъ отправитъ<ь>ся къ Вамъ депутаціей что бы просить Васъ прочесть имъ хотя что нибудь, что бы только слышать Васъ и видѣть. <л. 2>²⁴

Кроме процитированного письма, из переписки Якоби с Достоевским сохранилось ее деловое письмо к нему от 8 февраля 1878 г., в котором она

pdf (15.12.2021). В 1911 г. она написала еще одну статью о Достоевском, см.: Толиверова А. Н. Памяти Ф. М. Достоевского // Красные зори. 1911. № 4.

²² Журнал «Детский сад» выходил в Санкт-Петербурге ежемесячно с 1866 по 1876 г. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» указано, что А. Н. Якоби была издательницей журнала «Детский сад» [Летопись: 161], однако эта информация не подтверждается. В справочной литературе зафиксирован издатель-редактор А. Симонович, с 1869 г. — Е. Бороздина, ред. — В. Толмачев, с 1873 изд. — В. Уггла (см.: Детский сад [СПб., 1866–1876] // Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М.: Гос. изд-во пол. лит. лит., 1959. С. 478)

²³ 7 вписано, было: 10

²⁴ Якоби А. Н. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 2.01.1876 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29914.

просила разрешение переиздать в виде маленькой иллюстрированной книжечки для детей «Мальчика у Христа на елке»²⁵, и ответное, недатированное, письмо Достоевского — с вежливым отказом²⁶. В дальнейшем А. Н. Якоби находилась в дружеских отношениях с вдовой Достоевского, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка²⁷. В 1915 г. Александра Николаевна поддержала А. Г. Достоевскую, готовившую протест для опровержения обвинений критика Н. Н. Страхова, высказанных в адрес Ф. М. Достоевского в письме Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. (см.: [Андрианова]).

Илл. 1. Портрет А. Н. Якоби. 1867
Худ. В. П. Верещагин

Fig. 1. Portrait of A. N. Jacobi. 1867
Artist V. P. Vereshchagin

Илл. 2. А. Н. Якоби. 1897
(Нива. 1897. № 47, от 22 ноября)

Fig. 2. A. N. Jacobi. 1897
(Niva. 1897. No. 47, dated November 22)

О том, что А. Н. Якоби являлась «поставщиком» автографов для коллекции А. Г. Достоевской свидетельствуют не только записи в каталоге собирательницы, но и письмо от 27 февраля 1883 г.:

²⁵ Якоби А. Н. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 8.02.1878 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.7.79.

²⁶ Достоевский Ф. М. Письмо к Якоби А. Н. б. д. // РО ИРЛИ. Отд. пост. № 5173. 2 л. Оpubл.: ДЗ0; т. 30; 7–8..

²⁷ Сохранились одно письмо А. Г. Достоевской к А. Н. Якоби (Пешковой-Толиверовой) от 16.07.1916 г. (РГАЛИ. Ф. 1674. Оп. 1. Ед. хр. 10) и семь писем Якоби к супруге Достоевского: от 15.05.1877 г., 02.02.1881 г., 27.02.1883 г., 01.03.1883 г., 04.02.1887 г., 27.10.1915 г., 3 марта б. г. (ОР РГБ. Ф. 93.П.7.80; РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30350; Ф. 100. № 29914).

27го февраля 1883 г.

Дорогая Анна Григорьевна, посылаю Вамъ просимое. Еще найду и доставлю. Я всю недѣлю пролежала, съ субботы, — не была даже на чтеніи. Тревоги и волненія довели меня до постели. Не легко голубчикъ, жить съ троими дѣтьми и безъ всякихъ средствъ кромѣ личнаго труда. Прошлаго года проболѣла три мѣсяца и кругомъ задолжала. Все что заработаешь идетъ на уплату стараго, а на жизнь, снова долги. Одни жида задушили. На 300 руб. плачу каждый мѣсяцъ 25 руб. %. Вотъ гдѣ ужасъ! Эти манускрипты принадлежатъ:

1) Алеарди д'Алеардо извѣстному италіянскому поэту недавно умершему, пись-
мо къ художнику тоже извѣстному de Sanctis.

2) Росси ко мнѣ.

3) Вольпини извѣстной пѣвицы ко мнѣ

4) Ричіотти Гарибальди меньшаго сына ко мнѣ.

5) Дюпюи извѣстнаго ф<раниузскаго> актера ко мнѣ.

6) Бутлерова ко мнѣ

7) Пыпина <л. 5>

8) Графини Сальясъ (Ев. Туръ)

9) Г. Успенскаго, —

10) Сурикова нашъ поэтъ самоучка,

11) Пассекъ Т. П.

12) Чижовъ нашъ извѣстный скульпторъ,

13) Шеллеръ (А. Михайловъ<)>

14) Кони А. Ф.

15) Шелгуновъ Н. В.

Есть у меня Некрасова и др. но не знаю, можетъ быть Вамъ не надо. То что не надо верните, я хотя не собираю, но дорожу.

Старика Гарибальди сохранилось только одно письмо. Когда будете издавать я Вамъ дамъ для копіи. Могу дать и портретъ. Теперь до Васъ просьба пришлите мнѣ 1 экземпляръ «Русскимъ дѣтямъ» и позвольте, если конечно можно, взять что нибудь другое вмѣсто «Мужикъ Марей» къ нему никакъ не сдѣлать рисунка, конечно, если онъ уже не набранъ. Думала помѣстить у Христа на ѣлкѣ но кажется это было помѣщено <л. 5 об.> чуть не во всѣхъ дѣт<скихъ> журналахъ. Я просмотрю книгу и что нибудь возьму. Прошу Васъ, черкните мнѣ два слова, что Вы позволяете мнѣ взять одну какую нибудь вещь изъ книги «Русскимъ дѣтямъ». Если Вы почему нибудь не желаете, въ чемъ я сомнѣваюсь, то я оставляю «Мужика Марея» и напечатаю безъ рисунка.

Записочка мнѣ потому нужна, что бы кто нибудь не заподозрилъ меня, какъ Г^{жу} Юдину воруящую беззащитнчиво.

Цѣлую Васъ и дѣтей крѣпко
Васъ любящая А.<.> Якоби <л. 6>²⁸

²⁸ Якоби А. Н. Письмо к Достоевской А. Г. От 27 февраля 1883 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.7.80. Впервые опубли.: Байкал. 1976. № 5. С. 144 (публ. С. В. Белова).

Автор письма откровенно делится с Анной Григорьевной своими житейскими трудностями, пытается решить вопросы публикации произведений Достоевского в детском журнале «Игрушечка», издаваемом ею. Но, кроме того, она перечисляет высланные в коллекцию вдовы писателя рукописи, среди которых и рассматриваемые нами письма на итальянском языке.

Переданная А. Н. Якоби в собрание А. Г. Достоевской записка веронского поэта *Алеардо Алеарди* (1812–1878) была адресована римскому художнику-портретисту *Гульельмо де Санктису* (1829–1911). Кроме живописных полотен, Гульельмо де Санктис является автором воспоминаний под названием «*Memorie: studi dal vero*» (Рим, 1901), где он представил литературные портреты известных итальянских деятелей, в том числе Алеардо Алеарди. Последний был известен в России конца XIX в. как поэт и патриот Италии, его биография вошла в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «Сочинения А<леарди>, проникнутыя горячимъ стремленіемъ къ государственной, соціальной и политической свободѣ Италіи, не разъ навлекали на него преслѣдованія австрійской полиціи»²⁹.

Записка Алеардо Алеарди к Гульельмо де Санктис из коллекции

А. Г. Достоевской³⁰

Aleardo Aleardi — Lettera a Guglielmo De Sanctis

Di casa li 20 mattina

Mio Guglielmo,

non posso venire alle 11. e ½ perché devo attendere uno al mezzogiorno. Verrò invece verso il tocco, così non avrai a precipitare la tua colazione.

Poni la mia riverenza ai piedini delle tue sorelle, e a rivederci.

Il tuo Aleardi

Из дома 20-го утром

Мой Гульельмо,

не смогу прийти в половину двенадцатого, потому что должен подождать одного человека до двенадцати. А приду к часу, так что тебе не придется спешить со своим завтраком.

Приложи мое почтение к ножкам твоих сестер, и до свидания.

Твой Алеарди.

²⁹ Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского; изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1. С. 371.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 93.П.1.26.

Илл. 3. Памятник Алеардо Алеарди в Вероне

Fig. 3. Monument to Aleardo Aleardi in Verona

Автор еще одного письма на итальянском языке из коллекции А. Г. Достоевской — певица Итальянской оперы испанского происхождения Элиза Вильяр Хурадо, более известная как *Элиза Вольпини* (1835 или 1838–1907). В 1867 г. и в конце 1870-х гг. она посещала Россию с итальянской оперной компанией, которая имела грандиозный успех. Согласно воспоминаниям очевидца, зафиксированным в испанской газете, сам император Александр II, узнавший случайно о том, что проходит спектакль с участием Элизы Вольпини, потребовал остановить уже начатое представление, чтобы ему успеть послушать хотя бы часть оперы³¹. В 1878 г. российское издание «Всемирная иллюстрация» сообщало о приглашении в Санкт-Петербург видных оперных див, среди которых была и Элиза Вольпини: «Театральная дирекція обнародовала на-дняхъ списокъ полного персонала нашей итальянской оперы. Первыхъ пѣвицъ-сопрано приглашено девять, именно: г-жа Эмма Альбани (на два мѣсяца), г-жа Лаура Гарресъ, Марія Мантилла, Элиза Вольпини... (на три)...»³².

³¹ Miscelánea // La Guirnalda. 1868. pág. 6. URL: <http://hemerotecadigital.bne.es/issue.vm?id=0003115591&page=6> (15.12.2021)

³² Всемирная иллюстрация. 1878. № 504. С. 190.

Письмо Элизы Вольпини к А. Н. Якоби из коллекции А. Г. Достоевской³³

Elisa Volpini ad Aleksandra Jakobi, s.d.

Signora gentilissima

Dall'una alle due sarò in casa domani martedì, felice di potervi ricevere.

Vostra devotissima

Elisa Volpini

Lunedì 4.

Милостивая государыня

Завтра, во вторник, с часу до двух я буду рада Вас принять дома.

Вам преданная

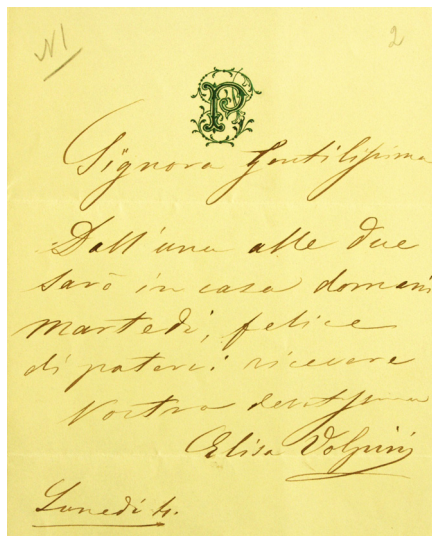
Элиза Вольпини

Понедельник 4-е.

Илл. 4. Элиза Вольпини. 1860-е гг.
Источник изображения: Национальная
библиотека Португалии

Fig. 4. Elisa Volpini. The 1860s.
Image source: National Library of Portugal

Илл. 5. Письмо Элизы Вольпини
к А. Н. Якоби. (ОР РГБ. Ф. 93.И.2.49)
Fig. 5. Letter of Elisa Volpini to A. N. Jacobi.
Department of Manuscripts of the Russian
State Library

³³ ОР РГБ. Ф. 93.И.2.49.

В 1860-е гг. дарительница автографов итальянских деятелей была замужем за художником В. И. Якоби, и в этот период супруги находились в Риме. В Италии это было время Джузеппе Гарибальди, возглавившего восстание против австрийского правительства. Александра Николаевна приняла участие в гарибальдийском движении. По разным источникам, она была сестрой милосердия и помогала раненым революционерам, привлекала своих знакомых к сбору средств в пользу гарибальдийцев, по поручению самого Гарибальди помогла его адъютанту совершить из римской тюрьмы побег. В июле 1872 г. она познакомилась с Дж. Гарибальди лично и получила от него фотографию с автографом и письмо о грядущей великой судьбе русского народа.

Жизнь А. Н. Якоби в Италии полна романтических мифов в большей степени благодаря ее воспоминаниям³⁴. Однако фотография Дж. Гарибальди с его автографом и письмо итальянского патриота от 24 июля 1872 г., сохранившиеся до настоящего времени³⁵, свидетельствуют о подлинности общей канвы событий, происходивших с мемуаристкой в Италии. Именно об этих документах Александра Николаевна писала вдове Достоевского в процитированном выше письме от 27 февраля 1883 г.:

«Старика Гарибальди сохранилось только одно письмо. Когда будете издавать я Вамъ дамъ для копіи. Могу дать и портретъ».

Зная об интересе покойного мужа к личности Гарибальди, нашедшем отражение в рукописях, художественных, публицистических и эпистолярных текстах Достоевского³⁶, Анна Григорьевна тем более хотела заполучить автограф итальянского революционера в свою коллекцию. Ей достался автограф менее значимый, но также имеющий высокую ценность — письмо к А. Н. Якоби сына Дж. Гарибальди Риччиотти (1847–1924), политического и военного деятеля, участвовавшего в сражениях под командованием отца. *«Ricciotti Garibaldi, Риччиотто Гарибальди, меньшей сынъ знаменитаго. Къ А. Н. Якоби»*, — такую запись сделала собирательница в своем каталоге³⁷.

³⁴ Якоби А. Н. Между гарибальдийцами: воспоминания русской // Неделя. 1870. № 22. С. 722–726; № 23. С. 762–767; № 24. С. 792–795.

³⁵ Вероятное место хранения: Музей Института русской литературы в Санкт-Петербурге. Фотографии этих документов свободно размещены в сети Интернет.

³⁶ См. об этом: [Мурзина, Новикова], [Шварц].

³⁷ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с алфавитным списком автографов коллекции // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30740. Л. 166.

**Письмо Риччиотти Гарибальди к А. Н. Якоби из коллекции
А. Г. Достоевской³⁸**

Ricciotti Garibaldi ad Aleksandra Jakobi, s.d.

<Roma, via del> Corso 101

Preg.<iatissi>ma Signora

Le mando il numero del palco — se non è di disturbo a lei però domanderei permesso di fare passare una cesta di fiori — per il detto palco. Non essendovi alcun altro disponibile. Se ciò però recasse il minimo disturbo me lo dica che io penserò subito a trovare un altro mezzo.

Mi creda

Suo devotissimo

Ricciotti Garibaldi

<Рим, улица> Корсо 101

Многоуважаемая Госпожа

Шлю вам номер ложи, а если Вам это не доставит неудобство, я бы попросил у Вас разрешения украсить цветами эту ложу, поскольку нет других свободных. Но если бы это принесло даже малейшее неудобство, то сообщите мне, и я тут же придумаю другой способ.

Остаюсь

Вашим преданным

Риччиотти Гарибальди

Для собрания А. Г. Достоевской А. Н. Якоби передала два адресованных ей письма итальянского актера «школы представления» Эрнесто Росси (1827–1896)³⁹. Как отмечает исследователь истории западноевропейского театра Г. Н. Бояджиев, это был актер широкого диапазона, и сыграл он «около четырехсот ролей в пьесах разных жанров современного и классического репертуара. Своей мировой известностью Росси был обязан Шекспиру, изучению которого он посвятил всю жизнь» [Бояджиев: 587]. С 1855 г. Росси начал свою гастрольную деятельность: был в Европе и Америке, Египте и Турции. Часто гастролировал в России: выступал перед московскими и петербургскими зрителями в 1877, 1878, 1890, 1895 и 1896 гг. и был высоко отмечен российской критикой⁴⁰. В 1877 г. Росси гастролировал в Петербурге, где общался со знакомыми своего приятеля, туринского

³⁸ ОР РГБ. Ф. 93. II. 2. 67.

³⁹ В коллекции автографов А. Г. Достоевской также сохранились две визитные карточки Эрнесто Росси с записями на французском языке карандашом и чернилами, сделанными для Д. В. Аверкиева (ОР РГБ. Ф. 93. II. 8. 45).

⁴⁰ «Росси играет великолепно, кроме Гамлета — лучшей из его ролей — Короля Лира, Отелло, Макбета, Корюлана и Ромео», — писал театральный обозреватель «Вестника Европы» (1871. Февраль. С. 877). См. также другие отзывы российской критики об

литератора Анджело де Губернатиса — П. Боборыкиным, М. Стасюлевичем⁴¹, которые являлись и знакомыми Достоевского. Э. Росси оставил трехтомные воспоминания о своей жизни и гастролях «40 лет артистической жизни» (1887–1889), один том из которых опубликовал в Петербурге в 1896 г. (см.: [Лаврентьева]).

Илл. 6. Эрнесто Росси

(Гражданский музей «Библиотека Актера»=Museo Biblioteca dell'Attore)

Fig. 6. Ernesto Rossi (Actor's Library=Museo Biblioteca dell'Attore)

Письма Эрнесто Росси к А. Н. Якоби из коллекции А. Г. Достоевской⁴²

Ernesto Rossi ad Aleksandra Jakobi

St Pétersbourg 19/4/1878

Cara Amica

Eccomi a Mosca ove ho trovato il medesimo accoglimento dell'anno passato. Ieri fui la mia prima rappresentazione coll'Hamlet. Il teatro era pieno, molti onori mi furono fatti; fiori e corone... cose tutte al di sopra del mio merito.

игре Росси: Комлевской. Современное искусство // Русская Мысль. 1890. № 5. С. 189–197; Иванов Ив. Спектакли Эрнесто Росси // Русская Мысль. 1896. № 2. С. 193–210.

⁴¹ Об этом сообщал А. де Губернатис в флорентинском журнале «Новая Антология». De Gubernatis A. Ernesto Rossi a S. Pietroburgo ed a Mosca // Nuova Antologia, Mag. 1877. Рр. 230–232. См. также: [Aloe, 2000: 21], [Бушуева].

⁴² ОР РГБ. Ф. 93.П.8.46.

La stagione si presenta migliore dell'anno passato. Ho ancora nei miei orecchi i saluti d'addio del buon pubblico di Pietroburgo, come porto scolpite nel mio cuore tutte le dimostrazioni di simpatia e di affetto, che i miei bravi amici, e voi in prima linea avete consacrate all'umile artista italiano.

Solo mio desiderio è quello di rivedervi, di recitare ancora davanti ad un pubblico sì intelligente e sì generoso.

Ho la quasi certezza, che il Barone mi farà tornare costì. Ma credete voi, buon'amica, che la stampa dividerà un tale sentimento?

Datemi presto vostre notizie — sapete quanto mi sono care.

Brigni<,> madame Dacht con tutto il cuore vi salutano. Io abbraccio e bacio voi coll'affetto d'un vero amico riconoscente, saluto la vostra compagna Eugenie e mi dico

Vostro aff<ezionato>

Ernesto Rossi

Hôtel de Russie

Bien de choses à monsieur Serges

Санкт-Петербург⁴³ 19/4/1978

Милая Подруга

Вот я в Москве, где меня встретили так же хорошо, как и в прошлом году. Вчера я провел свой первый спектакль в роли Гамлета. Театр был полон, мне оказали много почестей, подарили много цветов... все выше моей заслуги.

Сезон представляется лучшим, чем в прошлом году. У меня в ушах еще звенят прощальные слова доброй петербургской публики. Также я ношу изваянные в моем сердце все знаки симпатии и любви, которые мои замечательные друзья, и Вы в первую очередь, посвящали смиренному итальянскому артисту.

Единственное мое желание — Вас видеть снова, еще раз играть перед такой умной и щедрой публикой.

Есть во мне почти уверенность, что Барон⁴⁴ меня сюда вызовет снова. Но думаете ли вы, добрая подруга, что театральная критика будет так же благосклонна?

Напишите мне скорее о Ваших новостях — знаете, как они мне дороги.

Бриньи <и> мадам Дашэ⁴⁵ от сердца Вам шлют привет. Я обнимаю и целую Вас с нежностью истинного, преданного друга, шлю привет Вашей подруге Евгении и признаю себя

Вашим преданным

Эрнесто Росси

Hôtel de Russie

Мое почтение господину Сержу

⁴³ Отметим противоречие автора, гастролирующего по России: место написания и отправления письма — Санкт-Петербург, само же письмо начинается словами: «Вот я в Москве».

⁴⁴ Не удалось выяснить, о ком идет речь.

⁴⁵ Мадам Дашэ, и, далее по тексту письма, Евгения и Серж — неустановленные лица.

Bucarest, 18/6-79

Cara Amica

Il Sig. Ercole Cavara cognato al Brigni, che recasi colla sua compagnia di studenti spagnoli a Pietroburgo a quel circolo <?>⁴⁶, e che raccomando alla vostra penna validissima ed alla vostra efficace protezione, vi consegnerà le tre chasses Romaines che voi desideraste e che contava presentarvi io stesso colle mie proprie mani. Il medesimo vi racconterà a voce quanti dispiaceri abbia io avuti! Il dolore profondo che provo per non aver potuto venire quest'anno a Pietroburgo.

Voi avrete già preso conoscenza della copia della mia lettera al Barone <Becker?>⁴⁷ inviata al Cav. Pinto nostro Console Generale costì. Io spero che la vostra amicizia avrà a quest'ora prese le difese di un uomo che sia come artista, che come gentiluomo, sente tutto il rammarico di non aversi potuto presentare ad un pubblico di cui serba nel fondo del suo cuore un'immensa gratitudine.

Tutto ciò che avrete scritto mandatemelo al mio indirizzo à Lemberg — Austria ove mi recherò fra qualche giorno

Un abbraccio col cuore e col pensiero e mi dico

Vostro aff.<ezionato>

Ernesto Rossi

Бухарест, 18/6-79

Милая Подруга

Г. Эрколе Кавара⁴⁸, свояк Брини⁴⁹, который со своей труппой *испанских студентов* отправляется в Петербург в тот клуб <нрзб.>⁵⁰ и которого рекомендую Вашему яркому перу и Вашему действенному покровительству, передаст Вам три *chasses Romaines* <Римская охота>, которые Вы желали иметь, но которые я рассчитывал сам предоставить Вам собственными руками. Этот человек и расскажет, сколько *неприятностей я перенес!* Глубокое горе, которое я испытываю потому, что не смог приехать в этом году в Петербург.

Вы, вероятно, уже в курсе копии моего письма к Барону <Бекеру?>⁵¹, отправленной кав<алеру> Пинто⁵², нашему Генеральному Консулу, находящемуся у вас <в Петербурге>. Я надеюсь, что Ваша дружба в нужный момент защитит человека, который и как артист, и как джентльмен чувствует всю скорбь от того, что не

⁴⁶ Неразборчиво.

⁴⁷ Неразборчиво.

⁴⁸ Этторе Кавара — актер из труппы России.

⁴⁹ См. комментарий 38.

⁵⁰ Неразборчиво. Вероятно, имеется в виду петербургский клуб или круг, связанный с театром.

⁵¹ Неразборчиво.

⁵² Микеланджело Пинто — активный деятель итальянского Рисорджименто, консул в Санкт-Петербурге. О нем см.: [Алексеев], [Алое, 2008].

смог выступить перед публикой, к которой хранит в глубине сердца безграничную благодарность.

Все то, что вы напишите, пришлите мне на мой адрес *à Lemberg — Austria* <в Лемберге⁵³ — Австрия>, куда я отправлюсь через пару дней.

Обнимаю от сердца и мысленно и признаюсь

Вашим преданным

Эрнесто Росси

Письмо поклонницы творчества Достоевского, итальянской писательницы *Грации Деледда* (1871–1936), было отправлено его вдове в католическую Пасху 1912 г., когда Светлый Праздник приходился на 7 апреля. Соответственно этот автограф можно датировать 7 апреля 1912 г. В этом письме будущий лауреат Нобелевской премии по литературе (1926 г.) выразила восхищение и любовь к «могущественному гению» Достоевскому. В своих произведениях («Элиас Портолу», «Заблуждение», «Тростник на ветру» и др.) она следовала традициям Достоевского, поднимая проблемы нравственного выбора в экстремальных ситуациях⁵⁴.

Письмо Грации Деледда к А. Г. Достоевской

Grazia Deledda ad Anna G. Dostoevskaja

Via Cadorna 29

Roma, pasqua del 1912

Illustre Signora,

Quando nella solitudine del mio paese natio, davanti alle montagne di Sardegna che mi pareva chiudessero il mio piccolo mondo come una muraglia impenetrabile, leggevo e rileggevo i meravigliosi libri di Fedor Dostojewsky, e vivevo fra quelle pagine come in un mondo mio, non sognavo certo di poter un giorno mandare un saluto a Voi, che siete stata la compagna del grandissimo scrittore e avete veduto nei suoi occhi la luce del suo genio portentoso. Per me egli è stato il più grande artista moderno. È tale la mia ammirazione e il mio amore per lui, che tutto ciò che porta il suo nome mi sembra sacro.

Accettate dunque il mio saluto come un omaggio alla sua grande memoria, e un augurio per Voi in questo giorno di amore.

Vostra

Grazia Deledda

Улица Кадорна <генерала Кадорны> 29

Рим, Пасха 1912 г.

Милостивая Госпожа,

Когда в одиночестве моей родной земли, перед сардинскими горами, которые, мне казалось, хранили мой маленький мирок как непроницаемую стену, я читала

⁵³ Лемберг — немецкое название нынешнего Львова, столицы украинской Галиции, до Первой мировой войны входившей в состав австрийской монархии.

⁵⁴ См. об этом: [Дергачева: 335–343].

и перечитывала прекрасные книги Федора Достоевского, живя среди тех страниц как будто в моем собственном мире, естественно я никак не могла и мечтать, что когда-то смогу прислать приветствие Вам, бывшей спутнице величайшего писателя и видевшей в его глазах свет его могущественного гения. Он для меня был величайшим современным художником. Таковы мое восхищение и моя любовь к нему, что все то, что носит его имя, мне кажется священным.

Прошу примите мое приветствие как дань уважения к его великой памяти и как пожелание Вам в этот день любви.

Ваша
Грация Деледда

Илл. 7. Грация Деледда. 1926

Fig. 7. Grazia Deledda. 1926

Из статьи Чезаре Дж. де Микелиса можно узнать, что пасхальное письмо Деледды к А. Г. Достоевской было, скорее всего, первым, но отнюдь не последним письменным общением сардинской писательницы с семьей Достоевских [De Michelis]. 26 октября 1912 г. Деледда отправила письмо уже не вдове русского писателя, а его дочери Л. Ф. Достоевской. Письмо Деледды, обнаруженное итальянским исследователем в Российском государственном архиве литературы и искусства, является ответным на письмо Любви Федоровны. «Я сейчас читаю прекрасную вещь Вашего великого отца: “Кроткую” (так ли пишется?). Это одна из самых прекрасных и глубоких новелл, которые я когда-либо читала. Как я люблю Вашего отца! Мне

кажется, будто Он жив, а я ему говорю через пространство и прошу у него утешения и мужественности в жизни, и что он мне отвечает одним великим словом: “Любовь”, — такие пронзительные строки написала Деледда дочери Достоевского⁵⁵.

Из письма явствует, что две писательницы имели возможность встретиться («Я надеюсь Вас снова видеть в Риме, в моем доме»). Деледда с восторгом пишет о счастливой судьбе Любви Федоровны, которой выпало быть дочерью такого великого отца («Я время от времени думаю о Вас, что Вы должны быть так счастливы своей фамилией и своими воспоминаниями»).

В конце письма Деледда передает дочери писателя приветствие от своего мужа и, в свою очередь, просит передать сердечный привет Анне Григорьевне.

Де Микелис также опубликовал письмо композитора М. М. Иванова (1849–1927) к Констанце Мэлэ, жене музыканта и композитора Джованни Сгамбати (1841–1914), написанное в Санкт-Петербурге 11/24 сентября 1911 г. В нем Иванов рекомендовал госпоже Мэлэ «синьорину Эмэ Достоевскую»⁵⁶, единственную дочь знаменитого русского писателя» (Любовь Федоровна в тот период собиралась в Италию). Встреча дочери Достоевского с семьей Сгамбати состоялась: об этом свидетельствуют два письма Любви Федоровны к Констанце Мэлэ, второе из которых Де Микелис опубликовал. В нем Любовь Федоровна выразила свои соболезнования из-за кончины Дж. Сгамбати. Письмо М. М. Иванова и два письма Л. Ф. Достоевской хранятся, по свидетельству Де Микелис, в архиве Сгамбати (вероятно, семейный архив в Риме).

Де Микелис выдвинул версию, что дочь Достоевского познакомилась с Деледдой благодаря семье Сгамбати. Однако в статье исследователя никаких аргументов в поддержку этого предположения нет. Неизвестно также, кто первой познакомился с Деледдой — Анна Григорьевна или Любовь Федоровна, когда именно могло состояться общение этих женщин. Тем не менее, согласно письму Деледды к вдове Достоевского, личная встреча двух корреспонденток состоялась в Италии — до наступления Пасхи 1912 г.

Письма на итальянском языке, собранные А. Г. Достоевской, представляют двойную ценность: как автографы известных исторических личностей и как предметы коллекции жены великого писателя.

⁵⁵ См.: [De Michelis]. Перевод Стефано Алоэ.

⁵⁶ Л. Ф. Достоевская называла себя в Европе по-французски Эме (Aimée).

Список литературы

1. Алексеев М. П. Микеланджело Пинто: несколько данных к его характеристике по русским источникам // *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Roma, 1962. С. 23–41.
2. Алоэ С. Достоевский в итальянской критике // *Достоевский. Материалы и исследования*. 2013. № 20. С. 3–24.
3. Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2015. Т. 2. № 3. С. 84–95 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (15.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485
4. Бахрушин Ю. А. Воспоминания / рук. проекта и авт. предисл. Д. В. Родионов; подгот. текста, вступ. ст. Н. И. Сочинская. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2012. 540 с.
5. Бояджиев Г. Н. История западноевропейского театра. М.: Рипол Классик, 2013. 910 с.
6. Бушуева С. К. Эрнесто Росси и русский театр // *Записки о театре: русско-зарубежные театральные связи*: сб. тр. Л., 1968. С. 13–48.
7. Дергачева И. В. Рецепция художественного наследия Достоевского в творчестве итальянских писателей рубежа XIX–XX веков // *Достоевский и Италия*. СПб.: Алетейя, 2021. С. 323–243.
8. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: ООО «Бослен», 2015. 768 с.
9. Достоевский и Италия: коллективная монография / И. В. Дергачева [и др.]. СПб.: Алетейя, 2021. 454 с.
10. Лаврентьева С. И. 50 лет артистической деятельности Эрнесто Росси / сост. по мемуарам Э. Росси С. И. Лаврентьева; с предисловием Э. Росси. СПб.: А. М. Лесман, 1896. 317 с.
11. Ланский Л. Р. Коллекция автографов А. Г. Достоевской // *Памятники культуры: новые открытия*. М., 1977. С. 59–74.
12. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Акад. проект, 1999. Т. 3. 614 с.
13. Мурзина С. В., Новикова Е. Г. Образ Гарибальди в творчестве Ф. М. Достоевского // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 460. С. 37–45.
14. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. М.: [б. и.], 1957. 587 с.
15. Полунина Н. М. Коллекционеры России, XVII — начало XX вв. М.: РИПОЛ классик, 2005. 553 с.
16. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова; ред. коллегия Л. В. Алексеева, И. С. Андрианова, Е. Н. Валь, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова, О. А. Соосновская, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 560 с.
17. Шварц Н. В. «Гарибальди» у Достоевского: дополнения к комментарию // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 68–80 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1625870759.pdf (15.12.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361
18. Aloe S. Angelo De Gubernatis e il mondo slavo. Pisa: Tip. ed. Pisana, 2000. 316 p.
19. Aloe S. Una lettera inedita di Izmail Ivanovič Sreznevskij ad Emilio Broglio, ministro del Regno d'Italia // *Die slavischen Grenzen Mitteleuropas. Festschrift für Sergio Bonazza* / Hrsg. von S. Aloe. München: Otto Sagner, 2008. С. 23–31.
20. De Michelis C. G. Una lettera sconosciuta di Grazia Deledda alla figlia di Dostoevskij // *Nuova rivista europea*. 1981. No. 21. Pp. 58–61.

References

1. Alekseev M. P. Michelangelo Pinto: Some Data on His Characterization According to Russian Sources. In: *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Roma, 1962, pp. 23–41. (In Russ.)
2. Aloe S. Dostoevsky in Italian Criticism. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*, 2013, no. 20, pp. 3–24. (In Russ.)
3. Andrianova I. S. “Strakhov’s Slander”, or the Protest of Dostoevsky’s Widow and Nephew. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 84–95. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (accessed on December 15, 2021). (In Russ.)
4. Bakhrushin Yu. A. *Vospominaniya [Memoirs]*. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2012. 540 p. (In Russ.)
5. Boyadzhiev G. N. *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra [History of Western European Theater]*. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2013. 910 p. (In Russ.)
6. Bushueva S. K. Ernesto Rossi and Russian Theater. In: *Zapiski o teatre: russko-zarubezhnye teatral’nye svyazi: sbornik trudov [Notes About the Theater: Russian-Foreign Theatrical Relations: A Collection of Works]*. Leningrad, 1968, pp. 13–48. (In Russ.)
7. Dergacheva I. V. Reception of Dostoevsky’s Artistic Heritage in the Works of Italian Writers at the Turn of the 19th–20th Centuries. In: *Dostoevskiy i Italiya: kolektivnaya monografiya [Dostoevsky and Italy: Collective Monograph]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2021, pp. 323–243. (In Russ.)
8. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
9. *Dostoevskiy i Italiya: kolektivnaya monografiya [Dostoevsky and Italy: Collective Monograph]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2021. 454 p. (In Russ.)
10. Lavrent’eva S. I. *50 let artisticheskoy deyatel’nosti Ernesto Rossi [50 Years of Artistic Activity of Ernesto Rossi]*. St. Petersburg, A. M. Lesman Publ., 1896. 317 p. (In Russ.)
11. Lanskiy L. R. The Collection of Anna Dostoevskaya’s Autographs. In: *Pamyatniki kul’tury: novye otkrytiya [Monuments of Culture: New Discoveries]*. Moscow, 1977, pp. 59–74. (In Russ.)
12. *Letopis’ zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky’s Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 3. 614 p. (In Russ.)
13. Murzina S. V., Novikova E. G. The Image of Garibaldi in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2020, no. 460, pp. 37–45. (In Russ.)
14. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky’s Manuscripts]*. Moscow, 1957. 587 p. (In Russ.)
15. Polunina N. M. *Kollektsionery Rossii, XVII — nachalo XX vv. [Collectors of Russia, the 17th — Early 20th Centuries]*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2005. 553 p. (In Russ.)
16. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo [Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the humanities Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
17. Shwarts N. V. Dostoevsky’s Garibaldi: Additions to the Commentary. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 68–80. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1625870759.pdf (accessed on December 15, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5361 (In Russ.)
18. Aloe S. *Angelo de Gubernatis e il mondo slavo [Angelo De Gubernatis and the Slavic World]*. Pisa, Tipografia editrice Pisana Publ., 2000. 316 p. (In Italian)

19. Aloe S. Una lettera inedita di Izmail Ivanovič Sreznevskij ad Emilio Broglio, ministro del Regno d'Italia [An Unpublished Letter from Izmail Ivanovič Sreznevskij to Emilio Broglio, Minister of the Kingdom of Italy]. In: *Die slavischen Grenzen Mitteleuropas. Festschrift für Sergio Bonazza* [The Slavic Frontiers of Central Europe. Festschrift for Sergio Bonazza]. München, Otto Sagner Publ., 2008, pp. 23–31. (In German)
20. De Michelis C. G. Una lettera sconosciuta di Grazia Deledda alla figlia di Dostoevskij [An Unknown Letter from Grazia Deledda to Dostoevsky's Daughter]. In: *Nuova rivista europea*, 1981, no. 21, pp. 58–61. (In Italian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андреанова Ирина Святославовна, кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5663-9140>; e-mail: yarysheva@yandex.ru.

Irina S. Andrianova, PhD (Philology), Head of Web-laboratory of The Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5663-9140>; e-mail: yarysheva@yandex.ru.

Алоэ Стефано, PhD, доцент-исследователь по русской литературе, вице-президент Международного общества Достоевского, Университет Вероны (г. Верона, Италия); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1117-4423>; e-mail: stefano.aloe@univr.it.

Stefano Aloe, PhD, Associate Professor and Researcher of Russian Literature at the University of Verona, Vice-President of the International Dostoevsky Society (Verona, Italy); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1117-4423>; e-mail: stefano.aloe@univr.it.

Поступила в редакцию / Received 28.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.03.2022

Принята к публикации / Accepted 12.03.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

Когда неизвестное становится известным:

текстология, биография, критика

(Обзор книг, изданных по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре»)

О. Ю. Юрьева

Иркутский государственный университет

(г. Иркутск, Российская Федерация)

e-mail: yuolyu@yandex.ru

Аннотация. В обзоре проанализированы пять из тридцати книг, изданных по конкурсу Российского фонда фундаментальных исследований «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре»: Викторovich В. А., Захарова О. В. «Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881», «Даровое Достоевского. Материалы и исследования» (под ред. А. С. Бессоновой), «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля: коллективная монография» (П. Е. Фокин, А. В. Петрова, Е. М. Варенцова и др.), «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография» (под ред. Б. Н. Тихомирова), «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского» (под ред. И. С. Андриановой). В обзоре представлены основные темы и проблемы, затронутые исследователями, указывается, какие новые архивные документы и источники привлечены исследователями, какое значение имеют предпринятые авторами исследования для изучения биографии и творчества Ф. М. Достоевского и создания его новой научной биографии.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, архивные и печатные источники, научная биография, рукописное наследие, текстология, биография, критика

Для цитирования: Юрьева О. Ю. Когда неизвестное становится известным: текстология, биография, критика (Обзор книг, изданных по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре») // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 1. С. 124–155. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981

**When the Unknown Becomes Known:
Textual Criticism, Biography, Criticism
(Review of Books Published by the RFBR Competition
“Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky
in Russian and World Culture”)**

Ol’ga Yu. Yurieva

*Irkutsk State University
(Irkutsk, Russian Federation)*

e-mail: yuolyu@yandex.ru

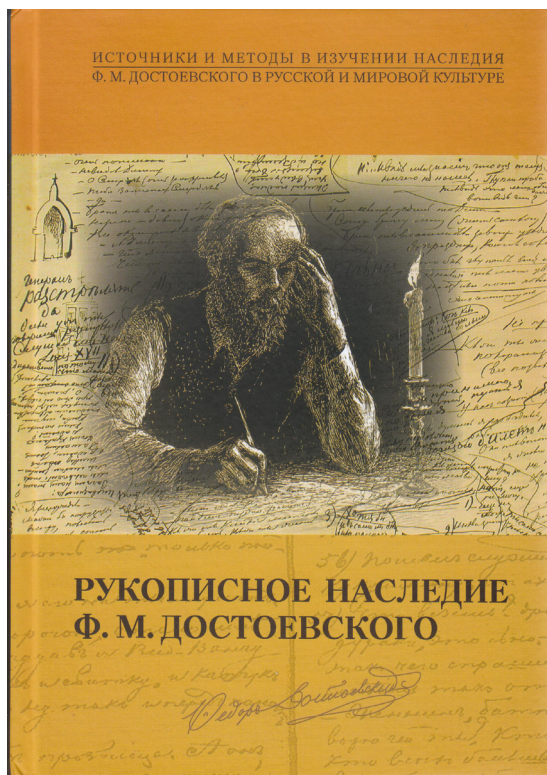
Abstract. Russian Academy of Sciences presents a number of books published by the Russian Foundation for Basic Research competition “Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.” They are Viktorovich V. A., Zakharova O. V. “F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881”; “Dostoevsky’s Darovoe. Materials and Research” (edited by A. S. Bessonova); “Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl: A Collective Monograph” (P. E. Fokin, A. V. Petrova, E. M. Varentsova and others); “New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. Collective Monograph” (edited by B. N. Tikhomirov); and “The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky” (edited by I. S. Andrianova). The review presents the main topics and problems raised by the researchers, indicates the new archival documents and sources used by the researchers, the significance of the research undertaken by the authors for studying the biography and creative work of F. M. Dostoevsky and creating his new scientific biography.

Keywords: F. M. Dostoevsky, archival and printed sources, scientific biography, manuscript heritage, textual criticism, biography, criticism

For citation: Yurieva O. Yu. When the Unknown Becomes Known: Textology, Biography, Criticism (Review of Books Published by the RFBR Competition “Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 124–155. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981 (In Russ.)

К 200-летию юбилею Ф. М. Достоевского по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре» было издано более 30 книг. Можно смело сказать, что это беспрецедентный случай в литературоведческой науке, я бы даже сказала, такой своеобразный коллективный научный подвиг, свидетельствующий и об огромном потенциале достоевистики, и о том пиетете перед именем великого русского классика, дань памяти, любовь к которому и признательность вылились в такие уникальные коллективные монографии. В круг проблематики этих книг вошли все вопросы актуальных изысканий в достоевистике: архивных, биографических, поэтологических, текстологических. Это целая библиотека новейших исследований, в которых отражены научные открытия, находки, прорывы, новые гипотезы и проникновения в тайны творчества гения. Рассмотрим некоторые из них.

Издание «**Рукописное наследие Ф. М. Достоевского**» (под ред. И. С. Андриановой) [Рукописное наследие] представляет собою новое систематизированное описание всех известных на сегодняшний день автографов Ф. М. Достоевского, а также копий и стенограмм его художественных и публицистических текстов, сделанных рукой жены писателя А. Г. Достоевской.

Илл. 1. «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского». СПб., 2021

Fig. 1. "The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky". St. Petersburg, 2021

Во вступительной статье И. С. Андриановой прослеживается краткая история и подчас драматическая судьба рукописей Достоевского — от счастливого спасения до трагической утраты и уничтожения. Как справедливо указывается, необходимость полного научного описания автографов Достоевского — документов первоочередной достоверности — назрела еще в советское время. Проблема сохранения рукописного наследия Достоевского состоит также в том, что рукописи и документы Достоевского разбросаны по всему миру, однако объединение их в один архив, как это ни парадоксально, проблему не решит. Процесс описания архивных документов — невероятно сложная и кропотливая работа, которая требует определенных знаний, навыков и т. д. Существовавшее ранее «Описание рукописей

Ф. М. Достоевского» (под ред. В. С. Нечаевой), вышедшее в 1957 г. [Описание рукописей], как верно отмечено, требует обновления и коррекции, так как уже неактуален, а для исследователей неудобен тематический принцип описания некоторых записей писателя: «...часть автографов Достоевского (пусть и небольшая) осталась вне поля зрения его составителей; автографы некоторых писем они не нашли и фиксировали их по первым публикациям или исключали из описания совсем; часть документов была им неизвестна и выявлена после 1950-х гг.; за время, прошедшее после выхода *Описания*, были установлены или уточнены датировки ряда писем и атрибуции» [Андрианова: 18].

Настоящее издание призвано решить задачу «систематизации всех основных актуальных данных об автографах Достоевского (их хранении, составе, содержании, первых публикациях)» [Андрианова: 20]. Несмотря на разнотематические записи, рукопись Достоевского берется «как отдельная архивная единица, *единый документ* в авторской последовательности» [Андрианова: 20]. Как полагают исследователи, «такой принцип описания облегчает исследовательский поиск и позволяет не потерять из виду существенные части рукописи» [Андрианова: 22].

Архивные материалы в книге разбиты на 10 разделов: «Записные книжки и тетради», «Рукописи произведений», «Записи в альбомах», «Записи на отдельных листах», «Записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью», «Письма», «Официальные документы и деловые бумаги», «Записи и пометы на книгах и письмах», «Дарственные надписи на книгах и photographиях», «Шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской».

Огромную важность и значимость представляемого труда трудно переоценить. Например, в первом разделе содержится описание «Записных книжек и тетрадей» Достоевского, представляющих собой «политематические материалы, позволяющие не только проникнуть в творческую лабораторию писателя: понять, как зарождались замыслы художественных произведений, как наполнялись они содержанием и приобретали форму, — но и узнать, какие бытовые вопросы заботили его в то время. Записные книжки и тетради содержат подготовительные материалы к ключевым произведениям писателя (романам «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы», «Подрусток»)» [Андрианова: 23].

Описание каждой записной книжки и тетради сопровождается скрупулезно составленным научным аппаратом, включающим указание на архивохранилище и шифр, общее описание документа (тематика, датировка, содержание, публикации частичные, полные или с исправлениями). Новая расшифровка, а также «анализ биографических данных и учет историко-литературного контекста» позволили исследователям «обосновать более точные датировки и последовательность заполнения книжек и тетрадей» [Андрианова: 24].

Большой интерес представляют для исследователей биографии и творчества писателя представленные в разделе записи о неосуществленных замыслах, черновики писем, различные записи, относящиеся к редакторской и издательской деятельности Достоевского, деловые и хозяйственные заметки и записи.

Составители нового описания рукописей отказались от некоторых разделов «Описания...» 1957 г. Рукописи Достоевского описываются в четырех разделах: «Рукописи произведений», «Записи в альбомах», «Записи на отдельных листах», «Записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью», а также в специальном разделе «Шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской».

В настоящее описание рукописей Достоевского включено более 90 не учтенных в «Описании...» 1957 г. эпистолярных автографов, в которых исправлены приблизительные или ошибочные датировки и атрибуция.

В исследовании отражена история бытования рукописей, указаны действительные места хранения. Описаны «Официальные документы и деловые бумаги» (Раздел VII). Очень интересен и значим Раздел VIII, в котором зафиксированы пометы Достоевского на книгах и письмах его корреспондентов, а также на официальных документах.

Составителями учтены пометы на 109 письмах и конвертах корреспондентов Достоевского. Большинство помет сделано Достоевским на письмах (и конвертах) от читателей «Дневника Писателя»: это говорит о том, что, несмотря на нехватку времени и болезнь, писатель старался ответить на самые важные и острые вопросы.

В Разделе IX описаны «Дарственные надписи на книгах и фотографиях». В заключительном X разделе настоящего издания расшифрованы и описаны «Шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской», которых в «Описании...» 1957 г. не было, так как в то время они еще не были известны.

Авторы этого фундаментального труда (М. В. Заваркина: разделы I, II, III, IV, V, X, Т. В. Панюкова: разделы I, VI, VIII, И. С. Андрианова: разделы II, VI, VIII, Е. Н. Вяль: раздел II, О. А. Сосновская: раздел VI, Л. В. Алексеева: разделы VI, VIII, Б. Н. Тихомиров: разделы VII и IX) проделали поистине неоценимую работу, систематизировав и дополнив известные и введя в научный оборот неучтенные ранее документы рукописного наследия Достоевского. И вполне оправданы надежды редактора издания И. С. Андриановой, что книга поможет «по достоинству оценить значение собирательской и архивной деятельности А. Г. Достоевской, а также станет для исследователей путеводителем по фондам писателя, увлечет их архивными поисками и тем самым явится стимулом для дальнейшего развития науки о Достоевском» [Андрианова: 32].

Особое внимание привлекает и коллективная монография **«Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля»** (П. Е. Фокин, А. В. Петрова, Е. М. Варенцова и др.) [Неизвестные и малоизвестные источники]. Как указал в предисловии руководитель проекта П. Е. Фокин, исследование направлено «на выявление и интерпретацию тех данных, которые по каким-либо причинам или оказались вне поля зрения исследователей, или же были востребованы частично, так сказать, факультативно» [Неизвестные и малоизвестные источники: 17].

Илл. 2. «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля». СПб., 2021

Fig. 2. “Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl”. St. Petersburg, 2021

В книге переосмысливается само понятие *факт биографии*: «...под *фактом биографии* следует понимать не отдельно взятое событие жизни человека, а некую *картину жизни*, в рамках которой совершается это событие. В эту картину жизни входят как вполне очевидные *элементы* события, а именно — место действия, время, обстоятельства, социальные партнеры, так и менее

явные (но не менее значимые, а порой — решающие) их *ракурсы*, как то: расположение в пространстве, синхронизация, активность и интенсивность взаимодействия, физическое и психическое состояние человека, его система ценностей, уровень осведомленности и т. п. В таком понимании факт биографии не может быть только абстрактной констатацией произошедшего, но всегда должен заключать в себе аналитическое восхождение к конкретике его проявления. Только в таком случае набор поступков и действий человека становится фактом его биографии, которая, в свою очередь, является не линейной фиксацией событий в порядке их хронологической последовательности, а *романом*, раскрывающим уроки судьбы» [Неизвестные и малоизвестные источники: 17–18].

В книге представлены биографические материалы, относящиеся к разным периодам жизни Достоевского, и в основной массе они не меняют общего представления о биографии писателя. Но «в каждом содержится информация, позволяющая дополнить известные факты биографии новыми элементами событий, уточнить их ракурс» [Неизвестные и малоизвестные источники: 18].

Книга состоит из трех частей. «В первой представлены материалы, хранящиеся в отделе рукописных фондов ГМИРЛИ и имеющие непосредственное отношение к жизни Достоевского» [Неизвестные и малоизвестные источники: 18]. Сюда относятся: текстовые материалы (письма, записки и заметки, тетради из собрания А. Г. Достоевской); визуальные материалы (официальные документы Достоевского, описывающие его отношения с государством и общественными организациями, документы, принадлежавшие родственному окружению писателя, печатная продукция театров, связанная с постановками конца XIX — начала XX в. произведений Достоевского на российской и зарубежной сценах). По записям обыскных книг церкви Сошествия Святого Духа на апостолов села Моногарова приводятся собранные сведения о Достоевских в Даровом; скрупулезно анализируются, комментируются и восстанавливаются неизвестные детали воспоминаний А. Е. Ризенкампа о молодом Достоевском. Представлена последняя газета, прочитанная Ф. М. Достоевским, что позволило добавить «дополнительные штрихи к картине интеллектуальной жизни Достоевского его последних земных дней» [Неизвестные и малоизвестные источники: 85]; собранные в книге телеграммы разных лиц к А. Г. Достоевской с соболезнованиями в связи со смертью Ф. М. Достоевского сопровождаются комментариями об их авторах и включаются в широкий контекст скорби о кончине великого писателя; в приложении как материалы к творческой биографии Ф. М. Достоевского опубликованы вырезки из газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1865 г.

Во второй части описываются забытые и пропущенные фрагменты воспоминаний о Ф. М. Достоевском в собрании газетных вырезок А. Г. Достоевской, выявлено несколько неучтенных и пропущенных публикаторами

заметок, представляющих интерес для биографов Достоевского, а в комментариях к заметкам восстанавливаются интереснейшие подробности о жизни писателя, о круге его общения, обнаруживаются адреса, связанные с именем Достоевского. Авторы исследуют особенности восприятия романов Ф. М. Достоевского газетными критиками конца 1860–1870-х гг., замечая, что, чем самобытнее текст, тем большее непонимание он вызывал со стороны рецензентов. Понимал это и сам Достоевский и поэтому не ждал одобрения от критики, а «противоречивые и сильные впечатления от романов Достоевского порой были причиной не вполне положительных отзывов газетных рецензентов» [Неизвестные и малоизвестные источники: 162].

В книге характеризуются особенности критических подходов того времени, определяются основные критерии оценки произведений критиками. Благодаря авторам книги, представившим собрание газетных вырезок Анны Григорьевны Достоевской, мы можем ознакомиться с откликами газетной периодики 1873–1874 гг. на «Дневник Писателя» 1873 г. Особенность откликов во многом определялась тем, что Достоевским сразу был взят курс на полную свободу в выборе тем и форматов разговора с читателем в «Дневнике Писателя». Достоевский «воплощал собой иной подход к журналистике» [Неизвестные и малоизвестные источники: 172]. А. В. Петрова показывает широкий спектр оценочных откликов, в которых критики то характеризовали выпуски «Дневника Писателя» как «нервически-вызывательные» [Неизвестные и малоизвестные источники: 168], то иронизировали над рассказанными писателем историями, то демонстрировали высокую степень непонимания Достоевского, нежелания услышать его тревогу и грусть от происходящего, то допускали резкие, сатирические выпады в адрес автора «Дневников», то расценивали «Маленькие картинки» как этически недопустимый в печати текст, то искажали, придавали «обратный» смысл пересказываемым главам «Дневника». А. В. Петрова представляет картину конкурентной борьбы и полемики между изданиями, показывает тенденции развития прессы 1870-х гг., влияние на нее социально-экономических процессов и определенной идеологии.

В разделе книги «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как культурное, общественное и информационное событие 1880 года» П. Е. Фокин и А. В. Петрова предлагают захватывающее повествование с увлекательным сюжетом и закрученной, как пружина, интригой и эмоциональным напряжением, которое как будто из девятнадцатого века переключалось на страницы современной книги и захватило читателя века двадцать первого.

По отзывам на речь Достоевского авторы пытаются ответить на вопрос: «Что вызвало такой бурный восторг, похожий на массовую истерию?» Люди почувствовали потрясение, единение, воодушевление, истинное преображение, но, как показывают авторы, в многочисленных откликах на речь (95 публикаций, посвященных выступлению Достоевского), выявились и все внутренние противоречия в российском обществе, борьба мнений, скрытая

и открытая вражда между общественными и идеологическими группами и между писателями и критиками. Как показывают П. Е. Фокин и А. В. Петрова, «Пушкинская речь» Достоевского *«сама по себе — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием 1880 года. Вне зависимости от того, как приняли слова Достоевского его адепты и оппоненты, они прочно вошли в сознание русской читающей публики как исключительные, вдохновенные, жгущие — пророческие. Последовавшая вскоре смерть Достоевского придала им статус “духовного завещания”»* [Неизвестные и малоизвестные источники: 224].

В обзоре истории переводов произведений Достоевского П. Е. Фокин показывает, как Европа знакомилась с русским писателем. В течение двадцати лет, с 1881 и до конца XIX в., было осуществлено более 140 переводов на иностранные языки. «Лидерами оказались немцы — 44 перевода». Переведен был «фактически весь Достоевский, кроме двух-трех небольших рассказов». «Следом за немцами идут французы — 31 перевод. Далее — англичане (10) и итальянцы (8). Довольно активно переводился Достоевский на скандинавские языки: 10 переводов на датский, 9 — на норвежский, 6 — на шведский, 4 — на финский (в сумме — 29 переводов). На венгерский язык переведено 6 произведений, на сербский — 5, столько же на хорватский» [Неизвестные и малоизвестные источники: 227].

Параллельно с переводами появляется на европейских языках и критика — «аналитические статьи об отдельных произведениях, общие обзоры творчества Достоевского, биографические заметки о нем, циклы лекций и монографии» [Неизвестные и малоизвестные источники: 227]. Указывается количество переводов отдельных произведений на разные языки. Приводятся свидетельства об интересе за рубежом к русской литературе, отклики зарубежных критиков на публикацию произведений Достоевского и даже факты недовольства «французских писателей, в частности Золя, конкуренцией, которую составляет им Достоевский и вообще русские писатели» [Неизвестные и малоизвестные источники: 234].

Рассмотрены П. Е. Фокиным и Т. О. Борецким и первые постановки романа Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в европейских театрах в оценке русских корреспондентов. Во всех подробностях воссоздается постановка «Преступления и Наказания» в театре «Одеон» в Париже 1888 г., инсценировка «Преступления и Наказания» О. Цабеля и Э. Коппеля 1890 г. в Берлине, в театре «Лессинг Театр».

Не менее интересным видится рассказ о первых постановках романов Ф. М. Достоевского на русской сцене в зеркале прессы («Преступление и Наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»).

В третьей части дается описание материалов, связанных с именем Достоевского, из фонда фотографий ГМИРЛИ. Очень подробные, подчас полемические комментарии к фотографиям вызывают неподдельный интерес,

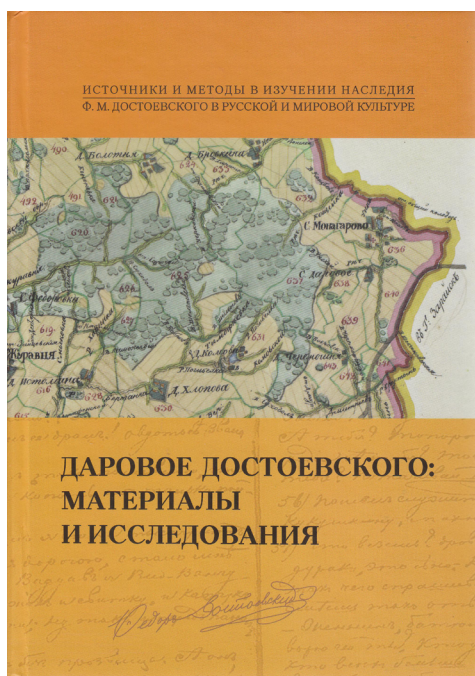
оживляют представления об эпохе, о времени, о перипетиях судьбы великого писателя.

Разыскания авторов органично включаются в общую творческую биографию, помогают выявить очень важные и интересные подробности, касающиеся воззрений, творческих замыслов Достоевского и особенностей их воплощения в его произведениях.

Как верно замечает П. Е. Фокин, «влияние гения, в нашем случае Достоевского, на мировую культуру ставит вопрос не только перед историками культуры, но и перед исследователями его биографии, ибо жизнь гения несомненно продолжается и после его физической кончины. От года к году она прирастает новыми событиями и фактами, порожденными его духовным наследием. Его мысль, его чувство, его взгляд на мир, запечатленные в слове, звуке, визуальном образе или знаке, воздействуют на действительность в гораздо большей степени, чем в дни его земной жизни. Изучение этой формы бытия человеческой личности также входит в компетенцию биографов» [Неизвестные и малоизвестные источники: 18].

В книге публикуются ценные документы, фотографии, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

История усадьбы Даровое представлена в коллективной монографии «Даровое Достоевского: материалы и исследования» (под ред. А. С. Бессоновой) [Даровое Достоевского]. В монографии представлены многочисленные архивные и печатные источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Монография очень важна для создания современной

Илл. 3. «Даровое Достоевского: материалы и исследования». Коломна, 2021

Fig. 3. "Dostoevsky's Darovoe. Materials and Research". Kolomna, 2021

научной биографии Ф. М. Достоевского, так как не только восполняет «темные места», не изученные ранее фрагменты биографии писателя, но и по-новому представляет некоторые полемические моменты.

Воссоздание истории Дарового тем более важно, что сам Достоевский признавал, какое «глубокое и сильное впечатление» оставило в нем это «маленькое и незамечательное место»¹.

В первой главе «Достоевские-помещики. История имения по архивным документам» Т. Н. Дементьева и Л. А. Воронкина воссоздают историю Дарового, уточняют, корректируют сведения об истории усадьбы, пытаются по-новому взглянуть на нее, используя предшествующие исследования и разыскания, публикуют новые архивные документы, старинные планы и атласы, картографические источники.

Дорогое сердцу писателя имение, представленное в окружении знакомых по использованному Достоевским в произведениях названиям сел и деревень, воссоздается авторами во всех подробностях ландшафта, природы, которая буквально «оживает»: так и видишь речушки, овраги, луга, пашни, пустоши, леса и сады. Подобно перипетиям человеческой судьбы, прочитывается история имения. Исследователи уточнили многие данные о размере имения, его действительной стоимости, количестве ревизских душ. Выявили истинные причины тех или иных манипуляций с имением: продаж, залогов, деления и т. д. Очень важно для научной биографии Достоевского и приложение, в котором опубликованы новые архивные документы.

Во второй главе «Даровое в эго-документах семьи Достоевских. Опыт реконструкции» (Т. Н. Дементьева, И. А. Боголюбская, Д. А. Сабирова) анализируются различные документальные источники, рассказывающие о жизни семьи Достоевских в Даровом. Например, сравнивая книгу В. С. Нечаевой [Нечаева] (1939) и «Воспоминания» А. М. Достоевского [Достоевский], авторы подчеркивают, как по-разному представляют авторы жизнь Достоевских в имении, их отношения с крестьянами, имущественное положение, даже окружающую имение природу. Вопреки мнению В. С. Нечаевой, которое утвердилось в науке, «Г. А. Федоров в своих работах реабилитирует не только отца Достоевского, но и Даровое — как “святыню для души” писателя» [Федоров: 192–193]. Воссоздается обстановка имения, показано наполнение будней, заботы хозяев, блюда, появлявшиеся на столе, распорядок дня, деревенский досуг, развлечения и занятия детей, круг их чтения и любимые книги, игры. Пишут авторы и о близких, теплых отношениях детей с крестьянами, показывают, какое значение в формировании мироощущения Достоевского сыграла природа Дарового, «лесок Брыково», общение с крестьянскими детьми.

Авторам удалось убедительно опровергнуть ставшие расхожими утверждения о том, что имение в Даровом приносило только убытки и несчастья семье Достоевских, что супруги Достоевские (и особенно Михаил Андреевич)

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 172.

были жестокими крепостниками, что окрестности Дарового были однообразными и невыразительными.

Убедительно и наглядно авторы показали, как впечатления, полученные Достоевским в детстве в Даровом, откликнулись в его произведениях.

«Ландшафт Дарового (по архивным документам и натурным исследованиям)» представлен в третьей главе монографии Л. А. Воронкиной. Автор группирует рассыпанные по различным произведениям и письмам Достоевского описания окрестностей Дарового. Чтобы восстановить тот исторический ландшафт, который открывался взору Достоевского, автор обращается к планам и атласам Каширского уезда, планам отдельных межевых дач, входивших в состав землевладения Достоевских, а также к «Экономическим примечаниям» и межевым делам, хранящимся в архивах Москвы и Тулы (РГАДА, ЦГА Москвы, ГАТО). Почти все текстовые документы относятся к концу XVIII в.

Используя различные упоминания в произведениях, письмах Достоевских, сравнивая различные описания, автор устанавливает, где находился «Брыков лес», знаменитая «Федина роща» и другие упоминаемые Достоевским знаковые для него места.

К тексту прилагаются планы пустошей, сел, фотографии ценных архивных документов с автографами Достоевских, сравнительные схемы имения и сел, планы дач Каширского уезда и другие иллюстративные подтверждающие документы.

Как показали разыскания автора, «ландшафт центрального усадебного ядра и прилегающей территории в большинстве своём хорошо сохранился и достаточно близок к 1840–1850-м гг. Сохранились речки и овраги, бывший Венёвский тракт (Серебряно-Прудское шоссе) и часть старых просёлочных дорог, в том числе фрагмент въездной аллеи, дорога на Моногарово, живописные холмы и лощины, леса и луговые пространства, обширные возделываемые поля» [Даровое Достоевского: 170].

И очень важно, что, несмотря на все утраты и некоторые ошибки в реставрации, в Даровом и его окрестностях продолжает сохраняться «неповторимый дух мемориальной усадьбы Достоевских» [Даровое Достоевского: 171].

Как полагает автор четвертой главы «Церковная жизнь семьи Достоевских (по материалам архива храма Сошествия Святого Духа в Моногарове)» А. С. Бессонова, «деревенские впечатления героев Достоевского — явный признак автобиографического начала в произведении, что говорит о силе и важности этих воспоминаний» [Даровое Достоевского: 173].

Жизнь семьи Достоевских была тесно связана со Свято-Духовским храмом в Моногарове. Автор прослеживает историю храма, выявляя тесные связи семьи Достоевских с храмом и священнослужителями. Излагает автор и интересную версию смерти отца писателя, связанную со священником Моногаровского храма. Очень интересны и значимы разыскания автора,

касающиеся не только легенды о гибели М. А. Достоевского, но и предания о месте его захоронения.

«Крестьянский мир Дарового» представлен А. С. Бессоновой, А. Ю. Козловой в пятой главе монографии. Церковную летопись, письма родителей, романы и публицистику Достоевского авторы рассматривают как некий гипертекст, обращение к которому наполняет «живой жизнью» ставшее «общим местом» утверждение, что в Даровом Достоевский постигал крестьянскую Россию [Даровое Достоевского: 217]. По церковной ведомости 1832 г. авторы восстанавливают имена друзей детских игр Достоевского, среди которых были в основном крестьянские дети. За счет множества незначительных деталей, которые становятся понятны только при взаимодействии с документальными источниками, авторы восстанавливают Даровской контекст романа «Братья Карамазовы» и утверждают, что «впечатления детства», нашедшие своё воплощение в творчестве Достоевского <...>, значительно глубже, чем прямые отсылки в именах персонажей, топонимах, сюжетных поворотах», что «языковой материал для “народных” эпизодов своих произведений Достоевский черпал не только на каторге. Яркие, характерные слова, выражения, фонетическая и грамматическая специфика народной речи могли непроизвольно врезаться в память, подобно Чермашне (не Черемошне!), о чем убедительно свидетельствует очень интересное и глубокое исследование языкового пространства Дарового, Моногарова и Черемошни [Даровое Достоевского: 223, 227].

«Деревенский круг знакомых семьи Достоевских в мемуарах, письмах, архивных документах» представлен А. С. Бессоновой в шестой главе. Особое внимание уделено семейству Хотяинцевых, Николаю Павловичу Елагину, сыгравшему особую роль в жизни Достоевских, Александру Егоровичу Дружинину и другим знакомым Достоевских, имена, черты характеров и судеб которых отзываются в произведениях писателя.

В седьмой главе Г. С. Прохоров исследует «Смерть М. А. Достоевского в перекрёстном анализе архивных документов, семейных и фольклорных преданий». Автор справедливо указывает, что внимание к смерти М. А. Достоевского превышает в достоевковедении степень внимания к любому другому событию в жизни писателя. Автор отмечает, что «с естественно-научной точки зрения проблема смерти М. А. Достоевского никогда не ставилась», и замечает, что «с момента появления версии об убийстве последняя перестала быть просто фактом жизни семьи Достоевских (пусть даже глубоко травмирующим), превратившись в факт творческой биографии, призванный объяснить ряд особенностей художественного мира Ф. М. Достоевского» [Даровое Достоевского: 300].

Автор связывает историю мифа о смерти отца писателя со статьей Н. Михайловского «Жестокий талант» и желанием современников объяснить истоки «жестокости» писателя известием о смерти отца, спровоцировавшим появление эпилепсии.

Мемуарные свидетельства Л. Ф. Достоевской, по мнению автора, «существуют в состоянии принципиальной мультиверсивности», противоречат воспоминаниям А. М. Достоевского [Даровое Достоевского: 304].

Привлекая логические доводы, сопоставляя версии, прибегая к лингвистическому анализу текстов свидетельств, Г. С. Прохоров приходит к выводу, что выстроенные В. С. Нечаевой, Л. П. Гроссманом, антропологом и египтологом М. В. Волоцким версии «объединяет только отношение к смерти М. А. Достоевского как к вскрывающему ключу к творчеству Ф. М. Достоевского» [Даровое Достоевского: 308].

Рассматривая существующие мифические версии смерти (миф первый — психоаналитическая версия, миф второй — марксистская версия), автор анализирует происхождение этих мифов, их основу, показывая, что их происхождение связано с теми или иными мировоззренческими установками продуцирующих их ученых: «В 1920-е годы окончательно сложилась мифология об убийстве М. А. Достоевского. Убийство должно было быть, потому что такой ход событий отвечал догматическим положениям фрейдизма и — парадоксальным образом одновременно — марксистско-ленинской классовой теории» [Даровое Достоевского: 314].

Вопреки имеющейся традиции, Г. С. Прохоров делает попытку «прочитать источники из разных эпох как полифоничные голоса из разных социальных групп и разных эпох», «вскрыть текстоформирующую логику, которой руководствовались (и руководствуются ныне) авторы (и носители) источников, восстанавливает процессуальную и судебно-медицинскую практику первой половины XIX века, чтобы понять, как велось расследование» [Даровое Достоевского: 314]. Автор поясняет, как «сформировались и развивались нарративы об убийстве М. А. Достоевского в Даровом и его окрестностях и почему эти нарративы всплыли на поверхность в 1920-е гг., а также почему мысль о насильственной смерти была воспринята семьей умершего» [Даровое Достоевского: 314].

Исследователь идет двумя путями, определив композицию исследования, которое делится на две части: «интерпретативную и документальную» [Даровое Достоевского: 314]. Впервые последовательно прочитаны «в контексте норм процессуального права и судебно-медицинских практик 1830–1840-х гг.» [Даровое Достоевского: 315] сохранившиеся от следствия материалы, выстроена хронология событий, рассмотрены процессуальные нормы в расследовании смерти М. А. Достоевского.

Исследователь показывает историко-социальные причины настойчивого повторения нарратива о насильственной смерти в разное время: «Таким образом, фольклорный сюжет о М. А. Достоевском, зародившийся в 1839 г. в кругу Хотяинцевых, сформировал популярную локальную традицию, которая продолжается в Даровом и окрестностях до сих пор, время от времени выплываясь в биографическую литературу о Достоевском, школьные учебники по литературе, Интернет. Сюжет подчиняется общим законам бытования фольклорного нарратива» [Даровое Достоевского: 366].

И хотя автор напрямую не высказывает свою точку зрения, по направленности и содержанию его исследования становится очевидно, что общепринятая версия смерти М. А. Достоевского как убийства крестьянами ненавистного жестокого помещика несостоятельна и имеет почти фольклорное, мифологическое происхождение и значение.

В восьмой главе монографии Ю. А. Зевалд представляет «Имение Достоевских второй половины XIX — начала XX вв. (по переписке семьи Ивановых)». Значимость такого исследования несомненна, ведь «жизнь провинциальной усадьбы — особое явление русской культуры, яркая иллюстрация той или иной эпохи и традиций, с нею связанных. Не является исключением и усадьба Достоевских Даровое» [Даровое Достоевского: 389]. А обширная переписка хозяев имения Ивановых «по-своему уникальна, поскольку здесь из отдельных бытовых подробностей складывается целостная картина жизни в усадьбе Достоевских во второй половине XIX — начале XX века» [Даровое Достоевского: 389].

Из переписки Ивановых мы узнаем об изменениях во внешнем облике усадьбы, о перипетиях жизни большого семейства, о разделе имения и появлении новых жилых и хозяйственных построек, о благоустройстве имения, о жизненном укладе семьи, семейных традициях, совместных праздниках, о ведении хозяйства, участии в продаже скота, мяса, урожая на ярмарках, о доходах с имения, о взаимоотношениях даровских помещиц с крестьянами, помощи нуждающимся, о материальных затруднениях хозяев, о частичной продаже имения и, наконец, о возникновении там музея. Перед нами интереснейшие подробности жизни дорогого сердцу писателя имения после его смерти.

В девятой главе В. А. Викторovich предлагает совершить «Путешествие в Даровое» и показывает, как «семья и усадьба» отразились в жизни и творчестве Достоевского. Исследователь полагает, что «историко-генетическое постижение творческой личности» [Даровое Достоевского: 425] необходимо для того, чтобы составить более полное и глубокое представление о творчестве писателя.

Как отмечает В. А. Викторovich, «активизировавшаяся в последнее время работа исследователей истории Дарового, отыскивающих по архивам следы той давно ушедшей жизни, в конечном итоге и должна открыть то “сцепление косвенных событий”, которое *воскресит* (по гениальному соображению Николая Фёдорова) так недостающие нам живые образы ранней биографии Достоевского, те “мелкие незаметности”, из которых складывалось лето его детства» [Даровое Достоевского: 427].

Как показывает автор, уже в рассказе «Мужик Марей» очевидно явлен «возвратный механизм человеческой жизни» [Даровое Достоевского: 428], а в художественном топосе Достоевского детские воспоминания возвращают нас к «Бедным людям», к «даровским» по своей генетике впечатлениям Вареньки. По-своему отзовутся они и в «Хозяйке», и в романе «Униженные

и Оскорбленные». В. А. Викторovich показывает, как «неприметные» воспоминания детства воплощаются в пространственных и природных образах произведений писателя, как «через детские воспоминания героев чаще всего оттеняется “немое и глухое” пространство Петербурга» [Даровое Достоевского: 434] в «Преступлении и Наказании», как и открывшаяся перед Раскольниковым бесконечная библейская панорама, свидетельствующая об изменениях в душе героя в эпилоге. Как справедливо полагает В. А. Викторovich, «подобным же образом Достоевский выведет Степана Трофимовича Верховенского из запертого бесами города на открытое пространство дороги. Более сложный, но столь же динамичный диалог пространств наблюдаем в «Братьях Карамазовых» — с внезапно открывающейся вертикалью (сон про “дитё” Дмитрия, “Кана Галилейская” Алексея)» [Даровое Достоевского: 434]. Даровое, по мнению исследователя, «подарило Достоевскому волнующий в своей “вертикали” пространственный образ России» [Даровое Достоевского: 434].

Обращаясь к июльско-августовскому «Дневнику Писателя» 1877 г., автор выдвигает и подтверждает своим исследованием гипотезу, что «весь этот выпуск — плод предпринятого незадолго, 20–21 июля, путешествия в Даровое», причем путешествия «не в географическом, а, так сказать, в ментальном смысле» [Даровое Достоевского: 435].

Как убедительно показывает автор, роман «Братья Карамазовы» тоже во многом воплощает в своей ткани не только детские воспоминания, но и впечатления и думы того же путешествия.

Исследование В. А. Викторovichа представляет собою удивительный повествовательный сплав, основанный на документальных фактах и тончайшем филологическом анализе произведений Достоевского, что лучше всего убеждает в верности выдвинутых автором предположений о связи детских впечатлений со всем творчеством писателя.

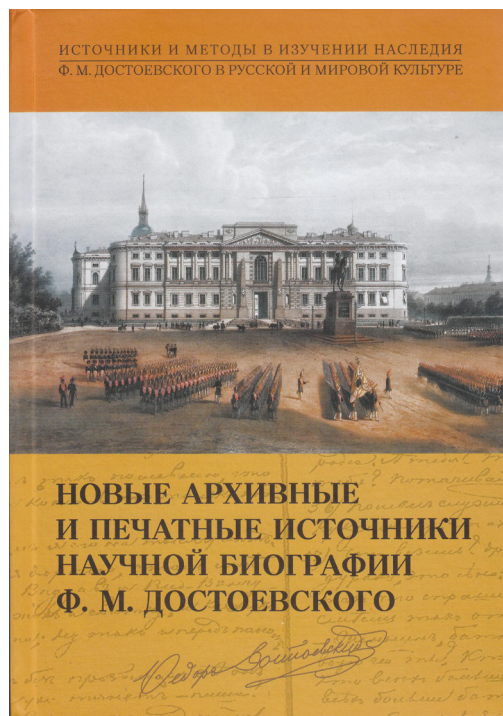
Последняя глава монографии — восстановленная по архивным документам «Летопись Дарового. XX — начало XXI вв.» (Т. Н. Дементьева, И. А. Боголюбская, Л. И. Максимова), в которой перед нами предстает увлекательная история превращения Дарового в музей и связанные с этим события в его судьбе.

Очень важно и значимо для современной науки, что исследование осуществлено с широким использованием не публиковавшихся ранее архивных материалов и привлечением редких печатных источников XIX в.

Коллективная монография **«Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского»** под редакцией Б. Н. Тихомирова [Новые архивные и печатные источники] рассматривается авторами как «подготовительный этап предстоящей работы над полной научной биографией Ф. М. Достоевского» [Новые архивные и печатные источники: 3]. Монография посвящена малоизученным периодам жизни и творчества

писателя и подготовлена в рамках реализации проекта «Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые архивные и печатные источники», поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Важнейшей предпосылкой разработки этого масштабного и значимого для науки проекта является то, что «ни в отечественной, ни в мировой науке до сих пор нет полной научной биографии великого писателя, основанной на строго документальном фундаменте и построенной с учетом всей совокупности существующих печатных и архивных источников» [Новые архивные и печатные источники: 3].

Исследование Б. Н. Тихомирова «Когда родился отец Достоевского?» представляет собой «Опыт критического анализа и систематизации источников» [Новые архивные и печатные источники: 8]. Автор показывает, что в вопросе о дате рождения М. А. Достоевского царит разнобой и на протяжении без малого ста лет исследователи сталкиваются с этой проблемой. Б. Н. Тихомиров делает подробный обзор как имеющихся в распоряжении

Илл. 4. «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского». СПб., 2021

Fig. 4. "New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. St. Petersburg, 2021

исследователей разнородных материалов, так и различных их интерпретаций и приходит к выводу, что приводимые исследователями указания на год рождения М. А. Достоевского противоречат друг другу. Исследователь подвергает скрупулезному анализу и сопоставлению все имеющиеся на сегодняшний день источники и работы с указаниями на дату рождения отца писателя и приходит к выводу, что «твердых фактов, позволяющих однозначно установить год рождения М. А. Достоевского <...>, пока не обнаружено» [Новые архивные и печатные источники: 25]. И, как подытоживает Б. Н. Тихомиров свое исследование, верно заключение, сделанное десять лет назад Н. Н. Богдановым и А. И. Роговым, что вопрос о точной дате рождения М. А. Достоевского может быть решен «только после обнаружения записи о его крещении [Богданов, Роговой: 82]» [Новые архивные и печатные источники: 25].

В статье «“Сто четыре священные истории...” И. Гибнера в жизни и творческой работе Достоевского» Б. Н. Тихомиров и Н. А. Тихомирова отмечают, что книга И. Гибнера давно должна была привлечь внимание исследователей, так как, по воспоминаниям А. М. Достоевского, книга «Сто четыре Священных Истории Ветхого и Нового Завета» была первой книгой для чтения в семье Достоевских, по ней маленький Федя учился читать. Разыскав потом эту книгу, Достоевский берег ее «как Святыню» [Достоевский: 66], а старец Зосима сохранял «как драгоценную память»² [Новые архивные и печатные источники: 27–28].

Как замечают авторы, «парадоксальное невнимание исследователей к книге И. Гибнера выразилось и в том, что никто из специалистов по Достоевскому не обращался к содержанию “Ста четырех священных историй...”», не потрудились описать, какие же сюжеты Священного Писания были первыми, с которыми будущий писатель познакомился в самом раннем детстве (аспект биографический). Никто не ставил и вопроса об отражениях впечатлений Достоевского от книги И. Гибнера в его художественных произведениях» [Новые архивные и печатные источники: 29].

И именно этот комплекс проблем исследуют авторы в представленной статье, опровергая установившиеся представления о том, что в семье Достоевских было издание «последней трети XVIII — самого начала XIX в. в переводе с латинского языка, выполненном Матвеем Соколовым» [Новые архивные и печатные источники: 30]. Все они выходили без иллюстраций, а А. М. Достоевский в воспоминаниях упоминает об иллюстрациях из книги (Сотворения мира, Пребывания Адама и Евы в раю, Потопа и др.). Авторы сопоставляют известные в науке гипотезы, полемизируют с О. А. Дехановой [Деханова], скрупулезно анализируют упоминания о книге в воспоминаниях А. М. Достоевского и выдвигают гипотезу, что мемориальные «Сто четыре священные истории...» «были обнаружены Достоевским в семье его сестры Веры Михайловны Ивановой во время посещения писателем

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. С. 264.

в июле 1877 г. сельца Дарового в Каширском уезде Рязанской губернии, где подростком в 1830-е гг. в имении родителей он проводил летние месяцы» [Новые архивные и печатные источники: 32]. Восстанавливается и вся «линейка» изданий книги в переводе В. Богородского.

Авторы предполагают, что в семейной библиотеке Достоевских должен был быть перевод книги И. Гибнера, выполненный Василием Богородским. Установлено, что «экземпляр книги И. Гибнера 1815 года издания, находившийся в коллекции А. Г. Достоевской, ныне хранится в книжном фонде Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля» [Новые архивные и печатные источники: 38]. Но и это не стало последней точкой в исследовании проблемы. Выяснилось, что «в домашней коллекции А. Г. Достоевской находилось два издания “Ста четырех священных историй...” — 1815 и 1819 гг., и она какое-то время колебалась, какое из них передать в московский музей. В конечном счете к 1906 г. были переданы оба: издание 1815 года зарегистрировано в основном разделе Каталога, а 1819 года — в “Дополнении”. Однако — и это исключительно важно! — указание печатного Каталога на то, что “Сто четыре священные истории...” 1819 года поступили в коллекцию вдовы писателя “после составления указателя”, *оказывается недостоверным*» [Новые архивные и печатные источники: 39].

Сопоставляя два издания «Ста четырех священных историй...» (1815 и 1819), авторы решают вопрос, какая же из них является мемориальной, и для решения обращаются к проблеме отражения книги в работе Достоевского над романом «Братья Карамазовы», которая до сих пор не была поставлена в научной литературе. Установление того факта, что во время создания романа Достоевский обращался к книге Гибнера, позволяет внести существенные и очень ценные и важные дополнения в комментарий к роману, уточнить существующий академический комментарий, касающийся детского знакомства Достоевского с историей ветхозаветного многострадального Иова.

Скрупулезное изучение авторами проблемы о том, какое издание книги Гибнера в библиотеке Достоевского можно полагать мемориальным, приводит авторов к заключению, что установить это пока не представляется возможным, как и то, по какому конкретному тексту будущий писатель «учился читать». Но, несомненно, проведенные авторами изыскания помогут исследователям установить эти факты.

В статье Б. Н. Тихомирова «К проблеме генезиса “итальянской мечты” Достоевского Радклиф или псевдо-Радклиф?» рассматриваются проблемы детского чтения Достоевского. Писатель признавался, какое сильное впечатление произвели не него в юности произведения Анны Радклиф, сформировавшие у него мечту совершить путешествие по Италии, а персонажи ее книг (Альфонсы, Катарини, Лючии, доны Педро и доньи Клары) буквально «въелись» в его голову [Новые архивные и печатные источники: 61]. Автор отмечает интереснейшую комментаторскую проблему: в романах

Радклиф, которые были переведены в России в начале XIX в., таких персонажей нет! Но «в европейской литературе, в том числе во французской и русской, на книжный рынок было выброшено множество романов и повестей, приписанных перу “славной г-жи Радклиф”» [Новые архивные и печатные источники: 64]. И потому, как замечает Б. Н. Тихомиров, «первый вывод, который можно сделать из сказанного: в родительском доме Достоевского в 1820–1830-е гг., наряду с произведениями самой Анны Радклиф, судя по всему, читались романы и повести псевдо-Радклиф, и этим можно попытаться объяснить упоминание писателем Альфонсов, Катарин, Лючий и дон Педров, отсутствующих в четырех указанных выше подлинных произведениях английской романистки» [Новые архивные и печатные источники: 65].

В результате просмотра каталогов ведущих российских библиотек и Сводного каталога русской книги 1801–1825 гг., автору удалось составить полный список книг романов и повестей, которые были изданы в России «под фирмой» г-жи Радклиф. Отмечается, что псевдорадклифиана представляет собой «очень пестрое явление — от вполне добротных образцов готического или авантюрного романа предромантической эпохи до откровенных литературных спекуляций» [Новые архивные и печатные источники: 67].

Б. Н. Тихомиров предлагает краткий генезис этого любопытного историко-культурного явления. Автор представляет интереснейший обзор романов, пытаясь установить, каким образом, в результате каких ассоциаций и aberrаций имена и реалии романов повлияли на творческое сознание Достоевского, а также прослеживает генезис его «итальянской мечты», полагая, что в этом плане особый интерес представляет роман псевдорадклифианы «Видения в Пиренейском замке».

В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Из юных лет Михаила и Федора Достоевских. Новые архивные материалы 1837–1839 гг.» в научный оборот вводятся «архивные документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва), дающие дополнительный материал к построению научной биографии братьев Михаила и Федора Достоевских в один из самых малоизученных периодов — 1837–1839 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 81]. Авторы комментируют хранящиеся в двух фондах Российского государственного военно-исторического архива документы, которые еще не введены в научный оборот и содержат дополнительную информацию, касающуюся как обстоятельств зачисления на службу в январе 1837 г. М. М. Достоевского, так и первых лет обучения Ф. М. Достоевского в Главном инженерном училище.

В статье представлены комментарии к документам из дела М. М. Достоевского, хранящиеся среди бумаг канцелярии директора Инженерного департамента и документы делопроизводства ГИУ. Опубликованы интереснейшие и очень важные документы, свидетельствующие не только о перипетиях судьбы братьев Достоевских, но и о некоторых особенностях функционирования государственной и образовательной системы того времени.

Особый интерес представляют документы, касающиеся обучения Ф. М. Достоевского в Главном инженерном училище. Довольно скудные сведения об этом периоде жизни Достоевского восполнены в комментариях «по печатным источникам эпохи, иной справочной и биографической литературе и создают в результате более объемную и конкретную картину, нежели та, которая существовала в исследованиях жизни писателя до настоящего времени» [Новые архивные и печатные источники: 91].

Исследователи представляют скрупулезный анализ «Учебного отчета Главного инженерного училища» за курс 1838 г. — «первого года пребывания Достоевского в привилегированном военном учебном заведении» [Новые архивные и печатные источники: 91] — и вносят немало новых деталей, по сравнению с предшественниками, обращавшимися к составу дисциплин, преподававшихся в училище. Представляя содержание курсов, изучавшуюся воспитанниками литературу, авторы обращают внимание на то, что могло повлиять на творческое сознание писателя, сформировать его представления о мире, а это очень важно для достоевистики. Написав о педагогах, которых Достоевский упоминал в своем эпистолярии, Б. Н. Тихомиров и Е. Д. Маскевич отмечают ошибки, допущенные предшественниками в указании сведений о некоторых из них. Исследователям удалось установить некоторые сведения о педагогах, указанных в «Отчете...», но не упоминавшихся в достоевистике (инженер-полковник Лука Лукич Герман, учитель французского Николай Иванович Фавр, Федор Иванович (Людвиг Теодор) Эльснер, Федор Шведе, проводивший занятия по рисованию); значительно дополнены и скорректированы сведения о других педагогах.

Авторы устанавливают «имена 20 педагогов, как штатных, так и привлеченных репетиторов, которые входили в экзаменационную комиссию, принимавшую у Достоевского годовой экзамен за учебный курс 1839 г. Имена семерых из них также вводятся в научный оборот впервые. В отношении еще двух исправлены фактические ошибки. Биографические данные об остальных уточнены и дополнены» [Новые архивные и печатные источники: 117].

Опубликованные в статье документы содержат новые данные, «позволяющие сформировать более объемное представление об учебном процессе в Главном инженерном училище в период 1838–1839 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 116], довольно убедительно перечислены причины, почему Достоевский был оставлен на второй год. Впервые «представлены все 19 педагогов, чьи лекции в этот период слушал Достоевский. Имена восьмерых из них вводятся в научный оборот впервые» [Новые архивные и печатные источники: 116]. Многие материалы печатных источников, которыми комментируются архивные данные, также вводятся в научный оборот впервые.

Публикация Б. Н. Тихомирова «Я, нижепоименованный Федор Достоевский... Присяга на верность службы 20 августа 1841 года» содержит «архивный документ, занимающий особое место в биографии Ф. М. Достоевского.

Это датированный 20 августа 1841 г. так называемый “присяжный лист”, содержащий “Клятвенное обещание”» [Новые архивные и печатные источники: 120]. Под ним стоит подпись Достоевского, и, как справедливо полагает исследователь, “Клятвенное обещание” должно быть включено в корпус текстов Достоевского, напечатанных в академическом собрании сочинений писателя, а настоящая публикация — рассматриваться как *дополнение* к разделу “Официальные письма и деловые бумаги”» [Новые архивные и печатные источники: 122].

Важность документа обусловлена тем, что он «позволяет уточнить круг общения Достоевского в период обучения в Главном инженерном училище» [Новые архивные и печатные источники: 125], и поэтому Б. Н. Тихомиров приводит краткие биографические справки, используя как известные, так и новые источники, что позволяет рассматривать их как цельные словарные статьи, предназначенные для будущего дополненного издания энциклопедического словаря «Ф. М. Достоевский и его окружение». Указывает исследователь и на новое лицо из окружения Достоевского, которым оказывается «приводивший молодых офицеров к присяге священник церкви Михаила Архангела при Главном инженерном училище Гавриил Игнатьевич Розов (ок. 1805–1874), уроженец Олонецкой губернии» [Новые архивные и печатные источники: 129]. Б. Н. Тихомиров представляет краткую биографию священника, расширяя представления о круге общения Достоевского.

В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Достоевский в чертежной Инженерного департамента» публикуются новые данные к биографии Ф. М. Достоевского 1843–1844 гг. Исследователи заполняют «белое пятно» в том периоде биографии писателя, когда он «после окончания Главного инженерного училища был зачислен в С.-Петербургскую Инженерную команду “для употребления при Чертежной Инженерного департамента”» [Новые архивные и печатные источники: 134]. «Хранящийся в фондах Российского государственного военно-исторического архива Кондуитный список господ штаб- и обер-офицеров полевых инженеров, числящихся при С.-Петербургской Инженерной команде и находящихся при Чертежной Инженерного департамента (ежегодный документ, составлявшийся в военном ведомстве до начала 1860-х гг., в котором отмечались как формулярные данные, так и сведения о поведении, умственных способностях и т. п. офицеров того или иного подразделения), позволяет ввести в научный оборот данные о пятнадцати сослуживцах Достоевского. Прокомментированные с привлечением печатных источников эпохи, а также иных биографических справочников, данные Кондуитного списка существенно расширяют представление об окружении писателя в 1843–1844 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 134]. Впервые введенный в научный оборот документ позволяет «хотя бы с одной стороны осветить внешние обстоятельства службы писателя в течение года между окончанием ГИУ и выходом в отставку и поставить на твердую документальную основу вопрос об окружении

Достоевского в Чертежной Инженерного департамента, о чем до настоящего времени у биографов писателя не было никаких данных» [Новые архивные и печатные источники: 136].

Опираясь на этот документ, исследователи систематизировали сведения обо всех «полевых инженерах», сослуживцах Достоевского в 1843–1844 гг. Документ позволил авторам статьи ввести в научный оборот данные о пятнадцати сослуживцах Достоевского. Как справедливо полагают исследователи, «прокомментированные с привлечением печатных источников эпохи, а также иных биографических справочников данные Конduitного списка существенно расширяют представление об окружении писателя в 1843–1844 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 134].

Статья Б. Н. Тихомирова «Стихотворное “Послание Белинского к Достоевскому”. Итоги и проблемы изучения» «посвящена комплексному рассмотрению проблем изучения стихотворного “Послания Белинского к Достоевскому” (“Витязь горестной фигуры...” — пародийного текста, дошедшего до нашего времени лишь в списках разной степени авторитетности и без твердого указания его авторов» [Новые архивные и печатные источники: 150]. Б. Н. Тихомиров обобщает и анализирует существовавшие прежде исследовательские подходы к проблемам источников, авторства и датировки стихотворения.

Автор обращается к работе В. Н. Захарова [Захаров] о генезисе и форме бытования «анекдотика с каймой» — известного биографического мифа о Достоевском. Указывает, что в этой статье содержится наиболее основательное и полное в отечественной науке освещение различных аспектов изучения стихотворного «Послания Белинского к Достоевскому», и предлагает несколько иную историю текста этого сатирического стихотворения.

Новые наблюдения позволяют автору подтвердить высказанное В. Н. Захаровым предположение об участии в создании этого коллективного произведения, наряду с Тургеневым и Некрасовым, Ивана Панаева. В отличие от представленного В. Н. Захаровым «линейного» творческого процесса создания стихотворения, Б. Н. Тихомиров выдвигает гипотезу «о *двух разнесенных во времени этапах* творческой работы соавторов над текстом произведения, иначе говоря — о двух редакциях стихотворения: ранней, краткой, и окончательной, пространной» [Новые архивные и печатные источники: 156].

Глубокий анализ архитектоники и ряда содержательных элементов текста стихотворения подтверждает эту гипотезу. В свете этой гипотезы, привлекая широкий биографический и творческий контекст, автор уточняет и подходы к решению проблемы его датировки. Но, как замечает автор, «для окончательного решения проблем авторства и более точной датировки “Послания...”, а также истории текста стихотворения необходим поиск новых источников. На сегодняшний день ответы на данные вопросы в определенной степени имеют характер мотивированных гипотез» [Новые источники: 167].

В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Петрашевцы после Семеновского плаца. Комендант Набоков и император Николай I. Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских» в научный оборот вводятся новые документы, «обнаруженные авторами в Российском государственном историческом архиве, которые содержатся в фонде Управления коменданта Санкт-Петербургской крепости, в деле “Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году”» [Новые архивные и печатные источники: 169]. Благодаря найденным документам авторы устанавливают перипетии ареста Андрея и Михаила Достоевских по делу петрашевцев, а также новые обстоятельства, при которых отправляемым на каторгу арестантам было разрешено свидание с родными, а Ф. М. Достоевскому — с братом Михаилом и Милюковым. В статье «публикуются документы, раскрывающие обстоятельства, предшествовавшие свиданию братьев Достоевских 24 декабря 1849 г., перед отправкой Федора в Сибирь, в котором первоначально им было отказано. Это ходатайство коменданта Петропавловской крепости Набокова, направленное на имя Военного министра, с просьбой разрешить родственникам петрашевцев свидания с ними перед отправкой в места отбывания наказаний, а также последовавшее после всеподданнейшего доклада министра Всемиловитейшее разрешение на сей счет Николая I» [Новые архивные и печатные источники: 169].

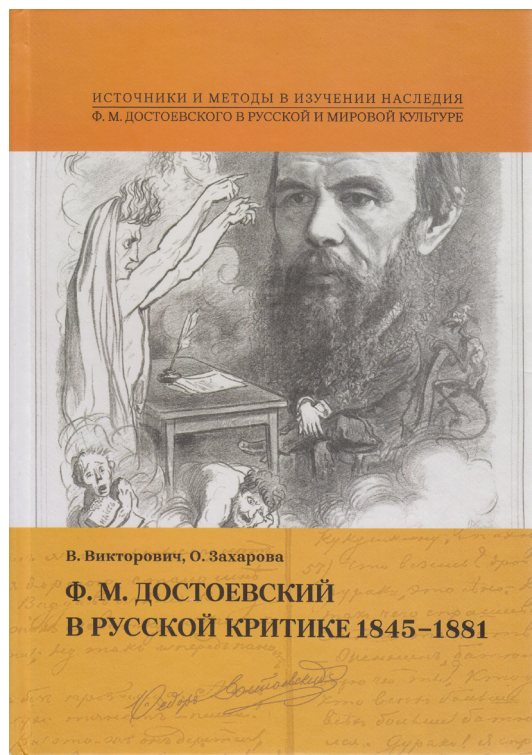
Второй блок обнаруженных документов из дела № 156 проливает свет на участие императора Николая I в судьбах петрашевцев после «трагического фарса» на Семеновском плацу. Вводятся в научный оборот «документы, знакомящие с инициативой императора о выплатах денежных вспоможений семьям осужденных петрашевцев, а также семейным и многодетным петрашевцам, привлеченным к дознанию и временно заключенным в крепости» [Новые архивные и печатные источники: 169]. Изучение документов позволило исследователям снять подозрения с М. М. Достоевского о его якобы «нескромном поведении» на следствии и о том, что он выступил на нем в «роли Иуды Искаротского», на что «с нажимом» намекали А. С. Долинин и особенно Л. П. Гроссман [Новые архивные и печатные источники: 187].

В третьем разделе статьи публикуются документы из дела № 156, которые, как замечают авторы, обозначают серьезную биографическую проблему. Это «квитанция, выданная “преступнику Достоевскому”, согласно которой у него при этапировании отобраны 100 рублей собственных денег, а также документ, подтверждающий получение этой суммы в Тобольском приказе о ссыльных» [Новые архивные и печатные источники: 169]. Рассмотрев вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе этих денег, авторы заключают, что это одно из «темных мест» биографии Ф. М. Достоевского [Новые архивные и печатные источники: 196].

В приложении к книге помещена первая полная публикация по автографу воспоминаний А. Е. Ризенкампа о юношеских годах Достоевского, с которым он состоял в дружеских отношениях с 1838 по 1844 гг.

Архивные данные статей монографии прокомментированы материалами печатных источников эпохи, большею частью также вводимыми в научный оборот впервые. Книга представляет собой очень ценный и весомый вклад в научную биографию Достоевского. Казалось бы, некоторые разыскания заканчиваются «ничем», то есть не дают ответа на поставленные вопросы. Но это только видимость. Каждое исследование приближает нас к истине, и, исключая уже пройденные, указывает новые пути дальнейших поисков и решений.

В монографии В. А. Викторovichа и О. В. Захаровой «Достоевский в русской критике. 1845–1881» [Викторovich, Захарова] представлен обзор критических высказываний о Ф. М. Достоевском, появившихся в русской печати 1845–1881 гг., причем многие публикации впервые вводятся в научный оборот, так как были обнаружены в процессе исследования.

Илл. 5. «Достоевский в русской критике. 1845–1881». Коломна, 2021

Fig. 5. "F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881". Kolomna, 2021

Обращает на себя внимание оглавление книги. Оно весьма своеобразно, особенно для академической науки. Авторы не просто сухо называют источники, но как бы фиксируют в названии главок проблематику, своеобразие, специфику восприятия современниками произведений Достоевского. Например:

- Молва и слава. Первые упоминания в печати.
- Дебют с триумфом и скандалом.
Кто первый назвал Достоевского гением? Провокация Белинского и состязание писательских амбиций.

Или:

- Критики привыкают писать о Достоевском: «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова». В. Майков о вреде критики.
- Проблема жанра. Неразличение повести и романа в критике сороковых годов.

Или:

- «Записки из Мертвого дома» как «фурор» Достоевского. Почему не удалось сострить Н. Щедрина?
- Неудачи и беды журнала «Эпоха». Почему никто из критиков не откликнулся на «Записки из подполья»? «Крокодил» в подаче «Голоса»: как сплетня становится фактом.

Или:

- Роман «Бесы» и растерявшиеся читатели.
Журналистика, поднявшаяся на защиту молодого поколения.

Или:

- Роман «Подросток». Затруднения Загуляева, эстетическое охранительство Авсеенко, рецензия Кущевского как автобиографический жанр.
- Радости и огорчения Скабичевского. Есть ли у народа идеалы? Страхи Лароша и улыбчивого одессита. Неадекватное прочтение Достоевского vs его растущий авторитет.

Или:

- «Братья Карамазовы» и проблема деревянного масла. Атрибутированный Ларош. Вышедшие из терпения Чуйко и Корш. Протопопов, учащий Достоевского уважать человека. Боборыкин как посланник Золя.
- Критика на страже читательского комфорта. Буренин, опережающий лингвистические теории XX века. Южный позитивист о романе. Поэма «Великий инквизитор» как пробный камень русской критики.

- «Дневник писателя» 1880 г. «Юродивый мистик» и «проповедник смирения». Единение радикальной и либеральной критики. Концептуальные прения «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов». К. Д. Кавелин «в лаборатории строгой и точной науки».

Или уже серьезно, но тем не менее интересно и познавательно:

- Новый раскол в нигилистах. «Жестокий талант» по Михайловскому против «жизненных интересов» по Ткачеву. Фирменная нетерпимость Антоновича и награда ему от Буренина.
- Достоевский в церковной критике. Смерть писателя, открывшая шлюзы духовного красноречия. Мотив жизненного подвижничества. Выход за пределы эстетики в область нравственного богословия.

Столь же информативны и оригинальны названия глав:

Глава 1. 1845–1849. «Новый Гоголь явился».

Глава 2. 1850–1865. Возвращение. Журнализм как «новое слово».

Глава 3. 1866–1870. Откровения новой русской прозы.

Глава 4. 1871–1874. В зоне турбулентности.

Глава 5. 1875–1878. Трудный путь к читателю.

Глава 6. 1879–1880. Споры на вершине.

Глава 7. 1881. Кануны.

Читаешь это оглавление, и возникает желание посмотреть, что же там написали критики и журналисты? Авторы не просто создали оглавление, они направляют читательское внимание, провоцируют читательский интерес, выявляют в критике основные направления и пафос. Оглавление как бы стилизовано под традицию журналистики XIX в., стремившейся в заглавии представить читателю основное содержание и направленность произведения.

Столь же познавательно и информативно содержание глав. Исследуя отзывы критики о произведениях Достоевского, авторы монографии не просто цитируют произведения, они анализируют их в контексте современных представлений о произведениях Достоевского и умеют при этом не разрушить концепцию критика, не оценивают ее, а представляют в контексте важнейших вопросов. Например, в главе об отзывах о «Бедных людях» авторы отвечают на поставленные ими вопросы: «Как критики оценивали значение романа “Бедные люди”? Какое место отводили ему в литературном процессе? Рассматривали ли Достоевского как продолжателя традиций Гоголя? Как понимали концепцию героя в дебютном произведении писателя? Заметили ли критики открытие Достоевским своего антропологического принципа в литературе?» [Викторович, Захарова: 26].

Особенно важно и значимо для исследователя творчества Достоевского, что авторы монографии приводят и отзывы Достоевского на критические замечания, которые они обнаружили в письмах, записных тетрадях, дневниках писателя, представляя таким образом глубину авторской рефлексии и самоинтерпретации.

В книге представлены не просто критические отклики, но показана динамика функционирования произведений писателя в критике, а полемика в критике представлена как интереснейший процесс осмысления и презентации в современной культурной парадигме произведений Достоевского.

Авторы вводят читателя в литературную атмосферу, в которой существовал писатель, как бы погружая нас в голоса эпохи, в суждения, мнения, которые слышал, читал, на которые откликался Достоевский и которые, несомненно, влияли на творческий процесс писателя.

В новом свете представлена борьба Ап. Григорьева за возвращение Достоевского в литературу после каторги. Мы узнаем также, какие приемы или способы обхода цензуры использовал А. Григорьев, чтобы публика помнила о Достоевском в период его пребывания в Сибири. Например, в найденном авторами цензурном экземпляре статьи, на верстке которой стоит разрешение цензора И. И. Бессомыкина на ее публикацию от 11 октября 1855 г., фамилии главных героев искажены: «г. Прохаргин» и «г. Голявкин»: «Очевидно, что ошибки сделаны намеренно, — замечает О. В. Захарова, — так, чтобы можно было выдать их за опечатки, так как после цензурного разрешения дозволялось исправлять только опечатки. “Ошибки” были исправлены, и в журнальном варианте статьи приведены правильные имена героев Достоевского» [Викторович, Захарова: 79].

Авторы монографии систематизируют критические статьи и высказывания о романах Достоевского, концептуально выстраивают систему трактовок романов в их последовательности, преемственности или полемике.

В книге представлен очень емкий, глубокий и скрупулезный анализ осмысления критикой таких произведений Достоевского, как «Бедные люди», «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Записки из Мертвого Дома», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и Наказание», «Идиот», «Подросток», «Вечный муж», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Огромный интерес представляет исследование рецепции в критике религиозной проблематики поэмы о Великом инквизиторе, споров о «неканоничности» религиозных мотивов романа. В. А. Викторович показывает, какой «серьезной проверкой для оппонирующей Достоевскому критики стала глава “Великий инквизитор”. Шедевр художественного и философского творчества, которому суждено было открыть новые горизонты в истории мировой культуры» [Викторович, Захарова: 413–414].

Объемная картина споров вокруг знаковой главы представлена в оценках, данных В. А. Викторовичем, критическим статьям Е. Э. Картавцова, А. С. Хомякова, А. А. Кириллова, специалиста по нравственному богословию С. Д. Левитского, критика-богослова о. Александра Иванцова-Платонова, К. Н. Леонтьева, И. Н. Павлова, в суждениях Е. Ф. Тютчевой и К. П. Победоносцева. Представив и проанализировав все направления в критике романа, В. А. Викторович остроумно замечает: «Оказавшись уже на вершине, возведенной художником и мыслителем, его оппоненты всё еще вели

спор о самом существовании этой вершины. Нигилистическая критика (Корш, Боборыкин) и здесь находила разные способы остракизма, уподобляясь известной Мосье, но надо заметить, что это уже не был стройный хор голосов, как раньше, во времена “Бесов” и “Гражданина”, когда “залаляла вся свора прогресса”, по выражению Аполлона Майкова. Потерялась слаженность ансамбля (“своры”), из него выпадали голоса, однозначного перешедшие “на другую сторону” (Буренин, Сычевский) и присоединившиеся к тем, кто утверждал, что следует не столько спорить с гением, сколько изучать его явление и природу (Загуляев). Были и те, кто искал примирительной золотой середины: “с одной стороны” — “с другой стороны” (Марков). Те же, кто остались враждовать с Достоевским, но не могли не признать его гениальность, теперь должны были окончательно развести хорошего художника и плохого мыслителя (Скабичевский, Ларош, Протопопов, Ярош)» [Викторович, Захарова: 413].

Как отмечает В. А. Викторович, “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского, сказанная 8 июня 1880 г. на открытом заседании Общества любителей российской словесности в зале московского Благородного собрания, сразу же стала объектом беспрецедентного внимания множества средств массовой информации, газет и журналов» [Викторович, Захарова: 423]. И хотя отклики на речь Достоевского исследовались в достоевистике, в настоящее время действительно «назрела необходимость как расширения источниковой базы вплоть до включения в нее всех печатных отзывов, так и системного их анализа» [Викторович, Захарова: 424].

Систематизируя известные и вновь открытые отклики на речь, В. А. Викторович выстраивает их в логической поэтапной последовательности: 1) от момента произнесения до публикации в «Московских Ведомостях»; 2) от газетной публикации до выхода «Дневника Писателя» 1880 г.; 3) после выхода «Дневника Писателя».

Представляя критические отзывы, В. А. Викторович дает им объективную, соответствующую современным представлениям оценку. Например: «...скоро в спорах о “Пушкинской речи” он (как предполагает В. А. Викторович, — критик Э. К. Ватсон. — О. Ю.), дорастет до прямых оскорблений “запродавшего” автора “Записок из Мертвого Дома”. Подобный шаг при обострении идейной борьбы делается почти незаметно, на него толкает соблазн легкой победы над идейным противником» [Викторович, Захарова: 428–429].

Рассматривая отклики на Пушкинскую речь, автор затрагивает очень важную и для современной науки полемику по поводу обвинения Достоевского в «мессианстве» и утверждении «избранности русского народа», ведь и сегодня много «искренне убежденных», что «Пушкинская речь» несла в себе «фальшь», заключающуюся «в опасном, имевшем катастрофическое продолжение в европейской истории возведении русских в ранг всечеловеков» [Ребель: 274]: «Это был сильный ход — обвинение в мессианизме. Услышанное или

как-то вычитанное “избранный Богом народ” (опять же в предательских кавычках) — вольный перевод слов Достоевского “назначение”, “удел”, “предназначено”³. Также и в телеграммах и первых корреспонденциях ничего не было об “избранности”, это уже **прибавка** либеральной газеты, имевшая, впрочем, продолжение: и до сих пор в литературе о “Пушкинской речи” неугомонно муссируется ее “мессианизм» [Викторович, Захарова: 429].

В. А. Викторовичем и О. Н. Захаровой проделана огромная работа по изучению печатных изданий эпохи Достоевского, писем, записок Достоевского, воспоминаний современников, что создает полную картину реакции читателей и критиков на произведения писателя, помогает глубже вникнуть в важные коллизии его произведений через восприятие их современниками, через различные точки зрения. В научный оборот впервые введены многие статьи и отклики, которые помогают воссоздать полную картину критического осмысления и художественного функционирования произведений великого писателя. Многие статьи и печатные отзывы впервые атрибутированы и введены в научный оборот. Думается, что книга станет очень важным подспорьем исследователям творчества Достоевского, так как в ней представлен не только глубокий анализ критических отзывов о произведениях писателя, но и предлагаются интереснейшие, современные трактовки его произведений.

Представленные в обзоре книги действительно являются новым словом в достоевистике. Новые архивные и рукописные материалы, открытые исследователями, проанализированные ими исторические источники, впервые введенные в научный оборот, будут способствовать дальнейшему развитию науки о Достоевском, созданию его современной научной биографии, откроют для литературоведов новые и глубокие смысловые нюансы в произведениях великого писателя.

Список литературы

1. Андрианова И. С. Современное состояние рукописного фонда Ф. М. Достоевского // Рукописное наследие Ф. М. Достоевского. СПб.: РХГА, 2021. С. 7–32.
2. Богданов Н. Н., Роговой А. И. Кто вы — Андрей Достоевский? (К прояснению биографии деда писателя) // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.; М.: Серебряный век, 2004. № 20. С. 277–294.
3. Викторович В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: Лига, 2021. 536 с.
4. Даровое Достоевского: материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: Лига, 2021. 544 с.
5. Деханова О. А. История о книге с иллюстрациями: «Первая книга для чтения» в семье Достоевских // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2018. № 36. С. 9–18.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 148.

6. Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 29–162.
7. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
8. Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля: коллективная монография / П. Е. Фокин, А. В. Петрова, Е. М. Варенцова [и др.]. СПб.: Росток, 2021. 448 с.
9. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: письма М. А. и М. Ф. Достоевских. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1939. 158 с.
10. Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова; отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: РХГА, 2021. 260 с.
11. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. М.: [Б. и.], 1957. 588 с.
12. Ребель Г. М. Учитель или Пророк? Тексты Пушкинского праздника // Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 264–274.
13. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова; сост. Л. В. Алексеева, И. С. Андрианова, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова, О. А. Сосновская, Б. Н. Тихомиров. СПб.: РХГА, 2021. 560 с.
14. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского: из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 154–193.

References

1. Andrianova I. S. The Current State of the Manuscript Fund of F. M. Dostoevsky. In: *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 202, pp. 7–32. (In Russ.)
2. Bogdanov N. N., Rogovoy A. I. Who Are You — Andrey Dostoevsky? (To Clarify the Biography of the Writer's Grandfather). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Moscow, Serebryanyy vek Publ., 2004, no. 20, pp. 277–294. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A., Zakharova O. V. *F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881* [Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. (In Russ.)
4. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky's Darovoe. Materials and Research]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 544 p. (In Russ.)
5. Dekhanova O. A. The Story of the Book with Illustrations: “The First Book to Read” in the Dostoevsky Family. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2018, no. 36, pp. 9–18. (In Russ.)
6. Dostoevskiy A. M. From “Memories”. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, pp. 29–162. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. About a Myth About Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)
8. *Neizvestnye i maloizvestnye istochniki biografii F. M. Dostoevskogo v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii rossiyskoy literatury imeni V. I. Dallya* [Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021. 448 p. (In Russ.)

9. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Fedor M. Dostoevsky]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
10. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoy biografii F. M. Dostoevskogo* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
11. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, 1957. 588 p. (In Russ.)
12. Rebel' G. M. Teacher or Prophet? Texts of the Pushkin Holiday. In: *Rebel' G. M. Turgenev v russkoy kul'ture* [Rebel G. M. Turgenev in Russian Culture]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 264–274. (In Russ.)
13. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the humanities Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
14. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo: iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [The Moscow World of Dostoevsky: From the History of Russian Art Culture of the 20th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 154–193. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юрьева Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ул. К. Маркса, 1, г. Иркутск, Российская Федерация, 664075); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8424-4202>; e-mail: yuolyu@yandex.ru

Ol'ga Yu. Yurieva, PhD (Philology), Professor, Irkutsk State University (ul. K. Marksa 1, Irkutsk, 664075, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8424-4202>; e-mail: yuolyu@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.01.2022

Принята к публикации / Accepted 01.02.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022

Памяти Луи Аллена (1933–2022)

15 января после продолжительной болезни в возрасте 88 лет ушел из жизни один из крупнейших славистов Франции, исследователь творчества Ф. М. Достоевского и литературы Серебряного века, почетный профессор Университета Лилля, член редколлегии журнала «Неизвестный Достоевский» Луи Аллен.

За несколько месяцев до смерти он прислал нам, по просьбе И. С. Андриановой, свою автобиографию и два небольших эссе о Достоевском, которые публикуются в петербургском альманахе «Достоевский и мировая культура». Приведем для читателей некоторые цитаты из автобиографии выдающегося слависта.

Луи Аллен родился в 1933 г. на северо-западе Франции в городе Брест, затем с родителями переехал в Марсель. «Случилось, — вспоминал он, — что однажды отец подарил мне к дню рождения том повестей Пушкина во французском переводе. Мне тогда было 11–12 лет, и это был мой первый контакт с Россией. Свежесть стиля, очарование от рассказов, присутствие какого-то нового для меня тона и звука заставили меня молчаливо решить про себя, что когда-нибудь я сумею читать этого автора в оригинале. В те же годы мы жадно следили за блестящими успехами Красной Армии, от которой мы ждали своего спасения от нацистского ига». После обучения в Сорбонне на отделении русской классической литературы и русского языка у таких знаменитых славистов, как Андре Мазон и Пьер Паскаль, он стажировался в Московском университете в 1955–1956-м и в 1957–1958 гг. «В свободное от занятий время я самостоятельно приступил к чтению “Идиота” Достоевского уже на русском языке, — рассказывал ученый. — Помню, как я был потрясен загадочной, чарующей атмосферой, которой был проникнут весь роман». После военной службы Луи Аллен проработал год в качестве учителя русского языка в лицее Сен-Шарля в Марселе. С 1961-го по 1969 г. его карьера связана с Сорбонной: здесь он был научным сотрудником, затем старшим преподавателем. С 1969 г. научная и преподавательская деятельность Луи Аллена связана с Университетом города Лилля. Лилль стал первым городом во Франции, где была осознана важность для страны изучения русской культуры и где еще в 1892 году (на 10 лет ранее, чем в Сорбонне) была основана университетская кафедра русского языка и литературы. В Университете Лилля Луи Аллен получил звание профессора, защитив в 1979 г. диссертацию, посвященную творчеству Ф. М. Достоевского, и заведовал кафедрой русского языка и литературы в течение 30 лет, до ухода на пенсию. Он — член Международного общества Достоевского и неоднократный участник его симпозиумов.

Его работы опубликованы не только во Франции и России, но и в Англии и Шотландии, Бельгии, Венгрии, Польше, Сербии, США, Германии. В центре интересов Луи Аллена была русская литература от Пушкина до Блока, но в первую очередь он известен как автор работ, посвященных творчеству Достоевского:

«Dostoïevski et Dieu. La morsure du divin» (1981), «Достоевский и Бог» (1983), «Dostoïevski et l'Autre» (1984), «Ф. М. Достоевский. Поэтика. Мироощущение. Богоискательство» (1996) и др. В 2020–2021 г. он опубликовал две свои статьи о Достоевском в российских изданиях: «Двойные мысли” у Достоевского» («Достоевский и мировая культура», 2020, альманах № 38) и «О некоторых свойствах памяти в рассказе Ф. М. Достоевского “Мужик Марей”» (“VI Летние чтения в Даровом”, 2021).

В 1987 г. профессор получил первую Пушкинскую медаль в связи с 150-летием со дня смерти поэта, в 1999 г. вторую — по случаю 200-летия со дня рождения поэта. В начале XXI в. в Кембридже его наградили медалью «Outstanding people of the 20th Century». В 2003 г. он получил от английских коллег диплом «International writer of the year».

В январе 2021 г. Луи Аллен писал И. С. Андриановой, что мечтал бы посетить Карелию и Петрозаводск, но эта мечта осуществилась только заочно: «А теперь совсем о другом. Я достал через знакомых замечательную книжку о Петрозаводске (Петрозаводск: «Прогресс», 2017). В ней в роскошных иллюстрациях повествуется о древних временах города и отображается нынешнее его состояние. Настоящая жемчужина! Так, например, я мог любоваться на овальное здание университета с его трёхворотным парадным входом и типичной охровой окраской. Мог любоваться и на великолепный кафедральный собор, так и утопающий в зелени. Поистине авторы этого сборника заслуживают высшую хвалу!»

13 апреля в Институте славистики в Париже состоится вечер памяти Луи Аллена. Редколлегия и Редакция журнала выражают глубочайшие соболезнования родным, близким и коллегам профессора Аллена. Скорбим вместе с Вами о невосполнимой утрате. Вечная память о светлом и замечательном человеке, ученом и учителе!

Редакция

In memory of Louis Allain

On January 15, Louis Allain, one of the leading French Slavists, a researcher of F. M. Dostoevsky's work and literature of the Silver Age, honorary professor at the University of Lille, a member of the editorial board of “The Unknown Dostoevsky” journal, passed away after a prolonged illness at the age of 88. Professor Allain's interests centered on Russian literature from Pushkin to Blok, but he is most renowned as the author of works dedicated to the work of Dostoevsky. An evening in memory of Louis Allain will be held at the Institute of Slavic Studies in Paris on April 13. Members of the Editorial Board of our journal express their deepest condolences to the relatives, friends and colleagues of Professor Allain. We grieve together with you for the irreparable loss. May this brilliant and wonderful man, researcher and educator stay in our memory forever!

Editorial Board

В оформлении обложки использовано изображение иконы Божией Матери «Знамение» кисти Христофора Семенова. 1175 (?)

For the design of the cover page there was used the image of the icon of the Mother of God «The Sign» by Christopher Semenov. 1175 (?)

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Л. В. Алексеева,
Е. Н. Вяль

Компьютерная верстка: Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина

Перевод: Я. И. Соломинская

Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:

**185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ**

Address of the Editorial Staff:

**185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University**

Tel. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com

<http://unknown-dostoevsky.ru>